
Владимир ГОНИК

РАССКАЗЫ

Из цикла «Энциклопедия любви»

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ. КАПРИЗНАЯ ЛЮБОВЬ

1. Московская область. Подразделение икс

Август случился туманным и мокрым. С Ильи Пророка, как отгремела подobaющая дате гроза, с которой наши предки исчисляли конец лета и окончание купаний, зарядили дожди — ни дня без ненастья. Однако с бабьим летом пришла устойчивая теплынь, потянулись тихие прозрачные дни, листья, облетая, размашисто стригли воздух, исчертили, испещрили, иссекли воздушное пространство цветной штриховкой.

Никто не спорит, не опровергает, бабье лето что любовь на исходе чувств, на их излете, на последнем дыхании. Как иначе, если солнце уже потеряло знойный накал и жгучую силу, но не исчерпалась пока, не иссякла последняя запоздалая ласка, зреет щемящая печаль — предчувствие разлуки с летом и теплом. Об эту пору в России посещают нас сокровенные мысли, неисповедимые желания, необъяснимые совпадения и случайности.

Под вечер в субботу я возвращался из Москвы. Электричка попалась мне странная: то неслась во весь опор — без остановок, отстреливая назад мелькающие за окном станции, то едва плелась, а то подолгу стояла на перегонах. В конце концов нас и во все не повезли, высадили на платформу и объявили, что поезда не ходят. Словом, нравится не нравится, добирайся, как знаешь. Я отправился на Можайское шоссе в надежде отловить попутную машину. За поворотом на Вяземы по соседству с усадьбой царя Бориса Годунова взгляду открылся древний Спасо-Преображенский храм, похожий на Архангельский собор Московского Кремля. Усадьбой двести с лишним лет владели князья Голицыны, парк и старинные постройки отражаются в прудах, устроенных Годуновым на реке Вяземке, которую перегородили плотинами. Не знаю, как сейчас, в мое время на прудах существовала лодочная пристань.

На посту автоинспекции дежурный инспектор согласился помочь мне с попутной машиной. Мы вышли на обочину, благодетель мой, тормозя машины, то и дело взмахивал полосатым жезлом. Но не везло, не везло, есть такие дни, когда если не заладится, не везет и дальше. Лимузин мы углядели еще издали. Среди обычных автомобилей, тучей сыпавших по шоссе, он выглядел как большая рыба в стае мелюзги. Закатное солнце отразилось в могучем хромированном радиаторе, широкое лобовое стекло

Владимир Семенович Гоник — автор 10 книг прозы, 12 кинофильмов (в том числе на «Ленфильме»). Переводы во многих странах. Романы «Оркестр» (Лондон, 2021), «Небесный ковш (Бэйдю)», номинация на «Ясную Поляну». (2021). Семь премий за сценарии. Член Союза писателей и Союза кинематографистов РФ. Живет в Москве.

пылало медью. Лимузин отличался наглой ездой, даже без sireны угадывался надменный и спесивый окрик хозяина дороги: расступись!

И расступались, расступались, все знают на дорогах норы и повадки власти. Покачиваясь на скором ходу, словно идущий на прорыв танк, большой и мощный лимузин с тугим гулом разносил в клочья подмосковный воздух.

Капитан, мой покровитель, засуетился, перекрыл на перекрестке движение, очистил главную дорогу и загодя козырнул молодцевато, прямой ладонью отдал честь, точно на параде. Но лимузин неожиданно сбавил ход, притормозил и остановился вровень с нами. Стекло неторопливо поехало вниз, из окна выглянул армейский майор, спросил поворот на лесную дорогу.

— А вот офицер как раз туда едет, покажет, — любезно предложил инспектор. — Документы!.. — строго, непререкаемо, без малейшего снисхождения потребовал майор, внимательно измерил меня недоверчивым взглядом, долго и пристально изучал мое удостоверение, как будто сопровождал бесценный груз и головой отвечал за его сохранность. Судя по всему, мой вид и гражданская одежда доверия не внушали.

Что ж, майор изобразил бдительность и служебное рвение, я распознал в нем адьютанта по домашнему хозяйству крупного воинского начальника. Обычно хозяйственное управление министерства для высоких генералов и маршалов содержало штат обслуги. Впрочем, майор смилостивился, кивнул на заднюю дверь: садись, мол.

Я открыл дверь и опешил в невольном поклоне. На широком ковровом диване валялась девица в небрежной позе, вполне зрелая, но довольно бледная, и я заподозрил анемию, по изгибу губ определил капризный и вздорный характер.

— Это кто? — с явным недовольством спросила она майора, в голосе прорезались ломкая заносчивость и заведомая неприязнь.

— Попуччик, — ответил майор. — Покажет дорогу.

Без большой охоты девица изменила позу, убрала ноги и подвинулась, освободив место. Она могла бы показаться довольно привлекательной, если бы не скука в глазах и пресыщение в лице, будто она все на свете постигла и окончательно разочаровалась. Кто бы сомневался, рядом с такой публикой скисает молоко, фрукты набивают оскомину, хорошее вино отдает уксусом, сохнут деревья и вянут цветы.

На прощание автоинспектор козырнул нам вдогонку, лимузин тронулся с места и пошел, пошел, набирая ход. Мы помчались стремглав, как высокое начальство по государственной надобности, по острой необходимости, по неотложным делам.

— Ты где служишь? — сидя на переднем кресле рядом с водителем, не оборачиваясь, поинтересовался майор.

— Здесь, поблизости. — Я уже догадывался, куда они едут, нам предстояло ехать сообща до конца дороги.

— Подразделение икс знаешь? — он назвал нашу затерянную в лесах немыслимо секретную воинскую часть.

— Знаю.

— Дорогу покажешь?

— Доедем, — пообещал я уклончиво, чтобы не нарушать конспирацию и режим секретности.

Он знал нашу часть, а значит, снарядил машину и послал его начальник, для которого в армии нет секретов. Девушка со скукой безучастно смотрела в окно, где стеной непроницаемо стоял глухой лес — ни конца, ни края. Она молчала, но и без слов было понятно, что нет на свете причины, которая могла бы ее увлечь, вызвать улыбку или интерес. На меня она не обращала внимания — не замечала, взглядом не удостоила, словом не одарила, жестом не снизошла.

Узкая, выложенная бетонными плитами военная дорога прорезала лес, как ущелье прорезает горный хребет. Мне приходилось ездить по Военно-Грузинской дороге в Дарьяльском ущелье, прорезающем Главный Кавказский хребет. Ущелье неуклонно сужается, приобретает мрачный и зловещий вид, отвесные, невероятно высокие, голые и угрюмые скалы постепенно сближаются, угрожающе нависают над головой, впереди, кажется, они и вовсе сомкнутся, дорога уткнется в стену — конец пути, тупик. Но подъезжаешь ближе — в скалах неожиданно возникает узкая брешь, в которую с трудом протискивается дорога.

Вот и в нашем лесу мнится, будто дорога впереди уткнется в стену из деревьев, но вдруг образуется просвет, и мы едем дальше. Появись на дороге встречная машина, разминуться не удастся, кому-то придется съезжать на обочину. Хотя наш водила, сержант-сверхсрочник, уступать дорогу, понятное дело, не привык, он преисполнен величия и ясно осознает недостижимую высоту своего начальника.

За всю дорогу моя соседка и попутчица слова не проронила. По беглому впечатлению я углядел в ней тонкую кость, болезненную белизну кожи с голубыми прожилками вен, расположенных близко к поверхности. Любой, даже незначительный ушиб вызывает у таких девушек кровоизлияние, то есть гематому. И загорать им нет смысла: в тканях мало пигмента меланина, загар не образуется, солнце вызывает ожоги. В детстве хрупкие создания тайком грызут мел, чтобы восполнить недостаток кальция в организме, кроме того, они склонны к обморокам и бессоннице, изводят домашних не обузданными капризами, внезапными истериками и необдуманными поступками. Впрочем, кто из нас зарекся от необдуманных поступков?

В старые времена барышни из родовитых дворянских семей иногда страдали бледной немочью, болезнью знатных фамилий, которые, храня породу, заключали браки внутри узкого круга знакомых и родни и постепенно, шаг за шагом вырождались. Признаки из поколения в поколение копились, вырождение кралось за родовитыми семьями по пятам. Достаточно взглянуть на картины Веласкеса, его инфанты красноречиво свидетельствуют о вырождении королевской семьи.

Между прочим, советская партократия тоже стремилась заключать браки в своем кругу, никак не ниже, а желательно с повышением знатности и положения, такой брак считался удачным и выгодным.

— Прибыли! — объявил я в конце пути, когда дорога уткнулась в глухую бетонную стену с колючей проволокой наверху.

Лимузин остановился возле контрольно-пропускного пункта, на территории части его не пустили. Майор был обескуражен, он привык, что автомобиль пропускают всегда и везде. Стоит отметить, режим охраны у нас весьма строгий, продуман до мелочей. За наружной стеной есть и внутренняя, из мелкой сетки. Стены по всему периметру оснащены камерами наблюдения и разнообразной сигнализацией, бдительно стерегущей каждый шаг — датчики объема и движения, инфракрасные излучатели, ультразвуковые пьезоэлементы, да к тому же вдобавок по вечерам на полосу отчуждения между стенами выпускали сторожевых собак, злобных и свирепых, как исчадия ада.

Для посторонних вход на территорию части находился под незыблемым запретом. Изредка, если случалась надобность, приходилось кропотливо и дотошно оформлять пропуск. Посетителя могли пропустить через контрольную аппаратуру, а то и по старинке попросту и без затей обыскать. И конечно, я не мог пригласить кого-то в гости — подругу или приятеля, не мог собрать теплую компанию на дружескую вечеринку — режим, конспирация, высшая секретность. Только и оставалось, что изредка навещать в Москву, если из части шла попутная машина или служебный автобус довозил до железнодорожной станции.

— Добро пожаловать в доблестное подразделение икс! — я придержал дверцу лимузина, чтобы пассажирка выбралась наружу. Вид у нее был спесивый, но офицеры в русской армии во все времена отличались галантностью.

Что ж, она и на природе выглядела недурно, хабитус, что на латыни означает облик, внешний вид, невольно привлекал внимание, фигура оказалась на загляденье, в лице, однако, по-прежнему отчетливо угадывалось недовольство, она неприкаянно озиралась: куда ее занесло?!

Майор растерянно топтался рядом, не мог поверить, что ему отказали в пропуске.

— Что за порядки?! Я — сопровождающий! — возмутился он с досадой. — У меня поручение генерала!

— Какое поручение? — спросил я миролюбиво.

— Доставить его дочь по назначению.

— Считайте, что доставили. У нас строгий режим. Девушке оформят пропуск и проведут в приемное отделение. Посторонним нельзя.

— Это я посторонний?! — он не на шутку возмутился. — Меня даже в Кремль пускают!

— В Кремль можно, сюда нельзя.

Он посмотрел на меня очумело, с явной оторопью, видимо, решил, что ослышался, что ему померещилось, по выражению его лица мои слова он счел подлинным святотатством, чуть ли не государственной изменой. Но не буду же я ему объяснять, чем занимается подразделение икс, об этом хотели бы знать все разведки мира.

— Генерал приказал доставить дочь до палаты, доложить ему об условиях размещения, — настойчиво твердил майор. — И что я доложу?!

— Что условия вполне приемлемые: отдельная палата, все удобства, питание как в ресторане, но по назначенной диете, заказная система. Повара отличные, никто не ворует — вынести невозможно. Что вас еще интересует?

— Я привык исполнять приказ, — возразил он с обидой. — Хотелось бы взглянуть...

— Исключено, — разочаровал я его окончательно.

— Здравия желаю, доктор! — на ходу козырнул мне комендант части, сопровождавший на какую-то работу отделение солдат из хозяйственного взвода. В ответ я кивнул, поскольку был в гражданской одежде и без головного убора. На этот раз удивилась и девица, округлила и сделала большие глаза — еще бы! — случайный попутчик, Христа ради подобранный на дороге, оказался врачом там, куда ее привезли. Майор бросил на меня быстрый взгляд и спохватился:

— Виноват! Прошу прощения, доктор, я не знал, — он вытянулся, приосанился, бросил руки по швам. — Разрешите доложить?

Как я предполагал, он оказался одним из адъютантов высшего армейского начальства, ведающим делами семьи, домашним хозяйством и услугой: шоферами, кухаркой, горничной, садовником и дневальными — солдатами, которые исполняли обязанности денщиков.

Содержался весь штат за счет бюджета, то есть на средства налогоплательщиков. Это не было военной тайной, но когда кто-то заводил речь, генералы утверждали, что злопыхатели подрывают обороноспособность страны. Как бы то ни было, майор был не та птица, чтобы знать, чем занимается подразделение икс. Думаю, и его генерал понятия не имел о нашей работе, а если что-то и знал, то понаслышке, краем уха, в самых общих чертах, да и мало что в тематике смыслил.

Подразделение икс являлось секретной воинской частью. Это был научно-исследовательский и лечебно-диагностический центр, который наблюдал за офицерами, выполняющими особо важные задания с чрезмерными, порой невыносимыми физическими и моральными нагрузками. Перед заданием офицер поступал к нам, мы ис-

следовали его возможности, давали рекомендации, после задания он снова поступал к нам, мы изучали состояние организма и занимались реабилитацией. Обычно это были пилоты, командный состав атомных подводных лодок, десантники, прыгающие с парашютами из стратосферы, водолазы, погружающиеся на большую глубину, однако нередко среди пациентов оказывались агенты-нелегалы из военной разведки, которые раз в несколько лет или того реже через третьи-пятые-седьмые страны попадали к нам. Кроме того, мы дотошно изучали нетрадиционные методы и практики: йогу, предсказание событий, ясновидение, телекинез, телепатию, то есть передачу мыслей на расстояние, свойства информационных и энергетических полей. Нет нужды доказывать, какой уровень секретности нам предписали, какой режим мы соблюдали — изо дня в день, днем и ночью, круглые сутки. Однако иногда, изредка, от случая к случаю возникали необъяснимые явления. Исследовательская база, аппаратура и специалисты в подразделении икс находились на недосягаемой для прочей медицины высоте, маршалы и высшие генералы усердно норовили обследовать и подлечить своих чад и домочадцев именно у нас. Что в общем и целом понятно и объяснимо, хотя в наши служебные обязанности не входило. Высшие начальники лично и напрямую обращались к нашему генералу, который должен был, но не мог им отказать. Иначе у него в изобилии появились бы влиятельные недоброжелатели и враги.

Пока лимузин катил из Москвы, его на дорогах передавали по линиям связи, генерал отслеживал, где находится его дочь. Уведомленный заранее, встречать знатную особу вышел полковник, мой непосредственный начальник. Каково же было его удивление, когда мы с ней выбрались из одного автомобиля.

— Случайность, — объяснил я начмеду. — Электрички не ходили, а эти ехали сюда. Попутная машина.

— На дороге подобрали?! Попутка?! — состроил ехидную гримасу полковник — рассказывай, мол — и заявил вполне серьезно: — Ты ее привез, ты и веди.

— Не мой профиль, — отказался я.

— Твой, — возразил полковник и глянул сосредоточенно. — С начальством споришь?

— Я не спорю, но меня этому не учили. У меня другая специальность. Генеральские дочери — не моя забота.

— Твоя, твоя, — повторил он убежденно, словно в институте я прошел специализацию и окончил ординатуру по генеральским дочерям или хотя бы краткосрочные курсы при военно-медицинской академии. Говоря откровенно, в подразделении икс помимо лечебной практики я вел несколько разработок, одной из которых была мелкая, едва заметная или невидимая для обычного глаза моторика мышц лица. Микро-моторика проявляется в произвольной, неосознанной, непредумышленной и неконтролируемой мимике. Вместе с позами, жестами и движениями, которые характеризуются как язык тела, мимика невольно свидетельствует, говорит ли человек правду или лжет, удумал ли обмануть или ведет себя искренне и правдиво. Исследования и разработки велись по заказу военной разведки, заданию отвели короткие сроки.

— Мне, что ли, нравятся все эти дети, жены, тещи и свекрови?! — продолжал начмед. — Не нравятся! Будь моя воля, я бы их не принял. А куда деться? Мы не в облаках витаем, а живем на грешной земле. И суть не в том, специалист ты по генеральским дочерям или не специалист, а в том, хочешь ты помочь родному подразделению или не хочешь.

После таких иезуитских и убийственных доводов я стал ее лечащим врачом. Лимузин с трудом развернулся на маленьком пятачке перед воротами, как океанский лайнер в тесной гавани, и, покачиваясь, отбыл восвояси. Пациентку я проводил в приемное отделение, где на нее оформили историю болезни, и отвел в палату. У меня на-

метанный глаз, с первых ее шагов я заметил балетную поступь: ступни развернуты наружу, ноги ступают вразлет, осанку и стать, упругий шаг, сильные тренированные ноги, гибкое тело, привычное к большим физическим нагрузкам, двигалась она легко и непринужденно, что дается годами репетиций.

Дочь генерала страдала приступами страха. Приступ накатывался внезапно, как морской шквал, некоторое время безраздельно владел психикой, потом слабел и снижал. Онемев, она вдруг цепенела, сжималась в комок, безумный страх овладевал мыслями и помрачал сознание. Причины обычно зарождаются в детстве и кроются в подсознании, куда необходимо проникнуть, чтобы определить причину, понять, что происходит и как избавиться.

Дотошный психоанализ достоверно определил этиологию, картина проявилась. Пациентка с детства страдала от недостатка внимания, в семье все занимались собой, своими делами: отец службой, мать, актриса, — театром и светской жизнью. Девочке казалось, ее никто не любит, и чем дальше, убеждение крепло и росло. Есть одно универсальное лекарство, которое безотказно действует в подобных случаях, панацея от всех хворей, головокружительное снадобье, сколь необъяснимое, загадочное и непостижимое, столь же простое и понятное всем и каждому, даже неучу, даже бестолочи, даже малограмотному простаку. Средство без затей рекомендую для широкого употребления, спорить с ним и опровергать бессмысленно и бесполезно: лекарство называется — любовь. Рецепт, боюсь, не примет ни одна аптека, нет ни провизоров, ни фармацевтов, способных изготовить по рецепту универсальное средство. Помимо физиотерапии и бальнеологии я назначил психотерапию. На сеансах я внушал ей, что жизнь — чудесный праздник, прекрасная улада души и сердца, дивная оказия, радостная песня — проснись и пой, проснись и пой!.. Она и в самом деле стала напевать, сначала тихо, едва слышно, но постепенно распелась, голос окреп, она запела явно оживленно, в приподнятом настроении, с воодушевлением и в свое удовольствие.

На сеансах я внушал пациентке, что ее все любят, обожают, что она сводит мужчин с ума, они теряют голову и готовы ради нее на жертвы и подвиги. И я внушил ей, что на свете есть один, любящий ее без ума, один-единственный, предназначенный небом и судьбой только ей, она встретит его вскоре, со дня на день, в ближайшее время, даже раньше.

С каждым сеансом депрессия умаялась, лицо оживало, глаза излучали радостный блеск, сияли ярко, она легко и проворно двигалась, почти летала, ошеломленная переменами в самой себе. Могло сдаться, она, как спящая красавица из сказки, до сих пор много лет спала и вдруг проснулась. После месячного курса приступы страха исчезли, депрессия утихла и не проявлялась, ремиссия оказалась стойкой, командование части поощрило меня настольными часами. Их неограниченное количество когда-то по дешевке начхоз и комендант закупили в магазине уцененных товаров, с тех пор часы как премию каждый год вручают сотрудникам подразделения икс.

В тот день я дежурил по части, перед вечерним приемом, который я наметил как последний перед выпиской, в кабинет ко мне заглянула дежурная медсестра:

— Поздравляю, доктор! — сказала она застенчиво.

— С чем? — удивился я, оторвавшись и подняв голову над отчетами по микрометорике лица, неосознанным позам и жестам.

— Как же, доктор... С предложением.

— Каким?!

— Руки и сердца.

— Кому?! — опешил я и обомлел, едва не рухнул.

— Пациентка обмолвилась. Балерина.

— Балерина? И кого она оповестила?

— Всех, весь персонал: сестер, санитарок, дежурного врача на обходе...
 — О, Господи! И все поверили?!
 — Поверили. Как не поверить? Вы ей столько внимания уделяли.
 — Командование приказало. Ее отец — большой начальник, меня просили, чтобы я помог.

— Уже и молва идет: наш доктор женится на своей пациентке.
 — Мне об этом ничего не известно. Скажи всем.
 — Обязательно скажу! — просияв, пообещала сестра и в мгновение ока упорхнула за дверь, шаги ее опрометью простучали из конца в конец коридора, полетела с вестью в клюве опровергать молву.

Последний прием состоялся на исходе дня. К тому времени меня уже одолевала усталость, день ушел на эксперименты по основной теме, еще и отчеты следовало написать. Однако на приеме я сразу решил взять быка за рога.

— Вам бы влюбиться, — посоветовал я пациентке.

Выглядела моя рекомендация довольно странно и неправдоподобно, если учесть, где мы находились: армия, секретная воинская часть, строгий пропускной режим, вооруженная охрана...

— Ах, доктор, я бы и сама рада, да не в кого, — ответила она, а я со своей стороны усомнился в правдивости ее слов:

— Так уж не в кого. Поклонники небось толпами вокруг ходят.

— Ходят, — согласилась она. — А толку-то? Влюбиться все равно не в кого.

Был предвечерний час, сумерки, время задушевных бесед, сокровенных признаний и откровений, когда живая душа жаждет понимания, сердечного участия, теплоты, близости и расположения, которые часто случаются предчувствием любви. Пациентка явно ждала продолжения в заявленном и заданном направлении, женщин, давно известно, хлебом не корми, дай посудачить о превратностях любви.

Однако я хладнокровно и честно делал свою работу. Дотошно, вдумчиво и кропотливо изучил все последние анализы, инструментальные исследования, пробы и тесты, подробно расспросил ее о самочувствии и снах, обследовал организм по системам и органам, проверил рефлексы и, подводя итог, патологии не обнаружил. На мой взгляд, после курса лечения она была вполне здорова, в помощи врачей не нуждалась. Единственное, что ей незамедлительно и безотлагательно требовалось, это взаимная любовь.

На словах я дал ей именно такую рекомендацию, хотя указать в обязательном письменном эпикризе, естественно, не мог. Впрочем, и я, похоже, допустил непредвиденную, непреднамеренную, необъяснимую оплошность или даже ошибку, которая привела к неожиданным последствиям.

— Курс лечения мы закончили, — объявил я пациентке, полагая, что доставлю ей радость. — Пора домой.

— Как, уже?! — не поверила она, а я вдруг сообразил и догадливо уразумел, как она разочарована и даже огорчена, почти убита. — Разве я уже здорова?

— Вы совершенно здоровы, — заверил я ее.

— Нет! — заявила она решительно. — Я еще больна!

— Это мне судить.

— А я, значит, посторонняя?! Сбоку припеку?!

— Нет, вы не посторонняя. Но я — ваш лечащий врач и считаю, что вы здоровы.

— Ничего подобного! Мне лучше знать! Домой не хочу!

— Езжайте в санаторий, в дом отдыха, в пансионат... У вас широкий выбор. Можете поехать к морю, бархатный сезон.

— Под наблюдением врача я бы поехала.
— Там свои врачи. Нельзя отбивать у них хлеб.
— Я больна и нуждаюсь в постоянном и длительном наблюдении!
— Кто вам сказал?
— Никто! Сама знаю!
— Да? Тогда так... Я вас выпишу, лечитесь амбулаторно.
— Не имеете права!
— Имею. В стационаре вам делать нечего.
— Хорош врач! Бросает больную в тяжелом состоянии на произвол судьбы! Вас этому учили?! — упрекнула она меня.

Об эту пору моя пациентка явно пребывала в негодовании, в досаде, в растрепанных чувствах и, похоже, в ярости, как дикая кошка, хотя выглядела прекрасно, на редкость привлекательно: красивая молодая женщина в состоянии нервного возбуждения, которое шло ей, было к лицу, не то что прежние апатия и безразличие, когда ее внешность заметно тускнела. Я даже подумал, что не рассчитал, немного переусердствовал, вывел ее на более высокий энергетический уровень, где кипят и рвутся в ключья шекспировские страсти.

— От вас, доктор, такой измены я не ожидала! — заявила она неожиданно, словно я нарушил супружескую верность.

— Какая измена?! Где?! Вы что-то путаете.
— Ничего не путаю! Вы готовы отдать меня другим врачам!
— В медицине всегда так. Одни врачи сменяют других
— Меня это не устраивает! — отрезала она бескомпромиссно и вопреки здравому смыслу, логике, человеческим понятиям, общим правилам и законам мироздания.
— Послушайте... Я не ваш личный врач.
— Очень жаль!
— Постарайтесь понять... Я служу в армии. Офицер. У меня свои обязанности и другое направление. Вы попали ко мне случайно. Работу с вами я выполнил и закончил.
— Нет! — перебила она. — Не выполнили и не закончили! Только начали!
— Курс лечения не может продолжаться вечно.
— К сожалению! Я нуждаюсь в постоянном лечении!
— По статусу вы как член семьи относитесь к центральной поликлинике Министерства обороны. Там опытные врачи.

— Вы там прием ведете?
— Нет. Кроме нашей части, я вообще нигде прием не веду.
— Так какого черта вы мне рекомендуете?! — возмутилась она грубым образом и распалилась, расходилась, распоясалась без удержу, но была хороша, как никогда.
— Лишь бы сбавить! — она кипела от негодования и продолжала метать гром и молнии — не поверишь, что балерина, в голосе прорезались скандальные ноты, словно она шла вразнос, как торговка на рынке.

Так мы беседовали мило на последнем приеме перед выпиской — в сумерках, в предвечерний час, в разгар бабьего лета.

— Это что же значит, доктор, я вас больше не увижу? — вдруг спросила она кротко и смиренно, как будто ветер подул в противоположном направлении.
— Может быть... Выписку я подготовлю, сестры вас проведут.
— А вы?
— Я? Все зависит от того, когда за вами приедут. Пока вы здесь, я за вас отвечаю.
— Хорошо, отвечайте. Я согласна.
— Спасибо за доверие.

— Скажите, доктор, вам не жаль меня отпускать? — спросила она с горечью, в лице читалась неподдельная печаль.

— Я рад, что вы подлечились, мы сообща проделали большую работу. Вы были хорошей пациенткой, выполняли все мои назначения. Теперь я за вас спокоен, вас ждет интересная, насыщенная жизнь. Сможете вернуться в балет.

— Ах, не то, все не то, доктор. Какие казенные слова! Вы их всем говорите? — спросила она с горьким укором, и сейчас она была сама кротость, само смирение, голубка, невинное создание, ранимое и беспомощное, и то ли умело лукавила, притворно изображала сожаление и раскаяние, то ли насмешничала, то ли проявила издевку и каприз, то ли на самом деле кручинилась, то ли что еще. Я знал случаи, когда пациентки влюблялись в своих лечащих врачей, но, как правило, заблуждались, придумывали себе иллюзию и, выздоравливая, обычно забывали свои чувства или вспоминали как давний мимолетный сон.

Чтобы закончить прием, поставить точку и заняться своими делами, которых за месяц накопилось невпроворот, я взялся проводить ее до палаты. В ней проснулась балерина: отработанная танцами походка, прямая спина, гордая осанка, сильные ноги взлет, узкие, стянутые в шепоть стопы, привычные к пуантам.

— Зайдете? — спросила она, когда мы приблизились к двери. — Или опасаетесь?

— Чего?

— Остаться с пациенткой наедине.

— Я весь месяц был с вами наедине.

— Но сейчас, мне кажется, опасаетесь, — предположила она.

— Вы зачем наплели персоналу, что я сделал вам предложение?

— А разве нет? Неужели я ошиблась?

— Врач в силу профессии обязан терпеть и капризы пациентов. Я терплю.

Она вдруг глянула лукаво и возразила с усмешкой:

— О нет, доктор, вы еще не знаете, что такое женский каприз. Но узнаете, обещаю.

— На дурной нрав — крепкая палка! — предостерег я ее, сослался на неотложную работу и ушел. Меня ждали отчеты по микромоторике лица, по неосознанной, непредумышленной мимике, безотчетным позам и жестам. Заказ разведки никто не отменял, с меня требовали результат, я не собирался ради капризной девицы пренебрегать заданием.

На обратном пути меня встретил коллега, дежурный врач. В армию нас призвали в один год, мы служили вместе в подразделении икс. Выросший в Москве, привыкший к городским утехам, он страдал от режима секретности, от конспирации и уединения, от дисциплины и субординации, тяжело переживал нашу оторванность, тосковал и был безутешен: настоящая жизнь, мнилось ему, шла осторонь — мимо нас, вдали, а мы прозябали в глуши без всякой надежды на перемены.

— Счастливцев! — сказал он мне неожиданно, я ждал объяснений, чтобы понять, в чем мое счастье. — Повезло тебе, ухватил за хвост жар-птицу!

— Ты о чем? — я терялся в догадках, как-то не верилось, что на меня нежданно-негаданно свалилось внезапное счастье, а я не ведаю, знать не знаю, даже не подозреваю.

— Не прикидывайся. Такой шанс! Мне никогда так не везло. Наверняка скоро уедешь от нас, в Москву переведут или куда-нибудь за рубеж. Смотри не загордись.

— Не загоржусь, — пообещал я неопределенно.

— Я к тебе всегда хорошо относился, хочу предупредить: смотри не упусти ее. Куй железо, пока горячо. Хватай и под венец, а то раздумает, сбежит. Мы ведь кто? Перекати-поле, сегодня здесь, завтра там, ни кола ни двора.

Он, конечно, заблуждался. Мы служили в элитном подразделении недалеко от Москвы, при желании могли всегда туда наведаться, вкусить столичной жизни. И мы

были врачами, а не строевыми офицерами, которые командуют солдатами и отвечают за них головой. И это было совсем не то, что служить в дальнем гарнизоне с его тоской и унынием, плохим жильем, неустроенностью и скудными продуктами.

Утром я обычно встаю пораньше, чтобы пробежать по лесу свои десять километров. Бег по пересеченной местности помогает держать физическую форму, особенно длинные подъемы на косогорах, которые раньше называли изволоками, а нынче лыжники и бегуны именуют тягунами.

Едва я принял душ, по телефону позвонила дежурная сестра: дочь генерала объявила, что умирает. Она лежала на полу в палате, перекатывалась с боку на бок и повторяла с ломким занудством:

— Мне плохо, умираю, помогите!..

Дежурная сестра растерянно стояла рядом, не знала, что делать. Когда я вошел, пациентка стала задыхаться и выгнулась дугой, как настоящая циркачка. Что ж, ей, балерине, гибкости было не занимать, сильное упругое тело легко прогибалось, словно она репетировала балетный номер, который ей поставил искусный балетмейстер с богатой фантазией. Я стоял над ней, внимательно наблюдал, размышляя, сестра не знала, что и думать: пациентка умирает, врач бездействует, стоит и смотрит, пальцем не шевельнет. Это был классический случай, подробно описанный доктором Солье, клинический образец: красивые позы, изысканные вычурные судороги, театральные жесты, преувеличенная, вполне показная мимика. И это был не приступ — нет, его изображение, имитация. Пациентка находилась в сознании, отдавала себе отчет в том, что происходит, контролировала все действия, Солье подобное состояние характеризовал как сон наяву.

Боже, как она страдала, бедняжка, мне было ее искренне жаль. Она замысловато прогибалась, как требовали от нее в балете, сестра в ужасе смотрела то на нее, то на меня и недоумевала, терялась в догадках, почему я не двигаюсь и молчу.

— Доктор!.. — окликнула меня сестра в надежде, что я очнусь, приду в себя и примусь за дело.

— Принеси мне тонометр, — сказал я, чтобы услатить ее из комнаты: во-первых, лишний свидетель, во-вторых, секреты мастерства нельзя зря расходовать, транжирить, расточать — кому-то покажешь, и все захотят. Едва сестра вышла, я исполнил старинную процедуру, испытанный прием, редко, крайне редко применяемый в медицине: сам назначил, сам исполнил. Между прочим, врач обязан применить любое средство, если уверен, что оно поможет.

— Ты что, спятил? — опешила, остолбенела, оторопела, ополоумела барышня и смотрела, недоумевающая, растерянно моргала, забыв, что умирает, что задыхается и бьется в судорогах. Все симптомы, описанные Солье, исчезли, она быстро и сноровисто изменила позу, проворно села, было понятно, какое у нее гибкое, упругое и сильное тело, она оставалась грациозной, даже сидя на полу. — У тебя крыша едет?! С ума сошел?! Ты знаешь, что тебе за это будет?

— Еще? — любопытствовал я бесстрастно, невозмутимо и невинно, чтобы было понятно, само собой разумелось и не осталось сомнений, что с моей стороны задержки не будет. — Могу повторить.

— Не надо, — деловито, в полной ясности ума и, я бы сказал, умиротворенно, словно достигла всего, о чем мечтала, отказалась пациентка, легко поднялась и гибко, точно в балетном па, пересела на кровать. — Я в порядке.

Когда с тонометром в руке резво примчалась сестра, то не поверила глазам: пациентка непринужденно, скрестив ноги и выпрямив спину, посиживала на кровати, спокойно воспринимала окружающую действительность и как ни в чем не бывало бесе-

довала с врачом на отвлеченные темы: оказывается в балете — кто бы мог подумать? — бушуют нешуточные страсти, успешным балеринам из зависти надрезают тесемки на пуантах, чтобы они лопнули на сцене, по той же причине в пуанты крошат толченное стекло или смазывают подошвы оливковым, к примеру, маслом, чтобы на сцене они скользили, о чем лечащий врач, конечно, не знал, не догадывался, не подозревал, навивно полагая, будто театр — священный храм искусства.

Лимузин прикатил за ней на следующий день. Тот же майор, что привез дочь генерала в подразделение икс, передал на контрольно-пропускной пункт для досмотра чемодан с вещами, позже дневальный принес чемодан в палату, и вскоре девушка пришла ко мне прощаться.

По давней привычке я устраиваю себе среди дня музыкальные паузы, слушаю для психологической разгрузки хорошую музыку, чтобы хоть на короткое время приподняться над серыми буднями с их мелкой суетой и заботами, над скукой повседневной толчеи и обыденным существованием. В Риге, где я учился в медицинском институте, часто гастролировали прекрасные музыканты, я посещал университетский концертный зал с органом, или знаменитый Домский собор, или городскую филармонию в здании Большой купеческой гильдии на площади Львов. И я как раз устроил музыкальную паузу и слушал маленький радиоприемник, когда в дверь постучали. За дверью стояла моя пациентка. Ее вид сразил меня наповал, любой мужчина мог опрокинуться навзничь. Судя по всему, она заранее все продумала и усердно готовилась, я открыл дверь и обомлел, онемел, окаменел, несмотря на опыт и образование.

Она была в классической балетной пачке: трико, корсаж, стоячая юбка из жесткого тюля на стальном каркасе, пуанты — молодая балерина, юное дарование перед выходом на сцену.

— Можно? — спросила она и, не дожидаясь ответа, шагнула через порог. — Только не говорите, доктор, что вы не рады меня видеть, — в следующее мгновение она прислушалась и уверенно определила: — Моцарт!

Конечно, она знала музыку и композиторов — еще бы, ей ли, балерине, не знать? Послушав еще мгновение, она вдруг стала на пуанты и под Моцарта поплыла по кабинету, словно по сцене, руки плавно изгибались, можно было подумать, что они без костей.

Это было что-то невообразимое. Нелепость, несуразица, полный абсурд. Если оценить на западный манер, то сюрреализм. Как уже не раз упоминалось, мы находились в расположении секретной воинской части, где круглые сутки бдительно соблюдали охранный режим, где все помещения имели казенный вид, и балерина в пачке выглядела как фантазмагория, болезненная причуда, художественный перформанс или вывих сознания. Белым лебедем она пронесла себя по комнате и села на кушетку, вытянув дивные ноги, словно на картинах Дега.

— Что будем делать, доктор? — спросила она без явных проявлений, без зримых поползновений, без признаков интереса или тайного умысла.

Мне в свою очередь было любопытно, что еще она учудит.

— Насколько я понимаю, доктор, вы меня бросили.

— Ничуть.

— Бросили, бросили...

— Я вас выписал.

— Это одно и то же.

— Теперь на общих основаниях.

— Я не хочу на общих основаниях.

— Я написал индивидуальные рекомендации. Только для вас.

— Зачем мне ваши рекомендации? Вы, наверное, думаете, взбалмошная девица, дочь генерала, сумасбродка, да? Думаете, думаете!.. — она сменила позу, широко раздвинула ноги, согнула колени, уперлась в них ладонями, точно из картины Дега перешла в картину Тулуз-Лотрека, и теперь в кабинете присутствовала не балерина, но усталая прачка. — Вас, доктор, ничем не пронять.

— Вы придумали себе фантазию, сами в нее поверили. Вернетесь в Москву, сразу забудете.

— Вы — чурбан, доктор! Ничего я не забуду, — постукивая пуантами, она направилась к двери. — Прощайте, доктор! — она сокрушенно вздохнула и тяжело посетовала: — Нет в мире счастья, нет гармонии и взаимности тоже нет. Мне, видно, уготована разлука. Но вы обо мне еще вспомните, доктор, обещаю, — в ее лице и в поникшем теле отчетливо присутствовала обида сродни той, какая случается у детей, когда отнимут приглянувшуюся игрушку.

Некоторое время из коридора сквозь музыку доносился мелкий, частый, дробный стук пуантов, как стук уходящего поезда, но я прибавил громкость, и Моцарт затмил все посторонние звуки, мы остались наедине, один на один.

Еще через день меня вызвали в Министерство обороны. Мои командиры, генерал, начальник подразделения икс, и полковник, заместитель по медицине, озаботились, обеспокоились, прониклись тревогой и неловко как-то осведомились, не допустил ли я каких-то вольностей с пациенткой. Я их успокоил: нет, мол, не допустил, в чем, скорее всего, по моему мнению, и кроется причина недовольства.

— Может быть, и стоило допустить, — задумчиво предположил начмед и даже изрек как эксперт и большой знаток: — Девушки, если их игнорируют, часто обижаются.

В свою очередь я сказал отцам-командирам, что готов к любой выдумке, прихоти, фантазии или капризу. С другой стороны, я напомнил руководству, что после проделанной работы имею право на молоко за вредность, как шахтер или кочегар, хотя взамен могу согласиться на бутылку качественного вина.

— Обсудим, когда вернешься, — пообещал командир части.

— Хотите сказать: если вернусь? Если останусь жив?

— Выпишу тебе командировку в Москву и дам на день свою машину. Мало ли, вдруг понадобится. Девица, видно, капризная, привыкла к удобству. Покатай ее по Москве, пусти пыль в глаза. Если задержишься, сообщи, продлим командировку.

Однако автомобиль командира не понадобился, из министерства прислали машину, тот самый лимузин, который подобрал меня на Можайском шоссе. И сопровождение назначили, уже знакомый мне майор изобразил при встрече радость и держался приветливо, учтиво и предупредительно, как будто уже причислил меня к семье генерала и ему, хозяйственному адъютанту, надлежало меня опекать.

Мы приехали на Арбат — туда, где Знаменка утыкается в бульвар. О ту пору в Москве гостил погожий день, бабье лето, скромное, застенчивое тепло. Разноцветные палые листья устлали бульвар, сонливое оцепенение владело окрестными переулками и дворами, где большие раскидистые деревья роняли осеннюю листву — золото, латунь и медь. Тугой гул моторов висел над Воздвиженкой, набережными и Новым Арбатом, бойкое уличное движение затопляло обозначенную местность, но было тихо в старом Чертолье между Знаменкой, Волхонкой и Пречистенкой, странной территорией, подвластной мрачным и загадочным темным силам, которые издревле проявляются здесь что ни день.

Когда-то в непосредственной близости, буквально по соседству, на улочке Сивцев Вражек, по дну оврага тек ручей, весной он разливался, но вода спадала, и улочку, казалось, перекопали, перепахали, переворошили и перевернули вверх дном, остались

бесчисленные ямы, рытвины, бочаги — ни пройти, ни проехать, будто черт назло людям подкопы рыл. Позже ручей взяли в трубу, овраг засыпали, улицу выровняли и замостили, и только Чертольский переулочек напоминает о давних временах.

Необъяснимым свойством обладает местность Чертолье. Правильно, конечно, говорить Черторье, но жителям издавна на язык удобнее легло Чертолье, так укоренилось, с тех пор и повелось. Круглые сутки в любую погоду ощущается здесь незримое чужое присутствие — рядом, за спиной, у левого плеча. К вечеру и ночью ощущение усиливается, мнится, будто кто-то неопределенный, как тень, как размытое пятно, неотвязно следует по пятам, неотлучно крадется следом, тяжело и настырно дышит в затылок, преследует и строит козни — угрюмый, враждебный, своевольный, исполненный черных умыслов и зловредных посягательств. В Чертолье неизменно присутствует смутная тревога, предчувствие опасности, которая, в свою очередь, рождает беспокойство и безотчетный страх.

Майор сопроводил меня от лимузина до помпезного подъезда, долго вел по длинным коридорам до генеральской приемной, бережно, словно в загон к хищнику, впустил в кабинет и плотно закрыл за мной дверь, тяжелую, как крепостные ворота.

— Здравия желаю! — я вытянулся и доложил по форме о прибытии, но генерал поморщился и сделал жест, как бы отменяя, отстраняя, отклоняя, отвергая и отменяя наконец излишние формальности и чрезмерную субординацию. Генерал был рослый, упитанный, с грубоватым мясным лицом и крупными волосатыми руками. В нем издали понимался крестьянский сын, угадывалось деревенское происхождение, даже предположить, представить или заподозрить трудно было, что он отец изящной барышни, утонченной горожанки, изысканной и грациозной балерины.

Просторный кабинет был увешан зашторенными картами, шторы, видно, скрывали нашу оборонную мощь и военную тайну, лишь большая карта НАТО оставалась вполне открытой и смахивала на картину в манере ташизма, как теоретики именуют направление живописи, в котором художник рисует пятнами. Кроме того, в кабинете располагался огромный напольный глобус, окольцованный деревянной станиной. Стоило его тронуть, планета приходила в движение, начинала вращаться, по часовой стрелке или против медленно плыли страны, континенты и моря.

Генерал радушно пожал мне руку, усадил и сел рядом, показывая, что разговор предстоит свойский, без протокола, званий и чинов, дружеский, почти родственник.

— Я тебе очень благодарен за дочь, — сказал он сердечно, огромной ладонью сжал мне плечо, демонстрируя степень признательности. Я хотел было встать, чтобы ответить по уставу «Служу Советскому Союзу!», но он не пустил и поморщился — не надо, мол, не хлопочи, обойдемся.

— Я старался помочь, — объяснил я с преувеличенной скромностью, ход и подробности разговора были мне наперед известны, в конце концов, зря, что ли, я изучал микромоторику лица, неосознанные позы и жесты.

— Не скромничай, доктор, мы тут с матерью многим врачам ее показывали, никакого толка. А ты за месяц ее на ноги поставил. Горжусь, что у нас в армии есть свои специалисты! Молодые причем.

— У меня, вообще-то, другое направление...

— Какое, если не секрет?

— Тема как раз секретная. Заказ разведки. Но для вас, думаю...

— Нет-нет, не будем нарушать. Командировка за рубеж нужна?

— А можно? Калифорнийский университет, город Сан-Франциско?

— В самое логово, значит? — усмехнулся генерал. — Организуем, если надо.

— Вашу дочь лечить мне командование поручило.

— И ведь справился! Скажу откровенно: таким, как ты, специалистам нельзя засиживаться на одном месте. Надо расти. И в звании тоже. Для тебя капитана уже маловато, присвоим внеочередное. В общем, так: переведем в Москву, дадим квартиру.

Начало было многообещающим. Я ждал, какая последует расплата, хотя я заранее все знал, было без слов понятно, само собой разумелось. Готовясь к разговору, генерал для начала припас, разумеется, сладкий пряник, но и кнут держал наготове — под рукой, а то и в рукаве. Полководец был уверен, почти убежден, что военная операция не составит труда. Ему ли, искусственному и опытному стратегу, поднаторевшему в хитроумных коридорах власти, не справиться с молодым лекарем, не загнать шар в намеченную лузу. Генералу казалось, он все учел, рассчитал и предусмотрел, а меня разбирал жгучий интерес, насколько теория соответствует практике, как замысел соотносится с исполнением. Нашу встречу я счел очередным испытанием по моей научной разработке. И генерал не стал медлить, не заставил себя долго ждать:

— Мы с матерью читали твои рекомендации, полностью с тобой согласны.

— После замужества, я думаю, у нее все пройдет. Изменится, как мы говорим, гормональное зеркало.

— Вот именно! — живо поддержал меня генерал. — Ты абсолютно прав! Ее нельзя оставлять без присмотра.

— За ней внимательно смотрят. Я читал записи врачей.

— Да что они знают, что они могут! Чуть дочь мне не прозевали. Нет, дружок, ты ее вылечил, тебе и карты в руки! Окружи пациентку вниманием. В личном, так сказать, плане.

— Виноват, товарищ генерал. Со своей стороны я сделал все, что мог. Вряд ли смогу больше.

— Сможешь, сможешь!.. Я не сомневаюсь.

— Тут нужен узкий специалист, в армии таких нет. У нас другая специализация. Я могу дать вам совет...

— Совет? — озабоченно переспросил генерал. — Ну да, страна советов. Нет, милый, совет нам не нужен. Я сам кому угодно могу дать совет. Нам реальная помощь нужна, но ты, как я понял, отказываешься? Жаль. — Генерал встал, задумчиво походил по кабинету и грубо спросил напрямик, словно ударил промеж глаз: — У тебя кто-то есть?

— В каком смысле?

— В прямом! В прямом смысле! Экий ты непонятливый! Или хитришь со мной, капитан? Невеста у тебя есть?!

— Никак нет, — ответил я по уставу.

— Так какого тебе рожна?! Лучше не найдешь!

— Виноват, товарищ генерал, — повинился я перед командующим. — Извините, что не оправдал надежд.

— Не оправдал, — согласился он покладисто и снова ходил по кабинету, размышляя. Вскоре я почувствовал, как он удаляется от меня, переходит в другое пространство, хотя оставался на месте, энергетика, видно, с плюса, с расположения и приязни, будто тумблером — щелк! — переключилась на минус, на отрицание и неприязнь; в те мгновения, вероятно, генерал менял пряник на кнут. Он опустил на стул напротив и рассеянно барабанил пальцами по столу.

— По-моему, вы засиделись на месте, молодой человек. Вам надо срочно провертеться. Скажем, в Приморье, да? — я почти воочию, словно наяву, увидел, как он убрал в карман пряник и выудил из рукава кнут. — Хотите послужить родине на дальних рубежах? — он, видно, решил, что сразит меня наповал, смотрел в упор, не отры-

ваясь, пристально, с прищуром, ждал, что я рухну навзничь, покаюсь за строптивость и взмолюсь: не губите, мол. Генерал, похоже, надеялся отыграть назад, если я попрошусь обратно — в Москву, в комфорт, в благополучие, в его семью, в запредельные высшие сферы.

— Так точно! — ответил я браво. — Давно мечтал!

— Мечтали? Вот и хорошо. Мечты сбываются. Поедете на китайскую границу.

— Когда прикажете? — я поднялся, вытянулся перед ним и не мог отказать себе в удовольствии: плечи расправил, приосанился, грудь выкатил колесом, ел начальство глазами — ни дать ни взять, нижний чин на императорском смотре. Генерал даже усомнился, заподозрил неладное — подвох ли, издевку или насмешку? — но я углядел в нем и досаду, и раздражение, и злость, и недоумение. Он так привык командовать и повелевать, что не мог взять в толк, почему не сладилось, не срослось, не сложилось. Ведь все рассчитал, и казалось, бери парнишку голыми руками.

В то время на границе с Китаем что ни день происходили стычки, кроме пограничников, на границу выдвинулись крупные армейские соединения.

— Да хоть завтра, — милостиво соизволил и снизошел военачальник, и я отрапортовал без промедления:

— Слушаюсь. Разрешите идти?

Теперь ему только и оставалось, что скомандовать: «Кругом! Шагом марш!», а мне оставалось протопать строевым шагом до порога и сгинуть за ним с генеральских глаз долой. Но он медлил и, несмотря на крутой нрав, на большую власть, на строгие манеры и жестокую повадку, мешкал почему-то, опасаясь, видимо, произнести вслух последнее, окончательное, решающее слово. Генерал, без сомнений, любил свою дочь и не хотел ей навредить, а я был свободен, свободен, свободен, как ветер, потому что без оглядки и сожалений готов был отправиться куда угодно, в любую даль и даже дальше. Правда, дальше китайской границы услатить меня не могли ни генералы, ни министр обороны, ни верховный главнокомандующий.

— Доктор, вы хорошо все обдумали? — спросил он с досадой, как будто чувствовал себя не в своей тарелке, не в своих санях.

— Так точно. Обдумал.

Не знаю, возможно, в последнее мгновение он ждал от меня какого-то тайного знака — махну ли платком, свистну или нарисую в воздухе затейливый мasonicкий вензель, но не дождался, и судьба моя решилась в одночасье:

— Для начала поедете на три месяца. Там видно будет. Передумаете — дайте знать, вам оставят канал связи.

— А если не передумаю?

— Тогда труби там дальше, — он с недовольством пожевал губы и спросил ревниво, с явной обидой:

— Слушай, скажи мне как мужик мужику: чем тебе не нравится моя дочь?

— Очень нравится, — опроверг я в корень и вполне искренне.

— То есть как?! — опешил генерал и окаменел, потерял дар речи.

— Прекрасная девушка. Мечта поэта!

— В чем же дело? — генерал растерялся, как ребенок, несмотря на высокое звание, большую должность, командный голос и множество наград.

— Ваша дочь составит счастье любому мужчине, — признался я честно и никоим образом не лукавил, ничуть не кривил душой.

— Но ты-то нос воротишь, — пробормотал генерал, теряясь в догадках, не мог уразуметь, что происходит, какие события грядут.

— Я нос не ворочу. О такой невесте можно только мечтать.

— И что дальше? — он смотрел недоверчиво, почти затравленно, изнуренный непосильной работой мысли, вконец измотанный потугами ума, насквозь измочаленный, вщент истерзанный, как будто тяжело и надсадно трудился: пилил, скажем, лес, рубил, к примеру, дрова, копал землю и с муками преодолевал несметные препоны.

— Она для меня — пациентка. Я для нее — лечащий врач. Как мы ляжем в постель? — спросил я напропалую.

— Как все, — с трудом произнес, едва выговорил, буквально выдавил из себя генерал, не приходя в сознание.

— Лучше я поеду на китайскую границу, — предложил я, а он сделал пальцами небрежный жест: дескать, уймись, уйди, удались, уберись, уноси ноги, изыди, оставь меня в покое, не мозоль глаза.

В приемной меня поджидал вездесущий майор из хозяйственных адъютантов:

— Мне поручено держать с вами связь. Раз в месяц я буду звонить в часть и спрашиваться. Надоест или надумаете вернуться, сообщите, я все устрою.

Голелевский бульвар к полудню изрядно принарядился, заметно, можно сказать, озолотился по причине осеннего листопада. Прозрачное, теплое, застенчивое бабье лето непринужденно владело Чертольем, странной местностью, в которой постоянно угадывается чужое присутствие и наличие сверхъестественных необъяснимых потусторонних сил. Однако на сердце было легко, весело, отраднo, я ничуть не жалел, что по воле случая отправлюсь на край света за тридевять земель. А и то правда, я служил не генералам, не отдельным лицам и гражданам, я служил большой стране.

Утопая в ярких палых листьях, мы прохаживались вместе с бабьим летом по бульвару, нас сопровождал уютный солнечный денек. Впереди меня ждали неизведанные земли, путешествие, дальняя дорога, предчувствие которой всегда рождает надежду, радует сердце, повышает настроение и способствует умиротворению души.

В подразделении икс мне устроили проводы. Командование части и начальники не могли понять, откуда взялась неожиданная дальняя командировка, ничего вроде бы не предвещало, тем более что из разведки на меня пришла новая заявка: тогда в моду только-только входил полиграф, называемый в просторечии детектором лжи, разведка усматривала в аппарате угрозу для агентов-нелегалов. Мне предлагали разобраться в алгоритме прибора и найти противоядие, чтобы агент мог избежать провала.

— Пока ты в отъезде, тема будет закрыта, — пообещал начмед. — Вернешься, откроем.

— А если не вернусь?

— Неужели так серьезно? — озабоченно спросил полковник. — Нас бы спросили. А то привыкли людьми разбрасываться. Ты уедешь, важная государственная работа будет стоять на месте.

Я не разглашал подробности командировки, но кое-кто догадывался, в конце вечеринки ко мне подсел Борис, коллега по отделению.

— Видишь, я тебе говорил: хватай ее, веди под венец. Тут что главное? Как на войне: быстрота и натиск. А ты промедлил. Теперь уедешь, можешь ее упустить.

— Свято место пусто не бывает, — объяснил я довольно подробно, вполне доходчиво и доступно, он глянул как-то подозрительно и проворно отошел, как бы от греха подальше.

До места назначения я мог, конечно, добраться рейсом «Аэрофлота»: четырехмоторный Ту-114 расстояние от Москвы до Владивостока покрывал без посадки за тринадцать часов: завтрак, обед, ужин. Однако я предпочел отправиться поездом, чтобы хотя бы краем глаза узреть необъятную, неведомую и непостижимую на первый взгляд страну, которой я служил, как говорится, верой и правдой.

По странной причине ехать мне предстояло в отдельном СВ купе с душем и туалетом, питаться надлежало в ресторане, но при желании еду из вагона-ресторана могли принести в купе. Я предположил, что майор из генеральской свиты заказал мне билет по статусу генерала, тому в командировках причитался комфорт.

К полному моему удивлению, проводить меня приехала к ночному поезду балерина — не ожидал, честно говоря, не ожидал. Благоухая, она неожиданно и внезапно появилась в дверях купе, легкая, стройная, элегантная, обольстительная и нездешняя, словно образовалась из тумана и сумрака ночи, в тусклом освещении выразительно мерцали необыкновенные глаза. Ее сопровождал тонкий аромат духов, и выглядела она прекрасно, очаровательная, как звезда экрана. Я не заметил и намек на болезнь, что для лечащего врача хороший показатель и обнадеживающий факт.

— Я испекла вам в дорогу, — она выложила на столик объемистый и увесистый пакет с домашней выпечкой: пирожки с разнообразной начинкой, сочни с творогом и шаньги — дочь генерала оказалась умелой стряпухой. Выпечка удалась ей как нельзя лучше, что лишний раз говорило в ее пользу.

— Надеюсь, вам на всю дорогу хватит. Сколько вам ехать?

— Семь дней. Полная неделя, если без опозданий.

— Фирменный поезд обычно не опаздывает, — высказалась она довольно уверенно. — Я сама выбирала вам билет. Отец всегда так ездит.

— Отцу положено, мне — нет.

— Это от вас зависит, — отметила она спокойно, без экзальтации и лишнего возбуждения. — Угощайтесь, доктор, ешьте и меня вспоминайте.

— Я вас и так не забуду, — пообещал я без тени сомнений.

— Кто знает, доктор, кто знает.

— Вы должны были к другому врачу попасть. Ко мне попали случайно.

— Повезло, значит. Отец сказал, вы обрадовались командировке...

— Охотно поеду. Я там не бывал.

— Чему вы обрадовались, доктор?! — спросила она с обидой, но и с досадой в голосе. — Разлуке со мной?!

— Вот уж капризы, моя дорогая. Капризы!

— Я вам не дорогая! — возразила она решительно. — Никогда не была!

— Нет? Но почему же? Пациент всегда дорог врачу.

— Бросьте, доктор! — отрезала она весьма грубо. — Казенные слова! Я вам не дорогая! Я вам единственная! — голос прозвучал убежденно, непоколебимо и твердо, я развел обескураженно руками — не спорить же и опровергать.

— Люблю дорогу, — попытался я объяснить.

— Вам лишь бы умотать от меня! — упрекнула она меня, как будто это я придумал командировку и упек себя на край света, но ничего не поделаешь, женская логика не знает границ. — Видите ли, доктор... Если бы вы не были таким капризным и упрямым, я поехала бы с вами. Как жены декабристов, — сказала она, ничуть не смущаясь.

— Тут вы заблуждаетесь. Декабристы ехали на каторгу и в ссылку, в изгнание. Я еду на границу. Родину защищать.

— Буду вас ждать, — пообещала она, хотя никто не требовал клятв, обещаний, зарок и не тянул ее за язык.

— Думаю, это надолго. Ваш отец обещал.

— Папа слово держит, — она вдруг улыбнулась непринужденно, словно мы покончили с обидами и упреками. — Но он всегда делает то, о чем я прошу.

— Может, и командировку вы мне устроили? — поинтересовался я, зная ответ.

— Я, — призналась она без затей. — Хотела вас наказать.
— За что, позвольте спросить? За то, что лечил вас?
— За отсутствие взаимности. Сама себя наказала. Сейчас наберусь терпения, буду вас ждать. Женщины всегда ждут своих мужчин с войны.

Радио объявило, что до отхода поезда осталось пять минут, провожающим следовало покинуть вагоны, и балерина невесомо поднялась, точно птичка вспорхнула:

— Что ж, доктор, теперь мы долго не увидимся. На прощание и поцеловаться не грех. От вас не убудет, а мне необходимо.

Я не стал возражать, перечить, упорствовать и не сопротивлялся, слегка коснулся губами матовой, как тонкий дорогой фарфор, щеки.

— Братский поцелуй, — отметила она хладнокровно, в трезвой манере, сдержанным образом, и вдруг обхватила меня за шею, ответила затяжным и жгучим поцелуем в губы, даже голова закружилась — что у меня, что у нее. Еще минуту она стояла за окном, словно портрет красивой незнакомки в раме, потом из динамиков грянул марш «Прощание славянки», поезд тронулся и поплыл, она помахала мне рукой в узкой лайковой перчатке, а у меня сжалось сердце и ненароком закралась мысль, что больше нам не видаться, не знаться, не встречаться. Так оно и случилось, мои предчувствия, предвидения и прогнозы обычно сбываются — почти всегда. Почти всегда.

2. Река Сучан. Город Владивосток

Хмурым днем, когда порывами задувал холодный северный ветер, армейский вездеход, немилосердно взбрыкивая и качаясь, резво вынес нас на увал и остановился, словно уткнулся в стену. Поеживаясь после тепла, мы неохотно выбрались на мороз, солдаты привычно забросили «калаши» за спины, и мы впятером потащились по крутому склону вверх — угрюмый караван молчаливых людей с оружием.

Подъем давался с трудом. Жесткий обветренный наст сплошь покрывал сопку, из снега повсюду торчала высокая мерзлая трава. Ледяная тропа извилисто петляла среди колючих зарослей терновника, сапоги скользили и разъезжались, но стоило оступить мимо тропы, ноги проваливались, голенища черпали снег.

Иногда тропа и вовсе пропадала, исчезала под настом, и мы, задыхаясь, медленно брели по колено в снегу. Нынче уместно сказались утренние пробежки на десять километров по пересеченной местности, тренировки в бассейне и спарринг-бои на ринге, иначе было бы и вовсе неважно. Временами приходилось даже ползти, цепляясь за стволы низких, сучковатых, изогнутых сосен, которые называют корейскими или маньчжурскими, все их знают по китайским гравюрам и по вышивкам на шелке. Впрочем, ничего удивительного: и Корея, и Маньчжурия, и Китай находились по соседству, в непосредственной близости — рукой подать.

С вершины сопки нам открылась обширная горная страна: хребты, долины, распадки и ущелья, где змеились быстрые реки. На обрывах и в узких расщелинах висели обледенелые ручьи, замерзшие в полете, схваченные морозом горные водопады были похожи на готические соборы, возведенные из стекла. Заросшие лесом высокие сопки, насколько хватало глаз, подпирали низкое тяжелое небо, и как-то сама собой рождалась мысль о собственной малости среди неоглядного простора. На запятках первой мысли являлась и вторая: куда меня занесло?! Ни жилья, ни дорог, ни людей, ни даже признаков жизни нельзя было обнаружить с высоты птичьего полета: заснеженная пустыня, безлюдье, обмерший на морозе лес, глухая тайга — ни конца, ни края.

Перевалив сопку, мы стали спускаться. Горы здесь расходились, образуя долину, по которой с южных склонов Сихотэ-Алиня к заливу Находка в Японском море текла река Сучан. Противоположный ее берег всегда принадлежал Китаю.

Из фиолетово-бордовых зарослей багульника на склоне горы я внимательно рассматривал китайскую деревню — плотную россыпь глинобитных фанз в речной излучке на другом берегу. Деревня выглядела как тесное скопище плоских крыш, между которыми, казалось, нет ни просвета, ни свободного промежутка. Некоторые из крыш были голыми, другие ключьями укрывала рисовая солома. После сбора урожая все фанзы обзавелись пышными, лохматыми прическами из рисовой соломы, которую крестьяне постепенно скармливали домашнему скоту, и со временем дома лысели — одни к зиме, другие к весне.

С высоты склона мы с интересом наблюдали незнакомую чужую жизнь. Рядом с фанзами дымились очаги, на которых жители готовили еду, на маленьких пустырях в поисках пищи бродили тощие свиньи. Из крошечной фанзы, зевая и лениво потягиваясь, медленно и как-то задумчиво появился сонный китаец, за ним толпой посыпались дети — мал мала меньше, весь двор заполнили. Глядя на скромные размеры дома, невдомек было, как они там все поместились, не иначе что лежали покотом от стены к стене.

На общем току за деревней, украшенном портретами Мао и государственными флагами, крестьяне, как тысячу лет назад, веяли рис. Расположившись кругом, они широкими деревянными лопатами сообща подбрасывали зерна с шелухой вверх, слабый ветер уносил мякину в сторону.

На школьном дворе маленькие дети, ученики, видимо, начальных классов, строем повзводно отрабатывали палками штыковые приемы. Одеты на морозе они были довольно легко — в синие хлопковые курточки, детей, вероятно, закаливали с раннего возраста.

Тем временем на берегу реки за стеной терновника объявился дозорный наряд — то ли ополченцы, то ли пограничники. Медленно и дремотно, без единого звука патруль двигался вдоль границы, одиннадцать человек в синих фуфайках и рыжих шапках-ушанках с винтовками на плечах, одиннадцать человек в затылок друг другу — футбольная команда, выходящая на игру.

Сучан уже замерз, на плёсах лед оказался вполне прочным, толстый береговой припай, где течение заметно слабело, отдавал желтизной по причине наносного песка, однако на перекатах посреди стремнины образовались промоины, вода в них бурлила и пенилась, струилась и журчала, в тишине отчетливо доносился плеск. Китайский берег наглухо укрывала стена терновника, густые заросли дикой сливы вплотную подступали к реке и надежно заменяли ограду из колючей проволоки.

Наш берег был как на ладони: широкие каменистые пляжи, мелководные заливы, песчаные отмели, топкие бочаги, обросшие рогозом, осокой и аиром, чуть поодаль у подножия сопки рос высокий голенастый тростник, склон покрывали кусты багульника. В них мы и залегли, чтобы обозреть местность и определить маршрут.

Граница проходила посреди реки, правила разрешали плавать на лодке по всему фарватеру, но запрещали высаживаться на чужой берег. Однако реки на Дальнем Востоке обладают странным норовом, своенравным и неожиданным свойством: из года в год они неумолимо и неуклонно смещают русло в сторону Китая. То есть кусок за куском отхватывают его исконную территорию, которая отходила северному соседу. Понятно, что Китай возражал, хотя формально спорные земли принадлежали уже России. Со временем на реках Амуре и Уссури образовались спорные острова, возникли они таким образом и на реке Сучан. Чтобы заявить на них права, китайцы посылали на острова местных крестьян: пастухов, косарей, сборщиков хвороста, рыбаков, время от времени на острова высаживали ополченцев. Сейчас нам предстояло выйти из укрытия, спокойно двигаться вдоль границы, пересечь спорный остров, который на картах значился как наш, но китайцы считали его своим.

Казалось бы чего проще? Не нарушая чужую границу, открыто пройти по своей территории определенное расстояние. Только и всего. Но почему же тревожно ноет сердце, одолевают беспокойные мысли, в груди подло гнездится и взбухает не подвластный сознанию, неукротимый страх.

Прежде чем выйти из тростника, солдаты перевесили автоматы со спины на грудь, пистолет я переложил из кобуры в карман полушубка. Мы вышли из укрытия, неторопливо и как бы в своем праве направились на берег. То, что нас заметили, само собой разумелось: на пригорках за стеной терновника маячили китайские наблюдательные вышки, на которых под навесами торчали дозорные. Сначала мы шли по берегу, после короткого плёса Сучан изогнулся, увел русло в сторону, за излучкой берег набрал крутизны, завис над обрывом, и было уже не пройти. Пришлось выйти на лед, дальше мы двигались по реке — белый простор, где даже кедровая шишка бросалась в глаза, мнилась лишней и выглядела неуместно.

Горные реки и в сильные морозы довольно редко замерзают сплошь, нам то и дело попадались обширные полыньи, в которых струилась и журчала вода. Иногда мы замечали в полынье рыб — форель или хариуса, которые заходили в полынью, чтобы отдышаться: вода в полынье богата кислородом, но стоило нам приблизиться, рыба уходила под лед. Полыньи временами преграждали дорогу, мы обходили их стороной и оказывались возле китайского берега, укрытого терновником, как стеной. Границу, однако, мы не нарушали, река ничья, нейтральная территория — гуляй, наслаждайся, только не зарься на чужой берег — другая страна! В те дни китайская граница была довольно спокойной. И от природы, и, естественно, по профессии я хорошо чувствую посторонние взгляды. Кто-то неотрывно следил за нами, пристально наблюдал, внимательно изучал, держал под прицелом каждый наш шаг. Я запомнил холод в груди и легкое головокружение, мы все понимали, что идем в скрещении взглядов и прицелов, каждый мнил себя хрупким, беспомощным, уязвимым — служить кому-то живой мишенью упаси вас бог!

Мы шли, шли, напряжение росло, нас мучительно томило ожидание. Могло сдаться, от неизбежных событий никуда нам не скрыться. Но и то правда, в иные минуты ожидание тяготит сильнее роковых неизбежных событий. Я знаю немало случаев, когда люди не выдерживали ожидания, впадали в истерику или тихо сходили с ума. На ходу я поглядывал солдатам в лица, опасаясь, что кто-то не выдержит, рухнет в снег или пустится наутек. Но нет, все пока держались, владели собой, сохраняли выдержку и самообладание, терпеливо сносили опасную дорогу, что и требовалось от каждого — порознь и сообща. Вокруг по-прежнему было тихо, лишь снег оглушительно скрипел под ногами, и казалось, чрезмерно громкий скрип от наших шагов слышен повсюду на берегах Сучана, по всей долине вплоть до Японского моря.

К полудню распогодилось, выглянуло солнце, лед на реке излучал ослепительное сияние, снег горел на солнце, переливался и сверкал. Мы шли открыто, в полный рост, не таясь. Странное владело нами чувство. Не знай мы, где находимся и что нам грозит, жизнь была бы прекрасной: чудесный день, красивая природа, безмятежное настроение, славная прогулка, тишь и покой, на сердце праздник. Впрочем, мы и на секунду не забывали, где находимся. В том и состояла боевая задача, чтобы научить личный состав преодолевать неизбежный страх.

В условиях опасности человек подвержен острым и затяжным приступам страха. Тяжелый липкий страх душист неприкаемую личность, парализует сознание и волю, если человек не знает, как его укротить. Я разрабатывал методы борьбы со страхом, приемы самовнушения, чтобы снизить гнет страха, уменьшить, преодолеть, избавиться вовсе. Буддийские монахи, к примеру, традиционно практикующие медитацию,

умеют отрешиться от страха, он им неведом, они не испытывают его, оставаясь неизменно в ровном состоянии духа. Моя цель состояла в том, чтобы любой солдат овладел аутотренингом и с помощью набора команд, отданных самому себе, ликвидировать очаг возбуждения в коре головного мозга, привел свою психику в равновесие.

Страхом ведают миндалевидные тела — амигдалы, расположенные в белом веществе височных долей обоих полушарий мозга. Ядра амигдал напрямую связаны с центрами страха в подкорковом гипоталамусе и в стволе мозга, все центры постоянно обмениваются информацией в виде электрических сигналов, волны которых можно считать с помощью электроэнцефалографии. Понятно, что чаще процесс идет неосознанно, в автоматическом режиме, но регулирует его кора головного мозга, то есть центральная нервная система. Существует много способов на нее повлиять. Воздействуя на кору, на миндалевидные тела, а следовательно, и на подсознание, можно заблокировать страх или значительно понизить его уровень. На берегу Сучана я работал с добровольцами из разных частей, набрали взвод, за риск местное командование пообещало добровольцам внеочередной отпуск домой. По большому счету, вынужденная и довольно нелепая, мне в наказание, в поучительную кару и в острастку командировка обернулась серьезной работой, которая могла принести армии изрядную пользу и значительный прок. Я начертил графики и составил таблицы, по которым командиры могли работать с личным составом. Надо думать, генерал, пославший меня в командировку, ни сном ни духом не подозревал о подробностях моего пребывания на китайской границе.

Мы прошли по льду километра два, ниже по течению Сучан разделился на два рукава, образуя большой остров. На спорную территорию никто не высаживался, чтобы, как говорится, не дразнить гусей. И мы, и китайцы делали вид, что ничего не происходит, за полтора года я и мои бойцы были первыми, кто там появился, несмотря на опасность и риск. Могу представить, как досадовали китайцы, однако я не хотел присваивать землю на острове, не собирался править там и царить, мне нужен был полигон для практических занятий. То есть место, где страх возникает, подло гнездится в груди, тревожно ноет в сердце и наполняет беспокойством мысли, которые гнетут сознание и помрачают ум. Спорный остров я называл психодромом наподобие пресловутого и знаменитого университетского двора за решеткой на улице Моховой.

Стоит заметить, за годы безлюдья остров превратился в рай для охотника. Здесь видимо-невидимо развелось непуганой дичи, при желании можно было ловить руками. Из-под ног часто выскакивали яркие длиннохвостые фазаны, вспархивали пестрые даурские куропатки, в глубоком снегу повсюду виднелись отдушины, проделанные рябчиками для ночлега.

В ходе исследований выяснилось, что еда влияет на страх. Выявилась довольно странная закономерность. Вкусная, хорошо приготовленная и разнообразная пища не только лучше насыщала солдат, давая энергию при высоких физических нагрузках, но чем вкуснее она была, тем больше понижала уровень страха. Схожим образом действовали положительные эмоции: интересные книги, музыка, живопись и, особенно, качественные фильмы. В значительной степени на страх влияла любовь. Солдат, знающий, что его любят и ждут, опасность воспринимал легче, его страх донимал меньше, чем остальных. Письма с признаниями в любви и заверениями в стойкой верности благотворно сказывались на эмоциональном состоянии военнослужащих, усиливали деятельность левого миндалевидного тела, понижающего уровень страха, и подавляли сигналы правой амигдалы, усиливающей тревогу и страх. Не случайно любовная переписка весьма популярна среди личного состава нашей армии.

Между прочим, сексуальная активность оказывает заметное, даже значительное воздействие и на миндалевидные тела, и на подкорковые центры. Солдаты, которым по-

везло занять подругу среди местного населения, из увольнения возвращались вполне уравновешенными, почти умиротворенными, страх посещал их реже, да и проявлялся гораздо слабее.

Кстати сказать, медицинские препараты, влияющие на выработку белкового фермента протеинокиназы, который накапливается в синапсах, передающих сигнал, действовали, разумеется, в нужном направлении, но применять их массово, делать всем инъекции было затруднительно — неподым, как говорится.

Ничего, однако, не мешало благоприятно и направленно влиять на страх посредством мышечной и дыхательной активности. С какой стороны ни взгляни, мужчина, регулярно поддерживающий физическую форму, воспринимает опасность, вызов и угрозу иначе, чем тот, кто ленив и спортом пренебрегает. Человек, вникающий в состояние своего тела, понимающий его возможности и готов в любое мгновение их использовать, скорее заряжен на борьбу и отпор, чем на смирение, кроткую покорность и бегство. Обученный и тренированный солдат привыкает страхом помыкать, всегда готов старательно и усердно его опровергнуть и преодолеть.

Время от времени я поднимал взвод среди ночи и уводил из общего тепла, из жарко натопленной казармы в лес, на мороз, бросал одних в непроглядной черноте новолуния — порознь, далеко друг от друга, чтобы каждый по отдельности сполна хлебнул студеной ночи, бескрайней тайги, неограниченного холодного и бесприютного пространства, необъятной тишины, в которой слух беспокойно ловит шорохи и скрипы. В темноте — глаз выколи, когда не видно ни зги, за деревьями и кустами мнится неведомая опасность, страшит неизвестность, тревога гложет душу. И одиночество, невероятное, крошечное одиночество, ты один в тайге, один как перст — в лесу и в целом мире. Ты вообще один на свете, брошен и забыт, невыносимая тоска ест сердце, боязно оглянуться, замирает и уходит в пятки душа. Кругом горы и тайга, непролазные чащи, повсюду теснятся и высются сопки, а ты такой маленький, слабый, одинокий, страх застит, затмевает, заслоняет трезвую ясность сознания и помрачает ум.

Вместе с добровольцами я терпеливо сносил и перевозмогал все нагрузки и трудности, чтобы научить бойцов сносить холод, усталость, лишения и нести самый тяжелый груз, неподъемную ношу — собственное одиночество. Если с ним не сладить, не укротить, оно тяжело ранит, напавал разит и убивает человека задолго до смерти.

Изо дня в день помимо установок на самовнушение я давал взводу добровольцев изрядную физическую нагрузку. Кроме силовых тренировок с отягощениями, мы бегали кроссы по горам — вверх-вниз, вверх-вниз по заснеженным склонам и бегом, бегом — не отставать!

Иногда я устраивал ночные марш-броски с полной боевой выкладкой, в темноте искрился и мерцал снег, насадно дыша, солдаты, казалось, сейчас рухнут без сил, испустят дух, каждое мгновение они умирали от усталости, каждое мгновение воскресали снова.

Взмокших, обессиленных, изнуренных до крайности, до полного изнеможения солдат я укладывал в снег, давал им упражнения на внимание и наблюдение. Помимо упражнений они с помощью самовнушения отрешались, отстранялись, отмежевывались от страха и тревоги, от холода и усталости.

После обучения и подготовки добровольцы умели сосредоточенно фокусировать энергию на поиск резервных сил, на стимуляцию иммунной системы. Каждый мысленно приказывал организму немедленно отыскать скрытый запас сил, чтобы справиться с нагрузкой и не болеть! Не болеть! Не болеть!

Со временем состояние добровольцев разительно изменилось. Они буквально преобразились, их устойчивость перед болезнями и страхом значительно возросла, со-

противляемость организма или, как говорят врачи, резистентность намного повысилась. Кроме того, каждый испытывал мышечную радость, состояние, при котором собственное тело ощущаешь упругим, ловким, сильным и послушным, готовым в любое мгновение к действию, как туго натянутая тетива.

Миновав остров посреди Сучана, мы беспрепятственно из конца в конец пересекли спорную территорию, по льду достигли берега и по распадку обошли сопку. Теперь следовало переложить оружие из кармана полушубка в кобуру, но не тут-то было: рука держала пистолет мертвой хваткой. От напряжения я всю дорогу сжимал его в кармане с такой силой, что ладонь и пальцы скованно онемели, разжать их не удалось. Пришлось свободной рукой по очереди разжимать каждый палец в отдельности.

Исполнив за три месяца программу, наутро я укатил в город Владивосток, раскинувшийся на берегу моря и на окрестных сопках. Город, надо признаться, напоминает другой город у моря, расположенный на холмах по другую сторону океана, незабвенный, неповторимый, необыкновенный город святого Франциска, где мне пришлось некоторое время пожить спустя двадцать лет.

Как и Сан-Франциско, Владивосток довольно причудливый город. Море вдается в сушу живописными бухтами и заливами, извилистые улицы кружат между ними на крутых склонах и теснятся на мысах, выступающих в океан. Гавань и порт располагаются в бухте Золотой Рог, причалы соседствуют с прибрежными улицами. В нижних городских кварталах наблюдается толчея корабельных мачт, труб, антенн, палубных надстроек, временами мнится, будто, забывшись, корабль ненароком зашел в город, невзначай оказался среди домов, трамваев и автомобилей. В бухте Золотой Рог круглые сутки снуют катера, шхуны и буксиры, мелкие паромы и лихтеры, перевозящие людей и грузы с берега на берег.

По соседству с причалами на краю морского порта непринужденно расположился железнодорожный вокзал, напоминающий Ярославский вокзал в Москве. Странная, надо признаться, картина открывается пассажиру: поезд невзначай приходит на портовый причал, океанский лайнер, в свою очередь, ненароком чалится к железнодорожному перрону.

Через дорогу напротив вокзала в уютном, похожем на комод особняке помещается Дальневосточное пароходство. Здесь целыми днями роится толпа, за стеклами вывешивают сводки с ротацией судов — где ты, милый: в Бразилии, в Гонконге, в Канаде или на переходе Кейптаун—Сингапур? Дух неугомного беспокойства витает над Владивостоком, в любую погоду, даже в штиль и безветрие, человека тревожат ветры дальних странствий — верный признак и неотъемлемое свойство портовых городов. Морской порт не знает покоя, днем и ночью приходят и уходят суда, некоторые бросают якорь на внешнем рейде, порт манит, завораживает и зовет, неодолимо тянет человека вдаль, за горизонт.

Между прочим, особняк, в котором разместилось пароходство, до революции и много лет спустя принадлежал семье промышленника и негодника Бринера, чей сын Юлий впоследствии стал знаменитым голливудским актером Юлом Бринером, который в кино играл преимущественно благородных героев. Достаточно вспомнить фильм «Великолепная семерка». На английском языке Юл Бринер говорил с заметным русским акцентом, но пел русские и цыганские романсы с сильным американским акцентом. Отец актера по всему Дальнему Востоку владел шахтами, портами, рыбным промыслом, обширным флотом и заготовкой леса. И надо сказать, умело справлялся, дела шли успешно. После революции большевики, конечно, все отобрали, но управлять имуществом и хозяйством не умели и отдали в концессию тому же Бринеру. Позже семья перебралась в Шанхай, оттуда в Штаты. Однако местное население по

всему необозримому краю и нынче упоминает бринеровский маяк, бринеровский рудник, бринеровскую железную дорогу.

В штабе округа я дал дежурному офицеру позывные, по закрытой линии военной связи меня от оператора к оператору соединили с Министерством обороны. Как ни странно, майор, адъютант генерала, оказался на месте, он долго не мог понять, кто звонит и зачем. Я сообщил, что закончил работу, закрыл командировку, жду дальнейших распоряжений.

— Какую работу? Какую командировку? — недоумевал майор, пришлось напомнить ему, по какой причине я оказался на китайской границе.

— Надо же, а мы уже все забыли! — засмеялся майор и повеселел, будто я рассказал свежий анекдот. — Можешь вернуться, дочь генерала вышла замуж.

— Передайте мои поздравления!

— Спасибо, передам, — пообещал майор, хотя я понимал, что вряд ли.

— А работу куда направить: таблицы, выводы, рекомендации?

— Да кому они нужны! Оставь себе на память. Возвращайся, в подразделении тебя ждали.

Как бы то ни было, о командировке я не сожалел. Во-первых, побывал на краю света в незнакомых землях, но главное, я подготовил взвод добровольцев, может быть, кому-то пригодится.

3. Московская область. Подразделение икс

Круг замкнулся, я вернулся в подразделение икс. Меня ждала работа по темам военной разведки. Дочь генерала вышла замуж за Бориса, моего коллегу из нашего подразделения. Как я уже говорил, свято место пусто не бывает. Он не зря мечтал поймать за хвост жар-птицу, и повезло, мечта сбылась. В подразделении я Бориса уже не застал, его перевели в Москву, и генерал сдержал обещание: подарил молодоженам квартиру. Коллеги в подразделении сочли меня простофилей и пожурили, попеняли за недомыслие. Что ж, кто бы спорил, кто бы сомневался, олигофрения, а попросту говоря, слабоумие, если и наблюдается, то по клинике, как правило, носит затяжной характер, лечению поддается с трудом.

Так или иначе, однажды по непонятной причине счастливцев на казенной машине, которая причиталась ему по новой должности, неожиданно прикатил в подразделение икс. На территорию по режиму секретности его уже не пустили, и он вызвал меня на контрольно-пропускной пункт.

Зима к тому времени пошла на убыль, сугробы осели, осунулись и потемнели, во-круг стволов образовались влажные лунки — затайки, как говорят лесники. В сыром воздухе ощутимо присутствовал тонкий и томительный запах то ли арбуза, то ли моченых яблок — запах снежницы, талой воды. Снежница обладает целебным свойством, не случайно животные, дикие и домашние, спешат прильнуть к свежим проталинам и вдоволь напиться. Если полить снежницей жухлые комнатные растения, воспрянут и оживут. Запах весны рождает надежду, волнует кровь и тревожит мысли, словно в жизни вскоре неизбежно и неотвратно произойдет что-то важное, коренные перемены.

Мы прогуливались за воротами по краю леса. Среди деревьев иногда едва слышались в тишине слабый шелест и хруст, зима постепенно отступала, в лесу оседал снежный наст.

— Надеюсь, ты на меня не в обиде? — спросил Борис вроде бы спокойно, но в голосе и в глазах сквозила тревога. — Ты уехал, она переживала, а я случайно оказался рядом.

— Молодец! — одобрил и похвалил я бывшего сослуживца. — Если б не ты, сидеть бы мне на китайской границе. Мог бы и не вернуться.

— Скажи мне честно: почему у вас не сладилось?

— Тебе зачем?

— Мне важно знать, — он смотрел пытливо, не отрываясь, словно на мне испытывал метод подразделения икс по микромоторике лица, чтобы понять сказанное и уразуметь: правда или ложь.

— Так... — я изобразил рукой незначительный ветер, легкое дуновение, неопределенные чувства, зыбкое колебание воздуха. — Капризы. Женские капризы.

— Она тебя часто вспоминает. Что ты делал, что говорил...

— Понятно: лечащий врач! Почти родственник. Кстати, как она сейчас?

— Вроде бы ничего, справляется. Вроде бы... Я стараюсь помочь, но она убеждена, что помочь можешь только ты. Я не ревную, но все же... Хотя, с другой стороны, если б не ты, мне бы ее не видеть.

— Ты случайно оказался рядом, как рояль в кустах.

Коллега бросил на меня быстрый взгляд, но смолчал, принял укол, покорно снес насмешку, я видел, что он пребывает в раздумьях, точно решает, стоит ли говорить, и, видно, поборол сомнения, решился:

— Однажды у нее здесь был приступ. Ты его быстро купировал. Можешь сказать мне, что ты тогда сделал?

— Не помню. Надо в архиве поднять историю болезни. А что, рецидив?

— Нет, пока ремиссия.

— Тогда что же?

— Не могу понять... — он по-прежнему задумчиво медлил и явно колебался, стоит ли говорить, но я видел, ради одного вопроса он и прикатил сюда, в нашу отдаленную лесную местность, вызвал меня и если не задаст, значит, напрасно приехал.

В свою очередь, я знал точно: в истории болезни, подними мы ее, записей нет, тот приступ история болезни обходит молчанием. Записи отсутствовали, как и свидетели, лишь дежурная медсестра поделилась с подругами, как быстро доктор купировал приступ. Борис тем временем созрел, превозмог сомнения и решился задать свой вопрос, который не давал ему покоя и который саднил в уме днем и ночью:

— Скажи мне... — неуверенно обратился, вконец отчаявшись, коллега. — Как ты думаешь... Почему когда мы ложимся, она просит сделать ей больно?

— Неужели? А тебе трудно?

— Нет, то есть да... То есть нет... — он растерялся, пытался собраться с мыслями, заполучить собственное мнение, утвердиться в нем, найти подходящие слова. — Ума не приложу, все мозги вывихнул.

— Каприз, мой милый, каприз.

— Однако странно, ты не находишь?

— Пустяки. Женский каприз. Причуда.

— Но она требует!

— Не бьет — не любит. Россия, братец!

— Бить?! — он глянул диким недоверчивым взглядом и спросил придиричиво, с выраженным пристрастием: — Бить жену?!

— Не ломайся. Просят — уважь! Может, ей надо.

Он не мог скрыть тягостного недоумения, тяжелого бремени подозрений, которые терзали его, хотел верить, надеялся, но и сомневался, и мучительно терялся в догадках, отчаялся в поисках причины, которую никак не удавалось доискаться. Вдобавок, скованный и оцепенелый, он не знал, как поступить: то ли сесть в машину и уехать, то ли попытаться что-то выяснить.

Я ничем не мог его утешить, вранья не терплю, правда могла ранить его, причинить острую боль. Разумеется, я помнил те события, знал причину, но она осталась врачебной тайной, которую по клятве Гиппократ я обязался соблюдать и хранить.

Разговор исчерпался сам собой. Мы еще прогуливались по кромке заснеженного леса, спящего пока зимним сном. Однако дневные морозы ослабли, чаще приходили ростепели, перемежаясь с метелями, ветры набрались влаги и пахли сыростью. По утрам над лесными оврагами и лощинами стлался туман, крыл низины тонким белым рядом. К полудню неожиданно появилось солнце, заметно пригрело, и оживленным стал птичий щебет. В тишине легко было распознать клестов, странных птиц, выводящих птенцов в лютые морозы, громкие трели рассылали окрест красногрудые снегиря, лесную калину облюбовали звонкие свиристели, песни юрких и проворных синиц заметно повеселели, задорными колокольчиками позванивали овсянки, а самой бойкой и неугомонной птичкой в еловом лесу значится маленький королек. Последний перед выпиской приступ у дочери генерала на самом деле приступом не был. Слишком картинно и театрально она исполняла симптомы, я углядел расчет, лживый умысел, притворство, умелую симуляцию, чтобы привлечь внимание. Старинные руководства и лечебники в таких случаях рекомендуют шоковую терапию. Понаблюдав и поразмыслив, я усла сестру за тонометром, и едва она вышла, бережно и заботливо поднял девушку с пола и отвесил короткую, но полноценную и довольно щедрую пощечину, в скупости, по крайней мере, обвинить меня никто не мог. От неожиданности барышня обомлела. На мгновение оцепенев, она неподвижно смотрела на меня круглыми от ужаса глазами.

— Ты спятил, — сказала она едва слышно. — Тебя посадят.

Следом с ней приключилась внезапная и разительная перемена, которую даже я не ожидал. Пациентка вдруг опустилась на кровать, гибко прогнулась, запрокинула голову, закатила глаза, прикрыла веки, замерла, вся напряглась, как струна, задышала часто, словно задыхаясь, потом застонала, точно изошла в порыве страсти, и обмякла в истоме, замороченная, обессиленная, и как бы в беспамятстве, в бессознательном состоянии. Лицо ее покраснелось и взмокло, как будто после бега или тяжелой работы.

Не надо быть врачом, чтобы понять, что произошло. У впечатлительных девушек иной раз проявляются упомянутые явления, с замужеством они, как водится, бесследно исчезают.

Когда с тонометром прибежала сестра, пациентка уже пришла в себя, выглядела разумной, вполне уравновешенной, даже умиротворенной девушкой из приличной семьи и в помощи не нуждалась. Но не рассказывать же все подробности кому-либо, а тем более свежее испеченному мужу. Семейную пару или, как говаривали в старину, чету я больше не видел — ни его, ни ее. Я не встречал их нигде, вероятно, они пребывали в неведомом балетном мире, в недосыгаемом высшем свете, и не исключено, они обитали где-нибудь на чужбине, в нормальной цивилизованной стране. Честно говоря, они меня не занимали, мне было как-то безразлично, где и как они существуют и вместе или врозь.

Если откровенно, надо признаться, и у меня случались удачи на личном фронте, и меня посещали нежные чувства и радостные мгновения, когда кружилась голова, сердце замирало от счастья, и казалось, что поиски увенчались долгожданной удачей. Но почему же иногда, изредка, довольно редко, от случая к случаю, даже реже, на память неожиданно и беспричинно приходят те давние события из моей врачебной практики. Следом посещают меня сожаления и горечь утраты. Давно известно: с любимыми не расставайтесь.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ. ЛЮБОВЬ ВОЛШЕБНАЯ, БОЖЕСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Побывать в Киеве на Лысой горе было моей давней мечтой. Я знал о ней понаслышке, хотя родился и вырос в Киеве. Однако где она находится, не представлял, понятия не имел. И лишь значительно позже, когда после медицинского института я служил военным врачом и для общего развития изучал снадобья знахарей, обнаружил, что Лысую гору упоминают старинные фолианты, тайные руководства по ведовству, знахарству, сонники и травники с рецептами снадобий. Древние книги, предназначенные только для посвященных, уверяли, что травы, собранные на Лысой горе в Киеве, обладают неограниченной силой, как целебной, так и губительной — кто как применит, с молитвой или с проклятием. Глухая молва утверждала, будто овеванная легендами и слухами Лысая гора слывет особым сокровенным местом, где якобы обитают нечистая сила и оборотни, сплошь и рядом наблюдаются потусторонние и сверхъестественные явления, а кроме того, якобы находится вход в астрал, в параллельный мир. На Лысую гору якобы раз в году, 31 января, слетаются отовсюду на бесовский ночной шабаш русские и зарубежные ведьмы.

Секретная воинская часть подразделения икс, в котором я служил, была научно-исследовательским центром, изучающим различные направления медицины, в том числе сомнительные, которые научная медицина отвергает. Дислоцировалось подразделение икс в подмосковном лесу, и мы не гнушались заниматься ноэтикой, то есть наукой об интуитивном сознании, парапсихологией, медитацией, подробно вникали в практики йоги, интерес к Лысой горе постепенно рос и зрел. Надо бы там побывать, думалось мне, между прочим.

От случая к случаю я навевывался в Киев, где жили родители. Поездка в родной город и в отчий дом случалась, конечно, праздником, весьма желанным. Там улетали за спину, таяли, исчезали прочь все трудности, проблемы и напасти, там я снова был ребенком, которому рады, которого любят, пестуют и ограждают от забот и огорчений. В Киеве я неизменно пребывал в хорошем расположении духа, в приподнятом настроении, в безмятежном состоянии — как иначе, если родители еще сравнительно молоды, работают, даже бабушка и дедушка живы, с нетерпением ждут приезда внука.

Навестить родителей удавалось несколько раз в году. Кто бы сомневался, я встречался с друзьями детства, с бывшими однокашниками, с подругами юности, с приятелями, каких в городе было пруд пруди. Летом мы сообща посещали знаменитые киевские пляжи на Трухановом острове или в Матвеевском заливе, где тренировались гребцы и ходили яхты под парусами. Мы загорали и весело играли на пиво в футбол. Иногда мы ходили на стадион, любовались игрой знаменитой команды «Динамо», зимой нас ждал каток, где мы под музыку рассекали круг за кругом на коньках, вечерами беззаботно посиживали в уютных рестораниках и кафе на Крещатике и соседних улицах.

В те годы, когда из лесной глуши я приезжал на побывку к родителям в Киев, все друзья, приятели, сердечные подруги и знакомые были еще живы, здоровы, счастливы, улыбкивы, строили планы на будущее и не имели причин горевать и удручаться. Но иногда, то чаще, то реже, среди покоя и благодушия, среди безоблачного настроения, по странной и непонятной причине из глубины на поверхность сознания ненароком всплывала нежданная и непрошенная мысль о Лысой горе. Настырно и неотвязно она напоминала о себе, неотступно звала, манила, влекла и не отпускала. И я понял: пора! Лысая гора располагалась на южной окраине города в местности над Днепром.

Идущие из центра по Крещатику и улице Большой Васильковской, которая тогда называлась Красноармейской, до выставки народного хозяйства, сельскохозяйственной академии и Голосеевского леса троллейбусы, прежде чем повернуть направо, в западном направлении, останавливались в начале Лысогорской улицы.

Жилые дома занимали одну сторону Лысогорской улицы, которая шла вдоль урочища с запада на восток, потом круто, почти под прямым углом сворачивала на юг и соединялась с Ракетной улицей, идущей дальше на юг в сторону Багриновой горы. Там находился безымянный поселок из двухэтажных типовых домов и располагались научные институты — среди прочих были ядерный с действующим реактором и ракетно-космический. Между Лысой и Багриновой горами пролегал заросший овраг, на дне которого тихо журчал забытый всеми неприметный ручей.

На другой стороне Лысогорской улицы круто высился обширный холм, поросший лесом, узкая тропа шла вверх среди высоких раскидистых деревьев. Город с гулом и чадом автомобилей остался за спиной. Лес встретил меня свежим дыханием, легким шелестом листьев, птичьим щебетом, емкой, как в большом соборе, просторной и прозрачной тишиной. После города кружилась от избытка кислорода голова, клонило в сон. С лесных полей навстречу хлынули чудесные лесные запахи, чистый воздух пропитали густой медовый аромат, тягучий бальзам из полуденного зноя и пахучих трав. Чем дальше от дороги, тем приметнее склон набирал крутизну, лес постепенно густел и дичал, вскоре кроны огромных дубов и грабов сомкнулись в сплошную кровлю, непроницаемую для солнца и, видимо, для дождя. Под деревьями образовалась плотная устойчивая тень, осязаемая, пожалуй, на ощупь. Старый реликтовый лес состоял преимущественно из древних кряжистых грабов и дубов высотой с десятиэтажный дом, могучие, в несколько обхватов стволы поражали воображение. Кое-где лес редел, на плешинах выделялись давние посадки клена, вяза, ясеня, липы и березы, но попадались и груши, высаженные, должно быть, для разнообразия. Подлесок составляли заросли лещины, бересклета, можжевельника, жимолости и боярышника. Одолев кручу, в конце подъема я вышел на гористое плато, где открылось небо. Теперь лес стеной теснился поодаль, гораздо ниже и, как мшистый ковер, выстилал и укутывал склоны, распадки, лощины и овраги, буйная зелень, точно дым, клубилась далеко внизу — тяжелые клубы зеленого дыма. Странные, надо признаться, посещали меня здесь мысли. Вдруг охватило редкое и пьянящее чувство неограниченной свободы — полная отрешенность, незамутненная радость бытия. В подразделении икс меня изо дня в день обременяли бесчисленные дела, будничная служебная толчея, нескончаемые, несметные хлопоты. И вот разом все оборвалось, вокруг присутствовала дикая первозданная природа, и ты свободен, свободен, свободен наконец. Только-только шумел рядом необозримый город, жил, клокотал, спешил, не чуя под собой ног. Еще отчетливо помнилось, как беспокойно существует позади цивилизация, но нет, все исчезло в мгновение ока, все городские звуки пропали, отсеклись, улетели в несусветную даль. Вершина холма оказалась в меру открытой. Глазам предстала обширная равнина с лугами, рощами, перелесками, мелкими овражками и степной долиной, граничащей с лесным откосом. С восточной стороны холма во всю незаурядную ширь открылся Днепр, его бесчисленные заливы, протоки, отмели и поросшие зеленью острова. Там же на востоке неоглядно распахнулось заречное пространство: Дарница, Слободка и окрестности, некогда пустынные, но сейчас застроенные многоэтажными домами. Население города неуклонно и неудержимо росло, как на дрожжах, Киев притягивал людей, как магнит железо. Вдоль Столичного шоссе и в параллель с рекой лес полого спускался на юго-восток к скромному озеру Лукрец. На севере урочище огибала Саперно-Слободская улица, где в середине девятнадцатого века размещались казармы саперов, рядом текла

по долине река Лыбедь и проходила железная дорога — на восток, в Россию. Но если ближе к железнодорожному вокзалу Лыбедь смиренно умещалась в бетонный коллатор, то к устью она разливалась как настоящая река в своих природных берегах. Старики-долгожители еще помнили, как в ненастье мелкие суда на Днепре торопились укрыться от ветра и волны в устье Лыбеди.

Севернее, за рекой и железной дорогой, над низиной высились давно обжитые склоны Печерских холмов. На значительном отдалении взгляд радовали шатры и купола знаменитой Киево-Печерской лавры, отсюда древний монастырь был как на ладони. Правее, на северо-востоке, местность граничила с урочищем Выдубичи, где с незапамятных времен находились православные монастыри — Троицкий-Ионовский и Выдубицкий, а восточнее и чуть южнее располагалась прибрежная территория с ласковым названием Теличка.

На западе холм довольно круто спускался к поселку Саперная Слободка, где тоже когда-то размещался саперный полк. С высоты местность под горой нынче смотрелась как тихий провинциальный городок или село — россыпь мелких частных домишек с огородами, палисадниками, сараями и будками для собак. Уступчатый и ухабистый склон на изрядном протяжении был открыт взгляду, просматривался насквозь, весь поросший высокой травой, в которой стояли одинокие деревья, местами глаз цеплялся за маленькие рощи, заросли кустарника и непроходимые куртины шиповника.

С какой стороны ни взгляни, урочище Лысая гора на южной окраине Киева удивительное место — необычное, непонятное, необъяснимое и непостижимое. А кроме того, невероятное и до крайности странное. Как уже сказано, в старинных книгах по знахарству и ведовству, изданных двести и больше лет назад, упоминается Лысая гора.

Что скрывать, в книге 1783 года и в некоторых более ранних сказано и преподносится как установленный факт: каждый год в ночь на 31 января Лысую гору под Киевом посещают ведьмы, которые якобы слетаются на шабаш. Книги содержат рецепты снадобий от всех недугов и хворей, приводятся тексты наговоров, ворожбы, колдовства, любовных приворотов, можно вычитать рецепты зелий для перевоплощения оборотней и состав мази, которая, по утверждению составителя, делает человека невидимым. На ум невольно приходит роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» и мазь, сделавшая героиню невидимой. Благодаря свойству мази Маргарите удалось изрядно в Москве пошалить, но рецепт или хотя бы состав мази автор не приводит, видимо, не знал. А может, знал, но не хотел обнародовать. Легко представить, что станет с миром, если каждый встречный-поперечный или все поголовно будут, когда вздумается, исчезать. Что мы тогда построим, чего добьемся и достигнем?

Некоторые книги рассказывают о волшебных травах и кореньях Лысой горы. Отвар из них, если умело приготовить, помогает человеку преодолеть земное притяжение. Другими словами, опровергается закон всемирного тяготения, открытый Исааком Ньютоном, рассмотренный в общей теории относительности Альбертом Эйнштейном и сейчас изучаемый квантовой теорией. Будто бы отвар придает человеку способность к левитации, он может зависать неподвижно в воздухе, парить над землей и перемещаться в пространстве. То есть летать, как ни странно.

С точки зрения эзотерики и паранормальных явлений способность к левитации образуется за счет биогравитационного поля и энергии человеческого мозга. Серьезная наука эту способность отрицает, но допускает возможность левитации в зонах, где гравитация ослаблена или отсутствует под воздействием внешней силы: магнитного поля, сильных звуковых колебаний, струи газа, лазерных лучей или электрического тока. К настоящему времени доказана теоретически и в эксперименте диамагнитная левитация при помощи эффекта Мейснера, когда магнит висит и движется в простран-

стве над поверхностью, обладающей сверхпроводимостью. В эксперименте использовали керамическую плиту, охлажденную жидким азотом.

Между прочим, понятие левитации содержится в мировых религиях. По преданию и буддийской литературе, когда светский принц Сиддхартха Шакьямуни Гаутама достиг высшего просветления и явился миру как Будда, он наряду с другими сверхъестественными способностями, именуемыми сиддхами, обрел дар левитации. Умели левитировать и некоторые его ученики — Могталан, к примеру, и Аманда, который предавался углубленному самосозерцанию и зависал в пространстве над рекой. Ведийская литература указывает на восемь сиддхи, восемь сверхъестественных способностей, которые побочно обретает усердный йог при постоянной практике на пути к совершенству. Одна из восьми — латхима-сиддхи — позволяет преодолеть земное притяжение. Ведийские источники вообще рассматривают левитацию как нечто обыденное, само собой разумеющееся. «На седьмом году практики йог становится легким, как ветер, его ноги могут не касаться земли, и он способен парить в небе», — говорит древний трактат «Тирумантирам». Заодно адепт способен подчинять желания и совладать с похотью. Они, правда, тогда не знали, что метаболизм в организме зависит от нейрогуморальной регуляции и желез внутренней секреции.

В христианстве отношение к левитации двойное и противоречивое. С одной стороны, православная церковь тихо, без лишних слов признает за истинными святыми возможность оторваться и воспарить над грешной землей. Молва и некоторые источники указывают на Серафима Саровского и архиепископа Иоанна Новгородского, причисленных к лику святых. С другой стороны, православная церковь полагает левитацию как некую прелесть, ложную святость, идущую от демонов, которые прельщают верующих, чтобы сбить их с пути истинного и ввергнуть в ересь. Католическая церковь относится к левитации гораздо мягче, проявляет снисхождение и указывает на две с лишним сотни католических святых, обладавших даром воспарять. В средние века, однако, тем, кто не доказал свою подлинную святость, грозили аутодафе, проклятие, отлучение и костер.

Нельзя исключить, что отвар из трав Лысой горы по рецепту чернокнижника содержал галлюциногены, наркотические алкалоиды на основе азотных соединений, вызывающие галлюцинации. Женщины, сами по себе экзальтированные от природы создания, выпив отвар, чувствовали перемену сущности и ощущали себя в полете наяву, как бывает в снах. Тем более что один из главных компонентов отвара, трава горечавка, называемая ботаниками ластовидной за форму листьев и цветущая на исходе лета, в конце августа или в сентябре, всегда под рукой, растет на Лысой горе в изобилии. Впрочем, в урочище произрастало множество трав, в том числе и те, что в других местах встречаются редко, и даже занесенные в Красную книгу как исчезающий вид. Чаше можно было увидеть сныть, яснотку, чабрец, копытень, звездчатку, иван-да-марью и кипрей. На востоке горы в котловине Русалочий Яр вокруг озера росли тростник, рогоз, осока и схеноплектус, называемый в просторечии камышом.

К слову сказать, компас на Лысой горе часто оказывается бесполезным: стрелка ведет себя непредсказуемо, беспорядочно сбивается с направления или безостановочно вращается по кругу. Тот, кто бывал на Лысой горе, знает, что за целый день можно никого не встретить — ни одного человека. При всей своей любви к живой природе и чудесным киевским паркам городские жители посещать Лысую гору во все времена опасались: избегали, чурались, обходили стороной. С давних пор Лысая гора пользовалась дурной славой, устойчиво слыла местом влияния и воздействия потустороннего мира, обиталищем нечистой силы, прибежищем демонов, бесов, оборотней и неупокоенных грешных душ.

Религия древних славян изучена слабо. Они были язычниками, верили в духов и многих богов, поклонялись деревянным и каменным идолам, которых ставили на лесных полянах и вершинах холмов. Открытая вершина считалась особо почитаемым и священным местом, лес здесь вырубали, но чаще выжигали, иногда лес выгорал самопроизвольно от удара молнии, что считалось особым знаком и указанием свыше. Племенные жрецы устраивали на вершинах холмов капища, где исполняли языческие обряды, часто жестокие, с приношением жертв.

Лысая гора в Киеве была таким местом. На открытой вершине стоял большой деревянный идол Перуна, строгого и воинственного языческого бога-громовержца, который не только посылал с небес гром и молнии, но и не выпускал из рук боевой секиры. Перун главенствовал в пантеоне славянских языческих богов и был небесным покровителем князя Владимира Святославича и его дружины, столь же воинственных и жестоких, как их покровитель. Князь поставил деревянного идола божества перед своим дворцом на Старокиевской горе, но он же, князь Владимир, после крещения приказал бросить идола в Днепр. Киевляне бежали следом вниз по течению с криками: «Выдубай, боже!», что означало: «Выплывай!» Там, где резную деревянную статую волны прибили к берегу, воздвигли древнейшую церковь Ильи Пророка, схожего с Перуном христианского повелителя грома и молний, чей день отмечается 2 августа. Местность называли Выдубичи, где с давних времен стоит Выдубицкий монастырь, пользовавшийся особым расположением, привилегиями и покровительством царской семьи. Позднее в урочище Выдубичи появилась еще одна достопримечательность — станция метро.

В славянской мифологии Перун был сыном верховного бога Сварога и богини Ляды, второе имя которой Слава дало, может быть, название славянам. В индоевропейских языках Перуна связывают с двумя понятиями: с дубом, который значился священным деревом божества, и с возвышенностью, то есть с горой. В древности всю Лысую гору покрывали дубовые рощи, местные жрецы испытывали к ним сакральные чувства и поклонялись им. Каждое дерево полагали живым существом и почитали как живое существо, способное их оберечь. Ах, не зря, видно, не зря растут нынче на Лысой горе священные дубы!

Мифология древних славян напоминает мифологию кельтов. Их племена населяли значительную часть Западной и Центральной Европы и впоследствии дали начало отдельным народам. Религия кельтов отличалась жестокой строгостью, ее друиды были не только жрецами, но и судьями, лекарями, духовными наставниками, хранителями традиций, исторической памяти и морали. По обыкновению, друидом был мудрый старец, обратиться к нему мог любой член племени, но не гнушались посетить друида вожди и короли, чтобы выслушать мнение и получить совет. Удивительно, но факт — друидом мог стать только тот, кто прожил в лесу двадцать лет, знал все растения, их свойства и обладал поэтическим даром: советы и наставления для лучшего запоминания следовало давать в стихотворной форме.

У кельтов был свой бог-громовержец Таранис, родственник Перуну, его атрибутом считалось колесо. Именно кельты придумали для колеса металлический обод, чем укрепили и упрочили свои боевые колесницы, телеги и повозки.

Славянские жрецы, или волхвы, из культа Перуна на Лысой горе были схожи с друидами кельтов. Стоит оговориться, что культура, обычаи и воззрения кельтов проникли далеко на восток и оказали заметное влияние на местное население. Помимо исполнения религиозных обрядов волхвы славян обладали навыками знахарей, составляли целебные снадобья и, не имея лаборатории, рентгена, ультразвука и томографа, лечили соплеменников, а нередко заговаривали хворь, воздействуя на психику. Да, есть

такой ненаучный метод, который и поныне успешно практикуют деревенские бабки-знахарки, перенявшие умение в семье по наследству из далеких времен. Перуну жрецы подносили дары, мазали идолу золоченые усы бортным медом и приносили жертву: археологи обнаружили на Лысой горе скелеты обезглавленных петухов. Волхвы составляли сонники и травники, кропотливо трудились над книгами по обряду, гадаанию и знахарству, записывали их с помощью рунического письма, которое существовало у славян до кириллицы. Нельзя исключить, что волхвы пользовались славянской письменностью, более ранней, чем кириллица, — буквицей или глаголицей.

После принятия христианства жрецы прежней религии, преследуемые церковью, скрывались в пещерах Лысой горы. Они унесли туда свои книги, тайно исполняли языческие обряды, хоронились от церковных и княжеских соглядатаев и все реже выходили на поверхность. Археологи нашли в раскопках пепел старых книг, вероятно сожженных церковью. Что стало с языческими жрецами, остается только догадываться, нравы были жестокие, церковь, утверждаясь, искореняла прежнюю веру дотла. Однако, несмотря на решительную борьбу, некоторые живучие обычаи языческих времен, праздники и традиции церковь, как водится, переняла, присвоила, использовала и приспособила под себя.

Изучив местность, я приблизился к старому форту. Его построили на Лысой горе в семьдесятые годы девятнадцатого века. До начала девятнадцатого века Лысая гора принадлежала Киево-Печерской лавре. Монахи завели на горе огороды, разбили фруктовые сады, на обширных лугах с богатым травостоем устроили пасеки, чтобы к столу в трапезной монастыря круглый год подавали мед, свежие овощи и фрукты. Некоторые отшельники, принявшие обет, не довольствовались известными с древних времен пещерами на территории монастыря, которые в значительном количестве посещали местные и пришлые богомольцы, заезжие паломники, женщины и даже любопытствующие чужеземцы, и от пестрой мельтешной толпы, от соблазна и тщеты суетливые уходили в тайные, никому не ведомые пещеры Лысой горы, чтобы исполнить аскезу и молиться в безмолвии наедине с небом.

Первую фортификацию и земляные валы на Печерских холмах строили еще в семнадцатом веке. Позже Петр Первый заложил и построил каменные укрепления, обнес монастырь стеной, превратив лавру в крепость. Интересно, что строительные работы сообща вели русская армия и казаки гетмана Мазепы. Через сто лет император Николай Первый построил колоссальную Новую Печерскую каменную крепость. Под строительство освободили и расчистили огромную территорию, снесли тысячу дворов ремесленников и торговцев. По плану вокруг Киева наметили построить двадцать семь крепостей, но построили лишь одну — форт на Лысой горе.

В первые годы девятнадцатого века казна выкупила Лысую гору у Печерского монастыря. Гигантский форт строил по своему проекту известный фортификатор, инженер в генеральском звании Эдуард Тотлебен, который прославился еще в Крымскую войну, где строил все оборонительные укрепления Севастополя, и те выдержали длительную осаду и непрерывную бомбардировку из тяжелых орудий.

Два года на Лысой горе кипела работа. Тысячи саперов трудились над сложной и насыщенной системой бастионов, рavelинов, капониров, люнетов, казематов, потерн и укреплений с мудреным названием ретраншемент. Стоит учесть, что машин и механизмов тогда не было, строили вручную с помощью лопаты, кирки, тачки и носилок. Глядя ныне на исполинские сооружения, диву даешься, сколько вложено ручного труда. Особенно поражают воображение колоссальные земляные валы высотой с четырех-пятиэтажный дом, которые тянутся на сотни метров. В разных направлениях их насквозь прорезают крупные потерны, каждая из восьми сохранившихся пред-

ставляет собой тоннель, облицованный кирпичом, правда, от тяжелых решеток на входе и выходе уцелели лишь массивные петли.

Внимание привлекает существенная подробность: кое-где черные проломы и каменные порталы ведут в подземные галереи, в подвалы и нижние помещения, образуя на разных уровнях запутанные лабиринты. Из непроницаемой тьмы, отвердевшей до плотности камня, веет могильным холодом, тянет сыростью и запахом плесени, но главное — пугающая неизвестность, которая страшит любого человека, даже если он здоров и полон сил. От крошечной неизвестности стыла в жилах кровь и заходило сердце. Сунуться туда, проникнуть в непредсказуемую черную зловещую глубину не рискуют даже отчаянные смельчаки, словно там обнаружился спуск в преисподнюю.

После окончания строительства форт обозначили как крепость третьего класса в отличие, скажем, от Ново-Печерской крепости, которой присвоили первый класс. Вскоре, однако, и ту и другую признали ненужными. С развитием военного дела, с новой тактикой и стратегией, с дальнобойной артиллерией значение крепостей резко снизилось, они стали просто лишними. Другими словами, все немислимые усилия, труд и затраты оказались напрасными. Форт на Лысой горе переименовали в гарнизонную тюрьму и военные склады. Та же участь постигла и Ново-Печерскую крепость, где расположили склады, в Косом капонири устроили тюрьму для государственных преступников с особо строгим режимом. По его жестокости тюрьма в Косом капонири напоминала крепость Шлиссельбург на Ореховом острове в устье Невы, где содержались опасные, с точки зрения властей, государственные преступники, враги империи. Основал и построил крепость Орешек в четырнадцатом веке Великий Новгород, спустя триста лет ее захватили и триста лет владели шведы, при Петре русская армия отбила крепость и вернула России.

Упомянутый Косой капонир Ново-Печерской крепости был полуподземным сооружением с толстыми круглыми стенами из кирпича и камня, наземная его часть выходила на склон Черепановой горы. Косой капонир десятки лет служил не только тюрьмой, но и местом казней. После первой русской революции 1905 года Косой капонир остался тюрьмой, казни перенесли на Лысую гору.

Стоит отметить, что предубеждение и неприязнь к Лысой горе, страх перед ней и отторжение стойко держались сотни лет и со временем ничуть не ослабли, наоборот, только окрепли и упрочились. В старых поверьях, в давней молве гора слыла прибежищем нечистой силы, пристанищем душ грешников, обиталищем привидений и оборотней. Жуткие слухи разносились по городу и повсеместно далеко окрест. Горожане тряслись от страха, слушая леденящие душу рассказы очевидцев, которые своими глазами видели летящих ведьм, скачущих бесов или бродячие привидения. Городские кликуши подхватывали слух, от себя добавляли ужасные подробности. Малограмотный простой люд верил каждому слову, обыватели при упоминании Лысой горы опасно и суеверно осеяли себя крестным знаменем в надежде на небесную защиту, на божественный оберег.

Просвещенная публика — врачи, адвокаты, инженеры, университетская профессура — молве и слухам, естественно, не доверяла, однако в обществе к тому времени зрели модные увлечения мистикой, оккультными науками, эзотерическими знаниями, среди интеллигентов и аристократов ширились inferнальные настроения, а кое-кто предпочитал воззрения тибетских лам и гималайских мудрецов. В светских салонах устраивали спиритические сеансы при свечах, гастролеры демонстрировали сверхъестественные способности, поэты на званых вечерах с обильным угощением читали заумные упаднические стихи, состоятельные и скучающие дамы зачитывались сочинениями Елены Блаватской, исполняли магические ритуалы и с религиозным экста-

зом спешили отдаться новому проповеднику, ясновидцу, прорицателю, медиуму или поэту-символисту. Со временем среди завсегдатаев популярных салонов установилось мнение, будто на Лысой горе проходит неуловимая грань, невидимая граница, неосязаемый рубеж между земным бранным миром и потусторонним обиталищем духов, образов и теней, куда душа попадает, когда расстается с телом. А на вершине Лысой горы якобы существует тайный вход в астрал, проникнуть туда можно с помощью магического перевоплощения.

Как бы то ни было, произошли, а вернее, нахлынули события, которые надолго отбили у населения всякую охоту посещать злосчастную местность. На подземных складах форта разместили боевой запас Киевского военного округа, в том числе пироксилин, мощное взрывчатое вещество, из которого производят бездымный порох — тысячи пудов. На Лысой горе армия выставила часовых, доступ туда закрыли. В городе почуяли неладное, слухи ползли один страшнее другого, город, по сути, жил на пороховой бочке.

Кстати сказать, кирпичные стены потерн и порталы густо испещрены надписями, которые именуются граффити. Часовые на посту, чтобы себя занять, штыками царапали на кирпичах имя и дату — каждая надпись на отдельном кирпиче. И поныне стены потерн сплошь усеяны именами и датами за многие годы — немые свидетельства прошлого. В свою очередь, некоторые архивы по сей день хранят инструкции для офицеров, разводящих караулы. Начальнику команды вменяется перед назначением часовых на пост разъяснить нижним чинам, что необычные пронзительные крики издают ночные птицы: сова, филин, сыч, козодой и неясуть, которые обитают в окрестностях форта, протяжные жалобные стоны характерны для птенцов совы, часовой обязан соблюдать хладнокровие и спокойствие, покидать пост в любом случае возвращается. Между прочим, через двадцать лет, в 1918 году, когда в Киев впервые пришли немцы, произошло то, чего все с леденящим страхом опасались: прогремел взрыв невиданной силы. Взрыв пироксилина разнес в клочья стены и строения форта, склады взлетели на воздух, чудом уцелели лишь земляные валы, потерны и глубокие подземелья. Многие дома в окрестностях — на Печерске и по соседству — превратились в руины, жертв среди мирного населения случилось немало. По городу, как обычно, ползли невероятные панические слухи о воздействии и проявлениях нечистой силы. Однако причину вряд ли стоило искать в сверхъестественных особенностях Лысой горы, все обстояло гораздо проще — обыденно и понятно. Причина, скорее всего, крылась в известном, извечном национальном свойстве: недосмотр, нерадивость, неряшливость, расхожее головотяпство, привычное раздолбайство.

Но существовала и другая веская причина, по которой горожане сторонились, избегали и отвергали необыкновенно живописную и редкую по красоте и разнообразию природы Лысую гору. Причина заставляла жителей не только не посещать, но понуждала не приближаться, держаться от нее подальше. Спустя пять лет после начала века в северной части Лысой горы установили виселицы.

Казни на Лысой горе проводили регулярно, гражданских вешали, военных расстреливали. Схожее разделение существовало в Древнем Риме: приговоренным к смерти римским гражданам рубили голову мечом, рабам и жителям провинций, не имеющим римского гражданства, назначали другую казнь — распятие на кресте или арену цирка, куда выпускали диких зверей.

Казнили на Лысой горе обычно ближе к рассвету или вечером, за час до полуночи. Осужденных доставляли из Косого капонира, ломовой извозчик обходился казне в пять рублей, артель из четырех одноконных извозчиков стоила девять рублей двадцать копеек, за веревки и саван империя платила пять рублей семьдесят пять копеек.

Захоронение производили тут же, рядом, а поблизости для попутных нужд соорудили большой кирпичный подвал, он и сейчас находится под землей, вход, правда, заложен камнем, укрыт дерном. Уместно вспомнить, что позже нацисты в германском рейхе цинично удумали все расходы по исполнению казни относить за счет осужденного или его семьи.

В казнях на Лысой горе империя не жадничала, немецкую скупость, мелочную скарედность не проявляла, но щедро и торовато все расходы брала на себя. Особенно это касалось услуг палача, оплата шла отдельной строкой. За одну казнь ему причиталась круглая сумма — пятьдесят рублей, огромные деньги по тем временам. Большую сдобную ковригу из наилучшей белой муки отдавали за полушку — за полкопейки, на четверть копейки можно было купить полкило моркови или две свечи, а за целковый, то есть за рубль, извозчик мог подрядиться на сто верст, почти на двести километров.

В штате на Лысой горе служили три палача, трудились посменно, но отдельные куцые подробности известны лишь об одном из них. Палач, о котором речь, жил в собственном доме на противоположном конце города в местности, называемой Лукьяновка. Тогда там еще не было трамвайного депо и высшего радиотехнического военного училища, но завод «Артем» уже был, хотя назывался иначе и производил не авиационные ракеты класса «воздух-воздух», а вполне мирную продукцию. И рынок на Лукьяновской площади уже был, и знаменитая Лукьяновская тюрьма, которая к тому времени лет пятьдесят как существовала.

Просторный кирпичный дом с ухоженным садом, дворовыми постройками, оранжереей и богатыми цветниками указывал на достаток, усадьба располагалась в тихих лукьяновских переулках среди таких же домов и садов. В свободное от работы время палач копался в саду, ухаживал за фруктовыми деревьями, но главным его увлечением на протяжении многих лет оставались цветы. Он любовно сажал их, вдумчиво скрещивал, пересаживал, с усердием выводил новые сорта, рассадой и семенами охотно и бескорыстно делился с соседями и даже великодушно одаривал незнакомцев, если приходили кротко и смиренно просить. По всей видимости, ему от рождения было присуще восприятие прекрасного. Его чувствительная натура ценила красоту, тяга к ней одолевала его неизменно, и когда он созерцал свои чудесные цветы, на глаза иногда невольнo наворачивались слезы, он мог заплакать от умиления. Да, что было, то было, прекрасные цветы заставляли его прослезиться.

На Лукьяновке любитель цветов слыл мирным, степенным и благоразумным старожилом, отзывчивым, деликатным и учтивым соседом, рачительным и домовитым хозяином, успешным и удачливым коммерсантом по торговой части, заботливым отцом. Он и был таким — добродушный, добросердечный, доброжелательный и добропорядочный человек, почтенный и любезный господин, спокойный, уравновешенный и вежливый мужчина средних лет с дружелюбным характером, располагающим людей к себе. Вдобавок к своим достоинствам он был грамотеем, выписывал газету «Киевлянин» и журнал «Нива», с интересом почитывал на досуге. И похоже, он был в ладу с собой, умиротворенный и невозмутимый, хорошо ел и спал, его не мучили, не терзали ночные кошмары, сомнений и метаний он не испытывал.

Жену он давно похоронил, жил вдовцом, растил и воспитывал единственную дочь, которую для образования и приличных манер определил в пансион благородных девиц. С душевной теплотой он внушал ей искренние чувства и добродетельную стезю, дочь понятия не имела, чем занимается отец. Время от времени он уезжал из дома на день-два-три, она была уверена, что по своим коммерческим делам. Жили они вполне благополучно, можно сказать, зажиточно, отец исправно платил за пансион, содержал приходящих кухарку и прислугу из местных, которые жили по соседству. Ни

дочь, ни кухарка, ни прислуга, ни соседи, ни тем более в пансионе не подозревали, что в дни отлучки он проживает в маленьком служебном домике тюремного ведомства у подножия Лысой горы, на западном ее склоне. Служебный домик стоял отдельно от прочих домов у восточного края Саперной слободки, местные жители называли его не иначе как дом палача — хата ката на мове. Впрочем, и русский язык содержит то же слово, хотя используется оно гораздо реже, но кат означает — палач.

Усердный цветовод и прилежный садовник, возвращаясь с работы и получив трудовой гонорар, предусмотрительно менял извозчиков. Никто не должен был знать, где и кем он работает и где живет — ни извозчики, ни горожане, ни одна живая душа. Первый нанятый извозчик довозил его от Саперной Слободки до Большой Васильковской улицы. Другой вез дальше на Крещатик, где в лучших киевских магазинах ездок покупал отменную снедь, вкусные деликатесы, сладости и подарки для обожаемой дочери. Уже с покупками он брал лихача на паре резвых жеребцов, которые по Михайловской, Большой Житомирской и Львовской улицам быстро мчали его на Лукьяновку. Обращая на себя внимание любопытная подробность. Вернувшись, он тотчас прочно забывал работу, Лысую гору, свою профессию — отверг, отторг, отринул и забыл. Когда он аккуратно подрезал в саду ветки деревьев, когда тщательно и кропотливо рыхлил почву на цветочных клумбах, он не помнил того, другого, с Лысой горы — не помнил и не вспоминал. Теперь это был иной человек, с тем, прежним, он не знался, не яхшался, никогда не встречал.

Из пансиона дочь отпускали на выходные и в праздники, отец баловал ее вкусной едой, сладостями и подарками. Что скрывать, любящий отец надеялся со временем выдать дочь замуж за хорошего и достойного человека, каким был он сам.

Помимо трудовой деятельности на Лысой горе садовник и цветовод имел тайное увлечение, о котором не знала дочь: он любил женщину. Дама сердца служила хористкой в оперном театре на Владимирской улице. Поклонник боготворил зазнобу как большую артистку, и когда она пела, на глаза у него наворачивались слезы. Да, чувствительный был человек, чувствительный и тонкий ценитель искусства. Разумеется, дама понятия не имела, где и кем работает ухажер, ей было невдомек. А впрочем, любопытства она не проявляла, знала, что коммерсант, подробности ее не интересовали. Когда он, обремененный сверхурочной работой на Лысой горе, долго не появлялся, она скучала, тревожно подозревала измену, ревновала к неизвестной сопернице, ей мнилось чувство, похожее на любовь.

Никто не знает, пригодился ли умелец новой власти, большевики и сами его профессию освоили не хуже, может быть, даже гораздо лучше, чем он. Не исключено, что в тридцатые годы он все-таки приспособился к делу: казни на Лысой горе возобновили, а специалист всегда пригодится. Теперь осужденных привозили из монументального серого здания на Владимирской улице и в значительно большем количестве и чаще, чем раньше.

Приблизившись к земляным валам, потернам и уцелевшим от давнего взрыва каменным порталам форта, в которых непоколебимо держалась непроницаемая темнота, я почувствовал стороннее присутствие. Как будто кто-то скрытно наблюдал за мной из тайного укрытия, чужой взгляд казался осязательным, как прикосновение. Даже издали от стен форта веяло холодом, внятная тревога разлилась в окружающем пространстве, само собой разумелось, что в кромешной темноте кто-то таится, не понять только кто и где. Казни на Лысой горе продолжались все тридцатые годы вплоть до начала войны. Молва рисовала жуткие подробности, горожане не только опасались приближаться, но старались не ходить и не ездить по соседним улицам, предпочитали пусть и дальний, но окольный путь. Впрочем, помимо казней обширному урочищу нашли и другое

применение: используя рельеф местности, под землей в крутых склонах оврага построили завод по ремонту танков. Зачем понадобилось загонять обычное, по общим понятиям и здравому смыслу, предприятие под землю, никто уже не знает, но получилось, что построили для немцев: в годы оккупации на подземном заводе ремонтировали немецкие тяжелые танки «тигр». По слухам из ненадежных и непроверенных источников, офицеры советской контрразведки Смерш, разбирая брошенные немцами штабные документы, будто бы обнаружили рапорты солдат из охраны завода о странных и необъяснимых сверхъестественных явлениях, наблюдаемых якобы в помещениях завода и на местности вокруг. Верить слухам или нет, каждый решает сам, но обрывки немецкой военной формы и металлические пуговицы в земле на Лысой горе находят до сих пор. Что есть, то есть, пребывание там солдат германского вермахта сомнений не вызывает.

Не думая о времени, я в одиночестве бродил по обширному урочищу, никого не встречая. Безлюдно было в глухом реликтовом бору, в заросших оврагах местности Ведьмин Яр, на покатых косогорах и просторных лугах с высоким травостоем, среди живописных рощ и тенистых перелесков. Понятно было, что Лысую гору за день не обойти. Однако пока ходил, я уразумел ее неотъемлемое свойство: в урочище Лысая гора людей подстерегает необычное, необъяснимое и небывалое явление. Вдруг беспричинно обуреет страх, психику напрягает беспокойство, приходит неуравновешенное состояние ума. В атмосфере угадывается грозное электричество, настроение заметно падает, и даже в жару кожу обдаёт нездешний холод, путника донимает непонятный озноб. Если постоять, осмотреться, прислушаться, вокруг все тихо, мирно, обстановка вполне спокойная, но откуда тогда гнетущая тревога, которая неожиданно возникла и не проходит, не исчезает, а, напротив, крепнет и растёт? Неведомая опасность мнится в непролазной чаще, но стоит приблизиться, раздвинуть ветки — ничего, кроме сумрачной тени, не обнаружится, плотная тень заполняет пустоту. Вокруг и рядом отчетливо растёт и копится незнакомая и, похоже, враждебная энергия, угадывается чужое незримое внимание, сторонний пристальный взгляд. Он исходит сразу отовсюду, со всех сторон, неотвязно преследует, однако заметнее всего со спины и затылка. Заблудшего человека здесь постоянно тянет оглянуться и поозираться, иные опасаются даже голову повернуть. Некоторые люди стремятся второпях убраться, поскорее унести ноги, как будто кто-то взащей гонит прочь — молча настаивает и беззвучно твердит: уходи, изыди, сгинь!..

Так или иначе, не исключено, что означенная картина всего лишь кажется. То есть имеет место плод фантазии. В реальности же присутствует, может быть, ложное восприятие, болезненная мнительность, нелепая выдумка, сдвиг и выверт сознания, причуды чрезмерного воображения. Возможно, не знай человек всего, что известно о Лысой горе, то ничего и не испытывал бы.

Неизгладимое впечатление на Лысой горе производят благоухающие поляны, окруженные густыми зарослями, как стеной. Если проникнуть, продраться сквозь колючую ограду из кустов боярышника, шиповника, барбариса и терновника, внутри замкнутого пространства глаз тешат разнообразные цветы и травы, пестрый ковер сплошь выстилает землю. Однако растут они странным образом: богатый и обильный травостой располагается кольцами наподобие грибных кругов, по всему миру называемых ведьмиными. На цветущих полянах, окольцованных колючим кустарником, чужой взгляд чувствуется особенно внятно, суеверные знатоки утверждают, будто роскошный ковер из трав и цветов предназначен для ночных шабашей ведьм и развратных женщин, здесь якобы они сношаются с бесами. Апофеоз разнузданного действия, буйных оргий и дикого разгула приходится на несколько ночей в году: на по-

следнюю ночь января, в ночь с 30 апреля на 1 мая — в пресловутую Вальпургиеву ночь — и в самую короткую ночь, наступающую вслед за днем летнего солнцестояния — 22 июня. Между тем самым жутким местом на Лысой горе значится глубокий провал в Мертвецкой роще, о котором мало кто знает. Местность издавна обладала дурной славой, посещать ее остерегались, побаивались даже приближаться. Бытовало расхожее мнение, будто на том краю Лысой горы в разное время происходили во множестве безымянные погребения бродяг, преступников и гулящих женщин. И якобы и поныне их неприкаянные души слоняются там в поисках упокоя и пристанища.

Если преодолеть овраги, складки и перепады местности в юго-западном направлении на вершине Лысой горы, внезапно среди высокой травы, частого подлеска и больших деревьев вдруг откроется невероятный по размерам провал, емкая пустота, рухнувшая с поверхности далеко вниз. Провал напоминает колоссальную воронку, неведомо как прорезавшую земную твердь. По стене воронки идет винтом грунтовая дорога, по которой вполне проедет и конная повозка, и автомобиль. Чем ниже она спускается, тем глубже погружается в сумрачную мглу.

Для обычного человека идти вниз — затея малоприятная, дорога, кажется, ведет в преисподнюю. Надо себя уговорить, убедить, осилить тревогу, унять холод в груди, совладать с волнением, пренебречь смутной угрозой, исходящей снизу, из неизвестной глубины. По мере спуска круг неба над головой шаг за шагом смыкается, сужается, сокращается, дневной свет с трудом проникает вниз, оставшийся на поверхности день отдает его все меньше и меньше. Вместе с дневным светом мало-помалу тает и дневное тепло, снизу подступают, густея и уплотняясь, сырая прохлада и тяжелый сумрак. Мягкая грунтовая дорога широкой спиралью ввинчивается в гору, и стоит человеку не остережться, не проявить осмотрительное благоразумие и не повернуть назад, спуск обернется растущим смятением.

Если не лукавить, любой нормальный человек в таких обстоятельствах испытывает волнение. Путника неизбежно разбирает тревога, сердце бьется чаще, душа уходит в пятки, нервы заметно напряжены. По мере спуска непроизвольно зреет ощущение угрозы и осознание, что затея оказалась напрасной. Желание повернуть назад крепнет с каждым шагом, приходится себя принуждать, чтобы самому перед собой не выглядеть постыдно. В конце спуска дорога выходит на плоское дно провала. Круглое, довольно обширное пространство, под ногами плотно утрамбованная глинистая почва. Высоко над головой брезжит оставшийся на поверхности и почти забытый день, Дневной свет, пролетев весь провал, с трудом достигает дна.

После тревожного спуска меня подстерегла в зыбком сумрачном освещении невероятная, неправдоподобная, непостижимая картина: по кругу вдоль отвесной стены располагалась череда огромных деревянных ворот. Высота их на глаз составляла несколько метров, грузовик в любом случае прошел бы.

На ум невольно приходит внезапная мысль: неужто это и есть пресловутые врата ада?

Большие массивные ворота из толстого бруса располагались, как уже сказано, по кругу — высокие створы на тройных петлях, простенки между ними довольно узкие, все ворота идут в своем отдельном направлении. Сквозь щели в створах глаз определяет тяжелую кромешную темень, плотность которой позволяет нарезать ее кусками. Из щелей тянет сыростью и холодом, остается только гадать: что там, какая нужда взнуздала все эти грандиозные подземелья соорудить? По трезвому размышлению, за воротами подразумеваются идущие в разных направлениях штольни большого диаметра. Узнать назначение их вряд ли удастся, соваться туда никто не рискует. От праздного любопытства и постороннего вторжения подземную территорию надежно ограждает суеверная молва.

Той же дорогой, спиралью идущей по стене провала, я поднялся на поверхность, где меня приветливо встретил погожий день. Яркое солнце освещало уцелевшие после взрыва остатки Лысогорского форта. Легкий восточный ветер, прилетевший с Днепра, гулял на просторах Лысой горы, раскачивал высокую траву, волновал заросли подлеска, путался в кронах больших деревьев и сникал на западных склонах. Голоса птиц наполняли окрестное пространство неумным щебетом, от нагретой земли, едва ветер стихал, теплый воздух струился вверх, зыбко колебал очертания пейзажа. Сонное оцепенение незаметно овладело Лысой горой, и такая прозрачная установилась тишь, что мнилось, будто нигде на свете нет бедствий, вражды, происков и козней, но царят повсюду мирное благоденствие и безмятежный покой. Тем временем на юго-востоке за кромкой окоема в заречных далях копились облака. Медленно и как будто дремотно они сближались, соединялись, полнились влагой и электричеством, сизая зловещая мгла затянула горизонт. Тяжелая грозовая туча яро пучилась, взбухла, клубилась, позже тронулась с места и пустилась в путь — на северо-запад, в сторону Лысой горы.

Неожиданно поодаль из гущи воздуха проявились размытые человеческие фигуры. Они необъяснимо возникли на покато косогоре и перемещались странным образом: косыми углами двигались из стороны в сторону, словно яхты галсами в морском заливе против ветра. Неразличимые поначалу, они могли показаться внезапным наваждением, галлюцинацией, мимолетной игрой воображения. Еще они мерещились призрачными тенями, причудливым испарением почвы или фантазией замороженного сознания, да и всем, о чем издавна твердила расхожая молва. Вскоре призрачные фигуры приблизились, стали явными, превратились в ходоков с лозой или, говоря иначе, в лозоискателей. Я уразумел в них любителей биолокации, которые с некоторых пор облюбовали Лысую гору для своих практик. Кое-кто из них, обычно не очень грамотный, утверждал, будто металлическая рамка в их руках, изготовленная из вязальной спицы, указывает на присутствие нечистой силы, оборотней или неупокоенных душ. Другие, как правило, более грамотные и начитанные, ссылались на астрал, на энергетическое поле и на субстанцию тонкого мира, за которой подразумевались сверхъестественные явления и потустороннее влияние. Ходили слухи, будто одного из них вместе с рамкой до беспамятства якобы вращала некая таинственная и невидимая сила, пока очевидцы не пришли на помощь и не догадались выбить рамку из рук искателя. Молва описывала, как в присутствии свидетелей та же невероятная, неведомая и неодолимая сила волокла несчастного оператора с рамкой и утащила бы под землю, в сохранившийся от старого форта люк, если бы, опять же, не расторопные очевидцы. Из толков и пересудов могло сдаться, будто потусторонним обитателям Лысой горы страсть как не нравится повышенное внимание и бесцеремонное вторжение непрошенных гостей с металлическими рамками в руках. Как говорится, невтерпеж и невподым, поперек желания. С некоторых пор лозоискатели остерегались появляться на Лысой горе в одиночку.

Сосредоточенные, с бледными напряженными лицами и как бы окостенев, они цепью шли сейчас по краю луга среди высоких некосей — мельком исчезали и появлялись среди деревьев и кустов. Искатели шли торопко, беглым шагом, сминая высокую траву. Издали казалось, они стоймя плывут в ней, утонув по пояс. Немые, до крайности озабоченные, они без усталости и без остатка, но с холодной страстью и твердой решимостью отдавались поискам и настолько погрузились в свое занятие, что не замечали ничего вокруг. Их самих впору было принять за нездешних пришельцев, за выходцев из параллельного пространства. Металлические рамки в их руках неудержимо и безостановочно вращались с неистребимой, неистощимой энергией. Судя по

размашистому шагу и целеустремленному движению, цепь ходоков уверовала, будто обнаружила то, что искала.

Здесь, как и в полевых испытаниях подразделения икс, происходили обычные идеомоторные проявления. Рамки вращались по причине мелких подсознательных и неосознанных сокращений мышц. Оператор знает, что рамка должна реагировать на чужое присутствие, мышцы руки невольно, незаметно и непроизвольно сокращаются, придают рамке вращение.

Киев, как известно, славится бесчисленными парками, обширными урочищами, зелеными ярами, лощинами и холмами. А кроме того, речными островами, протоками, бухтами и заливами. Однако именно вокруг урочища Лысяя гора за многие поколения сложилась мрачная и недобрая слава бесовского обиталища, тайного прибежища оборотней неприкаянных душ. Тяжелый суеверный ужас всегда ограждал живописную гору на южной окраине города от излишнего внимания и повышенного интереса. Кто бы сомневался, гнетущий страх повергал горожан в беспокойное предубеждение. Обычно за день в урочище никого не встретишь, изредка на западном склоне холма можно было заметить одинокого косаря. Невольно, сама собой напрашивалась мысль, будто урочище — заговоренная местность, особая зона, подверженная тлетворному воздействию неземной среды.

Между тем мгла в дальнем заречье на юго-востоке густела, полнилась и росла. Глубокий сумрак обложил за рекой полнеба, непроницаемо затянул лощины, холмы и овраги, и казалось, день за рекой померк, хотя до сумерек было еще далеко. На Лысой горе, однако, день оставался солнечным, ясным, погожим, сухая земля и растительность изнывали в жаркой истоме. Но воздух, подернутый кисейным маревом, постепенно мутнел, и птицы умолкли, загодя предчувствуя ненастье. Впрочем, город, похоже, о грозе пока не догадывался и вроде бы не подозревал. Улицы и площади Киева напоминали оживленный муравейник, толпы людей и потоки автомобилей неумоимо, безостановочно и неугомонно перемещались, не зная опасений, не ведая предвестий, не замечая предзнаменований.

Идущая с юго-востока гроза уже накрыла реку, вода в Днепре бурно вскипела под проливным дождем. Сизая мгла поглотила широкое русло, заливы, протоки и берега, и хотя Лысой горы пока не достигла, но надвигалась, неотступно приближалась, набиралась ярости, неизбежная и неотвратимая, как судьба.

Первые тяжелые капли упали на Лысую гору и насквозь пропитали сухую лежалую пыль. Круглые следы капель в пыли напоминали шляпки гвоздей, старательно и умело вколоченных твердой рукой. Дождь, однако, с каждым мгновением усиливался, земля быстро намочила, и следы исчезли — какие следы на воде? А и то правда, что вода состоит из капель, но их в ней не сыщешь, да и смысла в поисках нет — ни пользы, ни выгоды, ни прока. Впрочем, исчез и воздух. Вода падала с неба сплошным обвалом, как в горном водопаде, ни промежутков вовсе не осталось, ни щелей. Необъятное воздушное пространство на Лысой горе наполнила вода. Собственно говоря, и дышать-то было нечем, люди не рыбы, сами по себе дышать под водой не умеют, пора бы знать. И все же, промокнув в мгновение ока до нитки, словно окунулся с головой, я не утонул и ухитрился, умудрился, уловчился еще и дышать. Неизвестно, правда, чем.

Гроза, пришедшая из заречья, обрушилась на Лысую гору, как божья кара за тяжкие грехи. Частые молнии из края в край вспарывали и кромсали небо, оглушительные, невиданной силы раскаты грома сотрясали земную твердь и небесную сферу. Отдельные удары с невероятным сухим треском, похожим на треск раздираемой кожи буйвола, известной своей прочностью, раздавались низко над Лысой горой, и казалось, она не выдержит, расколется, распадется, разрушится от вершины до основания.

«Господи, твоя воля, откуда она взялась?!» — как молния, пришла на ум и пронзила насквозь внезапная мысль.

Среди безудержного ливня глазам предстала неправдоподобная картина. Призрачная, вполне нездешняя, будто сверхъестественный морок. В ярких вспышках молний, в потоках воды мне вдруг померещилась женская фигура. Тонкая, почти бесплотная, едва заметная в пелене ненастья, она мнилась галлюцинацией, иллюзией, смутным видением, но могло сдаться, она возникла как порождение грозы, необъяснимо сложилась из капель, непостижимо образовалась из струй как неотъемлемое свойство воды. Поверить в реальность явления было нельзя. Ее неопределенные, размытые очертания в гуще ливня выглядели зыбко и неустойчиво, и казалось, вот-вот растают, как наваждение, распадутся, исчезнут, канут в бурную воду и растворятся без следа.

Нет, фигура не исчезла. Девушка, похоже, никуда не спешила, непогоду, казалось, не замечала, укрытия не искала. Я даже подумал, что вода для нее — естественная среда, как, скажем, для русалок, но рыбьего хвоста, правда, не заметил. В летних туфельках на босу ногу, в коротком мокром платье, обтягивающем тело, она долго приближалась среди потоков воды, яснала постепенно, исподволь проявлялась, словно изображение на фотобумаге. Не обращая внимания на грозу и половодье, она отрешенно шла на прекрасных ногах под сокрушительным дождем, и мнилось, будто она идет по глубокой воде, как по суше, подобно равви Йешуа бен-Йосеф по прозвищу Ха-Ноцри, который ходил по Тивериадскому озеру, называемом иногда Галилейским морем, но чаще Генисаретом или озером Кенирет. Она шла, и что говорить, не стану скрывать, я не знал явления краше. Сказать, что она выглядела привлекательно — ничего не сказать. Она была необыкновенно хороша, мне, во всяком случае, так показалось. Неспешно и даже медленно, с непонятым спокойствием она брела сквозь водопад, по лицу бежали ручьи, иногда она смахивала воду ладонью.

Пока девушка приближалась, я гадал, кто она, откуда пожаловала, кем здесь приходится. То ли живет в окрестностях, в Саперной, к примеру, слободе под западным склоном или на Лысогорской улице с южной стороны урочища, то ли прикатила из города на своем автомобиле и оставила его где-то внизу, то ли воспользовалась городским транспортом, и гроза застигла ее врасплох. У меня ненароком закралась даже мысль, будто она вообще на Лысой горе обитает. Да, пребывает здесь постоянно как непонятное, неизвестное в природе существо, незнакомое людям — причуда местности, сверхъестественная явь. Внешность девушки надоумила меня заподозрить в ней оборотня, неземная красота усилила подозрение. Между прочим, первая, до Евы, жена Адама по имени Лилит из рода демонов, тоже была неопикуемой красоты, невероятно обольстительная, неповторимо чувственная, неизменно желанная. Дьявольское отродье!

Приблизившись, девушка зашла в облицованную кирпичом сводчатую потерну, где я укрылся от грозы. Силы небесные, странные, непостижимые, неподвластные уму события грянули внезапно, как гром среди ясного неба, и обрушились на меня. Уразуметь их нельзя, понять невозможно, объяснить трудно, здравый смысл отсутствует, рассуждать бесполезно, думай-размышляй, проку не будет.

Не сказав ни слова, обворожительная гостья молча обняла меня, сцепила руки на шее, припала, прильнула, приникла, зарылась в грудь лицом, как будто искала защиты, и, найдя, замерла, затаилась и успокоилась. Что тут скажешь, разумеется, я онемел, окаменел, взяла оторопь, но не отталкивать же, не отвергать, не прогонять же прочь. Ничего, конечно, не оставалось, и я в свою очередь молча обнял ее, чтобы обогреть и защитить, если понадобится.

Объяснений я не находил, а впрочем, и не искал, вопросов не задавал. Происшествие, по всей видимости, содержало загадку, разгадать которую было мне не под си-

лу. Из всех оборотней, каких я знал понаслышке, она оказалась самым очаровательным, я даже дышать забыл.

В старых книгах, в руководствах по колдовству и в пересудах знатоков указывается, будто распознать беса, демона и оборотня удается по запаху. Якобы в любом обличе исходит от них немилосердный смрад, тяжелое зловоние, невыносимое для людей. Незнакомка, впрочем, ошеломила нынче редким ароматом, неповторимым благоуханием, в котором преобладали густые медовые запахи цветущего луга, спелых лесных ягод, утренней свежести, родниковой воды и смолистых бальзамов, настоянных на полуденном зное. Умопомрачительный запах кружил голову и волновал кровь.

Время остановилось. Ход его сохранился, пожалуй, только в часах, но никто на часы не смотрел, с часами не сверялся, к течению времени интереса не проявлял. Не зря говорят: счастливые часов не наблюдают. Мы неподвижно стояли, крепко обнявшись и забыв обо всем, превратились в одно неразрывное целое, в двуединое существо, неразделимое на части. Зверь с двумя спинами, как говорил Шекспир.

Голова шла кругом, одна мысль пульсировала в мозгу: неужто повезло, неужели струсилась любовь с первого взгляда? Мы все мечтаем о несбыточном, каждый раз надеемся и уповаем на судьбу. Гроза как будто нас околдовала и неограниченно ошастливила — насквозь и глубже, до умопомрачения, до потери сознания, если быть точным. Среди безумного ненастья мы отрешенно присутствовали под кирпичными сводами, ошеломленные настолько, что не могли ни двигаться, ни произносить слова. Между прочим, я пока не знал, понимает ли она людскую речь, умеет ли говорить. Безмолвно, обмерев в тесных объятиях, мы не трогались с места, то был приступ счастья, как дивный сон наяву. Вокруг неистово бушевала гроза — ни передышек, ни пауз, ни просветов. Яркие вспышки на мгновение выхватывали из сумрака жуткую картину гибельной стихии. Невольно мнилось, будто небывалая гроза случилась неспроста. Вроде бы то не естественное и натуральное свойство природы, но проявление власти и воли строгих высших сил, терпение которых исчерпалось, и они подвергли наконец греховное место суровому наказанию. Потоки воды, чудовищным ливнем хлынувшие с неба, словно на планету снова обрушился Всемирный потоп, бешено хлестали и молотили Лысую гору, и могло сдаться, будто непримиримые и несговорчивые высшие силы вознамерились смыть ее напрочь с лица земли — вчистую, как говорится, вщент и вконец.

— Голгофа, — неожиданно произнесла знакомка едва слышно и сразила меня наповал: я и сам думал о том же, она неисповедимо угадала мои мысли. Вдобавок обнаружилось, что она знает человеческую речь, умеет говорить — к месту, разумно и разборчиво, чем неподдельно порадовала меня: человеку требуется, чтобы с ним разговаривали и его понимали. И упомянула она Голгофу, похоже, отнюдь не случайно, точно и сама чудесным образом явилась к нам из древнего города Иерусалима.

К тому времени сизая мгла, сопутствующая погоде, окутала Лысую гору, словно тяжелая плотная ткань. Сырой, настоящий на библейском дожде мрак оградил, отделил, ограничил урочище непроницаемой завесой, за пределами которой чья-то лукавая фантазия могла заподозрить ясный ласковый день, приветливое солнечное тепло и прозрачную даль. Однако в действительности грозовая мгла растеклась без конца и без края, накрыла весь город и поглотила его холмы, бесчисленные крыши, зеленые улицы и обширные парки — город Киев исчез в жестоком плену грозы.

По всем признакам немислимая гроза на Лысой горе в Киеве случилась подобием сокрушительной грозы на другой Лысой горе, называемой Голгофа, в святом городе Иерусалиме. И даже не подобием, но продолжением — сквозь века и тысячелетия. Голгофа на языке иврит означает череп, так называли в Иудее Лысую гору, место

казней, где римляне обычно распинали преступников, не имеющих римского гражданства, и рабов. Заимствованное в Карфагене распятие считалось наиболее тяжелым и позорным наказанием и сопровождалось бичеванием осужденных.

Давняя безумная гроза последовала за несправедливым распятием бродячего галилейского проповедника, учителя и врача равви Иешуа бен-Йосеф бен-Иаков по прозвищу Ха-Ноцри, когда разверзлись небеса. Верить не верить, но грозы на Лысой горе в Киеве и на Лысой горе в городе Иерусалиме не вызывают сомнений — исторический факт, как принято говорить.

Знатоки, однако, могут придраться, возразить и выказать упрек в том, что дедом равви Иешуа по отцу упомянут Иаков, тогда как имя деда Илий. Нет, ошибки нет: Илий — по закону, Иаков — по плоти. Если женатый мужчина умер бездетным, то для сохранения его рода и семени еврейский закон левирата разрешал единоутробному, то есть родному, брату взять к себе жену покойного. По закону левирата их ребенок продолжал род умершего. Брат Илий умер, брат Иаков взял к себе жену Этну, их сын Йосеф значился отцом равви Иешуа. Причина разночтения, по обыкновению, кроется в простой истине. Мытарь Левий Матитьяху, взимавший подати и налоги, ставший апостолом Матфеем, свою благую весть, что по-гречески звучит как евангелие, написал исключительно для евреев. И поэтому имя деда равви Иешуа указал по еврейскому закону левирата. В свою очередь, врач и путешественник Лука свою благую весть писал заметно позже, на греческом языке и для всех, преимущественно для греков, македонцев и фракийцев, и указал деда равви Иешуа, как тогда говорили, по плоти или биологического отца, как формулируем мы сегодня.

Правда, вавилонский Талмуд в трактате Санхедрин упоминает Ха-Ноцри как Иешуа бен-Пантера. Другими словами, отцом по плоти равви Иешуа в трактате Санхедрин признается якобы некто загадочный по имени Пантера. Любой пытливый ум волен и вправе поставить вопрос ребром: кто таков?!

Откроем запретную тайну, насквозь предосудительную, повсеместно обруганную, сплошь порицаемую, напрочь отвергнутую всеми, кто исповедует христианскую веру. Глухая молва, редкие очевидцы и разрозненные апокрифы смутно намекают, будто равви Иешуа ненароком и невзначай случился внебрачным сыном римского легионера Авдия Пантеры. Тотчас следуют горячие возражения: как мог римский легионер оказаться в крошечном захолустном городке, больше смахивающем на деревню и носящем по причине мелкого значения и незначительной величины название Ноцерат, что на языке иврит означает побег, отросток? Спустя тысячелетия город вырос по значению и в размерах, повсюду в мире стал именоваться Назаретом. Впрочем, в Галилее он так и остался Ноцератом — побегом, отростком или просто веткой.

Что же там делал Пантера и как его туда занесло? Вопрос стоит колом, требует или, как говорили когда-то, алчет и взыскует ответа.

Уроженец финикийского портового города Сидона, что на местном языке означает «рыбный промысел», Тиберий Юлий Авдий Пантера не был легионером в буквальном смысле. Римским солдатом — да, был, но в легионах, стоявших в Сирии и Палестине, формируемых из римлян, не служил. Уйдя восемнадцати лет от роду из Сидона в армию, он попал в отдельную когорту лучников, которая относилась к вспомогательным силам. Они набирались из жителей римских провинций и, как правило, исполняли полицейские обязанности: патрулировали дороги, сопровождали богомольцев и торговые караваны, ловили преступников, подавляли волнения и мятежи. Их часто использовали в местных конфликтах, если власти решали, что выдвигать тяжелую пехоту легионов нет смысла. То есть обходились легкой пехотой вспомогательной армии. На то время это были как бы внутренние войска или национальная гвардия.

В лучники обычно набирали рослых молодых мужчин, резвых и проворных, физически сильных. В битвах лучники быстро выбегали перед боевыми порядками тяжелой римской пехоты, засыпали противника градом стрел и тотчас исчезали позади строя манипул. А чтобы натянуть тетиву боевого лука, собранного из дерева, рога, кости и бычьих жил, требовалось значительное усилие. Словом, выглядел Пантера, видимо, как атлет. Рослый красавец, физически сильный, гроза женского пола, объект интереса, образец для девичьей мечты.

Помимо физической силы в лучники, разумеется, отбирали еще и по зрению. Чтобы метко целить, стрелку, понятное дело, требовался острый глаз. Зоркость проверяли по звездам. Испытуемому ночью показывали созвездие Большой Медведицы, которое на китайском языке звучит как Бэйдоу, что означает Небесный Ковш. В ручке ковша вторая звезда от конца называется Мицар, то есть Конь, но рядом находится крошечная, едва заметная звездочка Алькор, что переводится как Всадник. Звезду Мицар видели люди с нормальным зрением, тех, кто видел звезду Алькор, брали в лучники. Внешне, должно быть, Авдий Пантера смотрелся вполне приглядно, поскольку, судя по имени, в нем было намешано разных кровей. На юную красавицу Мариам статный и неотразимый чужестранец произвел, конечно, неизгладимое впечатление. Таких мужчин она никогда не видывала, в Ноцерате жили преимущественно нищие крестьяне, изо дня в день гнувшие спины на полях. Авдий являлся ей как ослепительный пришелец из другого мира, как яркий праздник среди унылых будней. Кто бы сомневался, юной, неопытной, простодушной и наивной девушке из захолустья трудно устоять.

Пантера — семейное имя греческого происхождения. Личное имя Авдий есть латинская форма еврейского имени Абдес, что на иврите означает божий раб. Тиберий — имя правящего в то время императора. Традиционно можно предположить, что семья Пантеры или он один когда-то по той или иной причине, скажем за долги или недоимки, были проданы в рабство, что происходило довольно часто и удивления не вызывает. Скорее всего, за службу в армии император даровал Пантере свободу, в таких случаях, как правило, вольноотпущенник брал имя благодетеля. Свободу молодой солдат, вероятно, получил не лично от императора, но его именем отпустил все сильный царедворец, префект личной гвардии императора, именуемой преторией, Луций Элий Сеян, который правил в Риме, когда принцепс, то есть первый сенатор, и понтифик, то есть первый жрец главного храма Юпитера, Тиберий Юлий Цезарь Август добровольно уединился на острове Капри, где предался изысканному разврату. Сеян, между прочим, был покровителем и содействовал назначению всадника Понтия Пилата префектом Иудеи. Имя Юлий было родовым именем императора Тиберия и правящей в Риме династии, молодой лучник Авдий Пантера и его присобачил к своему имени заодно с именем императора. Схожим образом поступил Йосеф бен-Матитьяху, правоверный фарисей из семьи священника. Он был связан с зилотами, безжалостными и беспощадными народными мстителями, в подполье боровавшимися с римской оккупацией. Три года Йосеф бен-Матитьяху провел на берегу Мертвого моря в кумранской секте ессеев, где обобществляли имущество, царили жесткая дисциплина и строгий уклад жизни. Позже Йосеф бен-Матитьяху возглавил вооруженное восстание против римлян в Галилее и был пленен, но, попав в Рим, подружился с императорской семьей. Окученный ею, обласканный, облагодетельствованный, Йосеф бен-Матитьяху взял родовое имя династии Флавиев. Имя историка Иосифа Флавия до сих пор на слуху, книги его издаются и ныне.

Между тем невероятная гроза на Лысой горе в Киеве не стихала. Обнявшись, мы вдвоем с прекрасной незнакомкой, неожиданно и исповедимо, но чудесным образом

возникшей из ненастья, коротали время в кирпичной сводчатой потерне, приютившей нас под земляным валом старого форта. Можно было возомнить, будто мы тайные влюбленные, которые заранее условились о встрече и назначили свидание в укромном месте в урочный час.

В те минуты из грозового мрака на гребне холма появились стремглав бегущие под проливным дождем люди. Перед грозой лозоискатели организованно шли в обратном направлении на северо-восток, проворно и резво шагали уверенным строем с металлическими рамками в руках, и вот на тебе! — разрозненной толпой, словно потеряв голову, они ошалело неслись вскачь, подпрыгивали и взлетали, как зайцы, улепетывающие от погони. Само собой разумелось, что унести ноги от грозы им не удастся, и они разбежались, чтобы укрыться под кронами раскидистых дубов, вразброс растущих на соседней долине. Никто из беглецов, похоже, не знал, что в грозу дуб сулит повышенную опасность, молния бьет в дубы значительно чаще, чем в другие деревья. Знатoki утверждают, будто дуб притягивает молнию, как магнит железо. Уместно напомнить, что всю Лысую гору когда-то покрывали густые дубравы, но грозы со временем выжгли их, и гора облысела. От реликтовых дубовых рощ, которым древние язычники, завороженные их сакральной энергией, истово поклонялись, в урочище сохранились многовековые кряжистые гиганты с могучими стволами в несколько обхватов и высотой с многоэтажный дом. По языческим поверьям, дуб мнил-ся пристанищем нечистой силы, ее скопищем и средой обитания, строгие языческие боги яростно метали с неба стрелы молний и сжигали дубраву дотла.

Об эту пору меня посетила неожиданная мысль, будто искатели с лозой явились на Лысую гору в поисках моей ненаглядной. Дабы развеять чары, лишить волшебной силы, дающей власть над людьми, и упечь в неволю. Что ж, выходит, моя ненаглядная скрылась от них под землей в потерне с кирпичными сводами, Лысая гора, стало быть, на людское посягательство ответила ненастьем.

Чудовищная гроза неукротимо бесновалась, но, сказать по правде, ошеломляла и завораживала, наблюдать ее тянуло, как притягивает взгляды огонь. Вода заполняла окрестное пространство, яркие электрические вспышки пронзали зловещую мглу, выхватывали на мгновение картину дикого паводка. Земля уже не принимала воду, бурные потоки неудержимо катились под гору и буйным пенистым водопадом в свободном падении рушились вниз — там, где склон обрывался. Вскоре большая вода, какая бывает весной в половодье, затопила овраги и лощины урочища, с бешеной силой кипела и клокотала у подножия Лысой горы, точно морской прибой в прибрежных скалах. Невольно мнилось, будто вскоре потоп сплошь накроет земную поверхность, только и останется, что спастись вплавь. Если, конечно, не будет поздно, если удастся и повезет.

Хочешь не хочешь, естественным образом возникли неизбежные вопросы. Была ли необыкновенная гроза на Лысой горе в Киеве знамением свыше или гневным сверхъестественным проявлением тайных местных сил? Или наблюдалось всего лишь натуральное климатическое явление? Вопросов, однако, никто не задавал, а впрочем, никто бы не ответил. Городские жители попрятались от грозы кто куда, рухнувший с неба сокрушительный дождь хлестал не переставая. Мы стояли, обнявшись, без слов наблюдали, как, беснуясь, снаружи бушует гроза, я готов был, чтобы она никогда не кончалась.

Ах, что говорить, конечно, я знал мою ненаглядную давным-давно, свел знакомство в незапамятные времена. Она являлась мне в счастливых снах, я грезил о ней и мечтал. Надо же было случиться, нынче она впервые пришла наяву, и я подумал, что не будь грозы, моя суженая могла и не появиться. Да, гроза подарила мне ее, но не уго-

монила, иступленно и яростно терзала Лысую гору в Киеве, как та, давняя, после распятия истязала Голгофу в святом городе Иерушалайме.

Вот и нынче молнии беспрерывно кромсали небо, рвали его в клочья, оглушительные раскаты грома немолчно гремели над Лысой горой. Было понятно, что жалости и пощады ждать не приходится, надежды нет — не брезжит, не теплится, не предвидится и не предстоит.

Когорта лучников дислоцировалась в городе Сепфора Галилейская, как на греческий лад называли город Ципору, что располагался в пяти еврейских милях, в четырех римских милях, в шести, наконец, современных километрах от городка Ноцерат. А и то правда — что за расстояние для молодого атлета, увлеченного юной неотразимой красавицей?! Час ходьбы!

Какие сомнения, расхожая истина справедлива и неоспорима: для любви нет преград! Лорд Байрон, когда писал поэму «Чайлд Гарольд», жил в армянском монастыре на острове Святого Лазаря посреди венецианской лагуны. Поэт с вечера прыгал в воду из окна своей кельи на втором этаже, проплывал полтора километра лагуны для свидания с возлюбленной и на рассвете так же вплавь возвращался назад. Прекрасный был пловец и самоотверженный любовник.

Можно ли верить зыбким, сомнительным и недостоверным слухам о происхождении равви Иешуа? В Талмуде Иешуа бен-Пантера упоминается вполне определенно, без сомнений и колебаний, как нечто само собой разумеющееся. В трех Евангелиях от Марка, Матфея и Луки, за схожесть называемых синоптическими, присутствуют косвенные и, видно, упущенные намеки на тайные события в жизни равви Иешуа. В его богословском споре с фарисеями под стенами Храма, те бросают ему прозрачный упрек: мы, мол, не рождены в грехе прелюбодеяния! Отчетливо подразумевается, дескать, в отличие от тебя.

В самом раннем Евангелии от Марка наличествует странный, весьма загадочный эпизод, связанный с таинственным, совершенно беспричинным на первый взгляд посещением равви Иешуа стран Тирских и Сидонских. Якобы намеревался тридцатилетний Ха-Ноцри посетить некий дом, но так, чтобы не быть узнанным, и наведаясь туда, однако его узнали. Дом не назван, цель посещения отсутствует, кто его узнал — молчок, какие последствия — остается только гадать. Сплошная конспирация, полная секретность. Как будто все участники дали обет молчания, клятву омерты или хотя бы подписку о неразглашении, как заведено сегодня. Не был ли таинственный дом в Сидоне домом отца по плоти? А кроме того, равви Иешуа на протяжении трех лет служения не раз одобрительно и с похвалой отзывался о землях Тирских и Сидонских. Указанное направление манило его неизменно и постоянно влекло. А мне, грешному, ненароком пришла в голову шальная еретическая мысль: это ж как надо было полюбить, какие испытать чувства, чтобы земные смертные люди родили Бога!

В шестом году нашей эры, когда по любому расчету равви Иешуа был еще ребенком, когорта лучников из Сепфоры перевели в Далмацию, где она оставалась три года. В девятом году когорта перебросили в Германию. К тому времени император за верную службу даровал лучнику римское гражданство, всего Авдий Пантера прослужил в армии сорок лет. Отставные солдаты обычно получали в провинции, где служили, хороший земельный надел, видно, так оно и произошло, потому что на родину лучник не вернулся, остался в Германии.

Спустя две с лишним тысячи лет неистовая гроза, разразившаяся на Голгофе, си-речь на Лысой горе, в городе Иерушалайме, по-прежнему занимает умы и тревожит пытливые души. Ее привычно связывают с распятием Иешуа Ха-Ноцри на кресте, хотя тогда, в злосчастный весенний день месяца ниссана, когда все добропорядочные иудеи

готовились отпраздновать Пейсах, случайных зевак на Голгофе наблюдалось, к нашему удивлению, до обидного мало, учеников и последователей и того меньше. Однако в упомянутый год по схожему обвинению римляне казнили распятием четыре сотни, три десятка и двух человек, каждый из которых утверждал, клялся и божился, что он есть истинный машиах. То есть мессия. Если по-нашему, то Спаситель, а на чистом греческом языке звучит как Христос.

Не знаю, сколько прошло времени, гроза, пришедшая из заречья, накрывшая Лысую гору и город Киев, стала угасать. Мы по-прежнему стояли обнявшись, разъять дивные объятия не было ни желания, ни сил. Гроза оскудела, вместо ливня сеял мелкий застенчивый серенький дождик, за рекой открылась даль, в небе на ясном просторе образовалась радуга, изогнулась празднично из края в край. Моя ненаглядная мягко и бережно разомкнула необыкновенно прекрасные руки, гибко и осторожно выбралась из объятий и вышла наружу. Не говоря ни слова и не оборачиваясь, она побрела в неизвестном направлении — туда, откуда пришла. Растерявшись, я двинулся было следом, но она обернулась и сказала ласково и улыбчиво:

— Подожди, я скоро вернусь.

Позже я сожалел, что не послушался, покорно согласился и остался ждать. Набравшись терпения, я прождал полдня, ждал до темноты и понял, что она не вернется. Не знаю, кто она, откуда пришла, куда и почему исчезла. Некоторые явления на свете нам не дано понять и не назначено постичь, хотя смириться трудно. Какие сомнения, нечаянная встреча на Лысой горе навсегда оставила в памяти неподвластную времени печаль разлуки, едкое сожаление и горечь утраты.

Впрочем, что зря толковать, предаваться суесловию и толочь напрасно воду в ступе. Если Ха-Ноцири значит как бен-Пантера, то ошеломительная гроза в городе Иерусалайме всего лишь каприз природы, естественная стихия, пусть и незаурядная. Но коль причина безумного ненастья кроется в распятии, или, говоря иначе, крошечная гроза проявилась как следствие казни, тогда в ней можно узреть знак свыше, божественный промысел, небесную волю. Авдий Пантера прожил шестьдесят два года и похоронен там же, в Германии, на римском кладбище в городе Бигенбрюк, земля Бранденбург. На могиле стоит надгробный камень из розового гранита в половину человеческого роста, любой желающий, у кого есть интерес или хотя бы любопытство, особенно тот, кто не верит или сомневается, может наведаться и убедиться, утвердиться, удостовериться.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ. ЛЮБОВЬ И ПТИЦЫ, ЦЕЛЕБНАЯ ЛЮБОВЬ

О приезде генерала нас известили заранее. К встрече личный состав подразделения икс, где после медицинского института и призыва в армию я служил врачом, готовился загодя и с особым тщанием. Генерал приехал в ноябре на Димитрия, когда в деревнях поминают усопших и примечают зиму: Димитров день — зима на плетень.

В ноябре установилось предзимье, затяжные дожди ушли вместе с осенью, после Казанской иконы мокрое ненастье сменила ясная стынь, день на глазах убывал — поздние рассветы, ранние закаты. По ночам склоны холмов пятнал робкий снег, в заморозки каменела земля, дол устилала неустойчивая пороша, тающая к утру.

С бабьего лета нас исправно трясло начальство, пеклось, чтобы генералу устроили достойную встречу, от усердия нашим командирам плешь проели. Накануне приез-

да славное подразделение икс бил озноб, вот-вот, казалось, объявят боевую тревогу, словно грозили военные действия. Понятно, что наша воинская часть пребывала в боевой готовности.

Если честно, сначала я даже не подозревал, какую ценность генерал представляет для страны, знал лишь место службы: Главпур — Главное политическое управление. Однако чем он знаменит, мне было невдомек. Что с того, что генерал — мало ли у нас генералов? В стране их пруд пруди, даже больше.

Как бы то ни было, к моему удивлению, выяснилось, что мой пациент играет в родном отечестве заметную роль и обладает значительным влиянием. Какие сомнения, генерал слыл знатоком Ленина. Именно по этой причине он вознесся на недостижимую высоту как идеолог и властитель дум. Насущная потребность, острая надобность и неотложная нужда в его знаниях существовали в стране постоянно, к нему обращались за справками и цитатами по любому поводу, жизнь и труды вождя генерал знал, как никто другой.

Что скрывать, многие утверждали будто, генерал изучил вождя насквозь и глубже, сверху донизу, в любом направлении, вдоль и поперек. С помощью Ленина нашей державе удавалось постичь и уразуметь любое событие на свете, и не только постичь, но и доступно и доходчиво растолковать. Вождь, похоже, наперед знал, когда что стрясется, где аукнется, куда откликнется и как кого угораздит. Потому-то, словно заправский ясновидец, генерал имел суждения на все случаи жизни, на все проявления в стране и за рубежом: вождь — он на то и вождь, чтобы все предвидеть и предугадать. Понятно, что генерал оказался незаменимым, а кто, собственно говоря, мог его заменить?

Помимо службы в Главном политическом управлении генерал преподавал в ордена Ленина Военно-политической академии имени Ленина, где плодили грамотных политработников для армии и флота. В те дни гарнизонный трибунал судил капитана, слушателя академии, который в свободное от учебы время грабил богатые квартиры, следуя завету вождя: грабь награбленное! Капитан при этом злостно нарушал устав партии, поскольку не платил с дохода партийные взносы.

Кто бы спорил, генерал, мой пациент, случился в подразделении икс знатной персоной и важной птицей. Между прочим, тогда рядом с подразделением икс, поблизости и вокруг в изрядном количестве обитали разнообразные птицы, зимующие в наших краях. Среди зарослей крапивы и лебеды кормились снегири, можжевельник облюбовали яркие красавцы шуры и хохлатые свиристели, по репейникам и чертополохам порхали нарядные щеглы, бранящиеся между собой, как сварливые бабы, и улетающие с первым снегом в соседние ольшаники и березняки. Стаи пролетных дроздов обирали перед дорогой рябину и калину, окрестный лес обживали на зиму клесты, чижи, синицы, поползни и гости с полярных широт белянки пуночки, для которых средняя полоса России все равно что Африка для перелетных птиц.

Генерал навещался в подразделение икс каждый год — обследовать изнуренный в трудах организм и подлечить, если удастся, на год вперед; по странной прихоти генерал всегда предпочитал ноябрь, канун зимы. Об эту скучную пору сплошь оголялись леса, за исключением хвойных боров, насквозь светились березовые рощи и, как жечь, гремели под ногами мерзлые палые листья. Только редкие в нашей местности дубы да кусты брусники, вереска и багульника стойко хранили листву, не замечая ночных заморозков. И как водится, зелеными уходили под снег луговые одуванчики, полевые сурепки и лесная трава медуница.

Сухой телом, худосочный, но и колченогий, а потому слегка прихрамывающий генерал отдаленно смахивал на полководца Суворова, но в подразделении икс дер-

жался скромно и неприметно. И одет, обут был под стать внешнему облику, точно и не генерал вовсе, не профессор, не знаток Ленина, а необученный рядовой запаса, не умеющий ни стрелять, ни маршировать и знающий Ленина понаслышке.

Военную форму в подразделении икс мой пациент никогда не носил. Пролетарская кепка из грубого сукна, непомерно большие кирзовые сапоги, короткий стеганый ватник, в просторечии называемый телогрейкой — сподобистая одежда, не маркая, но и не броская, в которой долгое время повсеместно щеголяла Россия. Да, телогрейка долгое время оставалась народной одеждой, как картошка, к примеру, народной едой. Сутулый костлявый хромец, впалые щеки, беспородное скуластое лицо, генерал выбил себе в подразделении икс свободный режим и, приняв все процедуры, исполнив назначения, резво шастал по округе, неумоимо мерил сапогами лесные тропки. Двигался он довольно проворно, но как-то по-птичьи, с приском. Он и в помещении не знал угомона: сядет, вскочит, мотается туда и сюда, от стены к стене, из угла в угол и вдруг замрет, наклонив, как птица, голову набок, и уставится перед собой круглым пристальным глазом, а потом дернется и поскачет дальше.

Нет смысла таиться и скрывать, подразделение икс отличалось высокой секретностью, но с приходом генерала охрану усиливали. И что ни день нас посещал майор из службы безопасности, настойчиво призывал к бдительности — твердил, талдычил, все уши прожужжал.

Сказать по правде, я бы не удивился, проведав, что чужие разведки охотятся за моим пациентом. Да, генерал был лакомой целью для любой разведки — он да еще, конечно, памятник Ленину на территории нашей воинской части. Уж он-то наверняка вызывал в других странах жгучий и неподдельный интерес. Памятник был непостижимой загадкой местной природы, разгадать которую никому пока не удалось. Как говорили в старину: тайна сия велика есть! Высокий бетонный постамент венчала статуя в два человеческих роста. Памятник не содержал в себе ничего примечательного, тысячи схожих памятников стояли по всей стране, не замечаемые никем, не привлекающие интереса и внимания. Однако памятник Ленину в подразделении икс отличался необъяснимой особенностью: по неизвестной причине его давно и прочно облюбовали птицы.

Дни напролет, от рассвета до сумерек над памятником вились птичьи стаи. И не просто испещряли воздушное пространство, но садились на статую, чтобы справить нужду. Тучи птиц слетались отовсюду, без промедления шли на посадку или беспокойно кружили вокруг, дожидаясь, пока на памятнике освободится место.

Не понимаю, чем памятник им приглянулся, какая причина неудержимо их влекла. Не знаю, что мешало им опростаться на другой территории. Не возьму в толк, почему они пренебрегали иными памятниками. За Ленина птицы отчаянно сражались, и стоило одной птице с него вспорхнуть, за освободившееся место разгорался воздушный бой.

Никто не знал, в чем причина. Никто не понимал, почему наш памятник так популярен среди птиц, чем он их манит и влечет. Тайна мучила личный состав подразделения, изводила пациентов и местных жителей из соседних деревень, которые работали у нас в обслуге по вольному найму. Разгадай кто-нибудь из ученых крошечную тайну, состоялось бы научное открытие, новое слово в орнитологии, науке о птицах. Но и без науки все заинтересованные лица сходились в одном мнении: птицы для того и летят за тридевять земель, чтобы обгадить памятник вождю.

В подразделении икс никто не знал, как бороться с напастью. Птиц отгоняли, пытались напугать, но без особого успеха. Они слетались к памятнику с необъяснимым слепым упорством, как рыбы настойчиво и неотступно идут на нерест в определенные места.

Чем привлекал их вождь? Возле спортивной площадки на территории части на постаментах стояли и другие фигуры: крупных размеров девушка с веслом, игрок в теннис, замахнувшийся ракеткой, и футболист, задравший ногу для удара по мячу. На них птицы не зарились, почти не замечали. Вокруг Ленина постепенно образовался беспокойный птичий базар, словно на береговых утесах в северных морях. Что тут скажешь, разумеется, памятник вождю русской революции и его тайна для любой иностранной разведки представляли неизбывный интерес.

За Ленина в доблестном подразделении икс шла долгая и упорная борьба. Чтобы ввести птиц в заблуждение, памятник старались как-то переименовать, изменить, что ли, облик. Вождь и сам не раз менял внешность, когда скрывался в подполье: то зубы подвяжет, то бороду сбреет, то парик использует.

Однажды комендант части раздобыл качественную масляную краску, памятник вскоре приобрел голубой цвет. Однако генерал, мой пациент, усмотрел прозрачный намек и возразил в резкой форме, горячо распек коменданта:

— Мало того, что он весь обосран, так он у вас еще и голубой! — не на шутку рассердился генерал и сослался на соратницу Ленина по революционной борьбе и товарища по партии Инессу Арманд, которая знала вождя лично и совсем с другой стороны. Памятник спешно перекрасили в героическую бронзу, однако птичий помет на бронзовой краске выделялся необычайно резко и внятно. Вероятно, происходила какая-то химическая реакция наподобие того, как взаимодействуют гипосульфит с бромидом: помет на бронзе стал контрастным, отчетливым и ярким, будто изображение на качественном фотоснимке. Со временем лицо вождя на памятнике сделалось рябым, точно он перенес оспу, хотя известно, что оспой в детстве болел лично товарищ Сталин, когда был еще Сосо Джугашвили. Он даже кличку носил Чопур, что на грузинском языке означает Рябой. Памятник Ленину выглядел пестрым по причине густых пятен, разводов и потеков, которыми птицы усеяли фигуру вождя с головы до ног.

Сначала по приказу командира воинской части памятник мыли раз в месяц. Позже вышел приказ мыть чаще — раз в неделю. С ведрами горячей воды и щетками солдаты из хозяйственного взвода забирались на лестницы и усердно скребли вождя, как заправские банщики. Да, все были преисполнены ответственности за порученное дело, понимали свою важную роль. Любо-дорого было видеть, как старательно они терли уши, нос, плечи, легендарный лоб и не менее легендарную кепку, которую памятник сжимал в откинутой назад руке.

Другую руку памятник выбросил вперед, указывая всем нам путь к счастью. Рука прорезала воздух над цветниками, привлекая избыточное внимание птиц, вызывала их повышенный интерес. Рука вождя так уверенно прокладывала дорогу к окончательной победе, что подмывало все бросить и без оглядки спешить в указанном направлении. Это была победоносная рука вождя, зовущая массы в бой. Птицы высоко ее оценили и тесно усаживались на нее особенно часто. Похоже, они мнили руку вождя чем-то вроде трибуны для почетных гостей и дрались за нее с редким остервенением и упорством. Отмыть, отскрести указующую и направляющую руку удавалось с большим трудом, солдаты драили ее, не жалея сил.

Спустя время командование части вынужденно признало, что памятник выглядит неприглядно. То есть мыть его следовало каждый день. Сказано — сделано. Из солдат была сформирована особая команда мойщиков под командованием сержанта. Вскоре омовение превратилось в торжественную процедуру, в священный ритуал, наподобие смены караула при входе в Мавзолей.

К началу мойки возле памятника собирались зеваки — глазели, судачили, обменивались мнениями, судили-рядили, гадали, чем памятник располагает и привлекает к себе птиц. Но никто, ни один человек не приблизился к разгадке.

Особенности и свойства памятника изводили генерала, знатока Ленина и моего пациента. Он не в силах был взирать, как пернатые стаями осаждают памятник, не мог смириться с тем, что они прилежно, с редким усердием на него гадят. Как ученый и умный человек, генерал уразумел и усвоил, что борьба с птицами напрасна и бесполезна, непреодолимая тяга была сродни природному инстинкту, который понуждает птиц вить гнезда и выводить птенцов.

Если честно, генерал изнывал от досады. Птицы, как будто сговорившись, бросали ему откровенный вызов: им, тупым созданиям, было, похоже, ведомо о Ленине то, чего генерал не знал. Безмозглые пичуги, казалось, проникли в сокровенные знания, угадали некую суть, о которой он, профессор, генерал и академик, даже не подозревал. Понятно, что пережить унижение от птиц, которые понятия не имели, кого они обгаживают, было трудно, почти неважно, и чем дальше, тем более невыносимо. Сама мысль, что он чего-то о Ленине не знает, гнобила и угнетала генерала. Кроме того, он не мог вынести, что кто-то, пусть всего лишь птицы, мелкие твари, безнаказанно гадят на вождя и не знают раскаяния, не держат ответа. Потому и взялся генерал раскрыть крошечную загадку природы и с тех пор каждый год навещал подразделение икс в ноябре, когда облетают листья и за птицами можно наблюдать без помех.

— Может быть, птицами кто-то управляет, доктор? — спрашивал меня иногда пациент.

— Кто? — спрашивал я в свою очередь.

— Идеологические противники. Американцы, к примеру. Наука у них на высоком уровне. Им обгадить нашего вождя — одно удовольствие. Дают птицам задание и направляют.

— Каким образом?

— Пока не знаю. Что если они как-то влияют на птиц? Лучи какие-нибудь пускают или магнитное поле используют. А вдруг они что-то новое придумали, а? Надо бы внешнюю разведку подключить, дело серьезное.

Седьмое число, годовщину революции, генерал праздновал в Москве. Отстояв военный парад и демонстрацию трудящихся на трибуне для почетных гостей в непосредственной близости от Кремлевской стены, генерал отправлялся на правительственный прием, где знатную публику угощали руководители страны. В Кремле генерал чувствовал себя уверенно, легко и привычно, непринужденно встречал у накрытых столов давних знакомых: генералов, маршалов, депутатов и министров, известных людей, гордость страны. Революционный праздник они почитали как семейное торжество, на которое раз в году съезжается вся родня.

Уже прошли те времена, когда генерала манила придворная жизнь. Обычно она слепит и манит тех, кто стоит поодаль. Что говорить, блеск паркета, сияние орденов, строй и порядок, всеобщее равенство, восхитительная казенная выучка, священный трепет, державный ритуал... О да, имперское величие, ранжир и выправка, сдержанная учтивость, вышколенная челядь, рвение охраны, но главное — строгая субординация: все заранее определено, расписано, известно наперед, что можно, чего нельзя, каждый знает свое место и не гадает, не мечется, не ломает голову, где стать, с кем сесть, что говорить и как себя вести. И достается каждому, что ему пристало, что положено по званию и чинам.

Генерал твердо знал, был уверен, даже убежден, что жизненные блага и удобство существования принадлежат ему по праву — по революционному праву класса, захватившего власть. В конце концов, не он ли знает вождя революции лучше всех на земном пространстве? Даже две женщины, которых судьба одарила близостью с вождем, — Крупская и Арманд, одна жена, спутница жизни, а другая боевая подружка, две

избранницы, на которых пролилась божественная благодать, не знали Ленина так, как знал его генерал, мой пациент.

Он редко улыбался, что и понятно: какие улыбки, если все помыслы о вожде? Между тем генерала съедала тревога. Тьма людей и целые институты кормились вокруг Ленина, как птицы на току, но истину знал лишь он один. Никто не смел усомниться в учении вождя, а тем более оспорить или опровергнуть. Потому-то испытывал верный последователь беспокойство, что кто-то превратно истолкует учение вождя или, не дай бог, использует во вред.

Стоит признать, генерала многие опасались. За ним водилось свойство, повергающее сослуживцев и всех прочих в страх: к отступникам, к отщепенцам генерал не знал жалости. Стоило кому-то усомниться в учении вождя, генерал карал вероотступника как врага. Денно и ночью пекся он о чистоте идеи, беспощадно расправлялся с еретиками и значительное их количество стер в порошок. На него поглядывали с опаской даже те, кто выбился наверх. Схожим образом царедворцы и королевские особы стерегутся инквизитора, карающего именем Бога.

Как бы то ни было, генерал нередко бдел возле памятника, когда статую и постамент оскверняли птицы, хмурился скорбно и мрачно негодовал. Стоило кому-то из зевак усмехнуться или отпустить неуместную шутку, генерал налетал коршуном и когтил нечестивого обидчика, пока не измордует, не истерзает, не изведет вконец. В бдении своем генерал не знал снисхождения, насмешников упекал в захолустье, загонял в дальние гарнизоны, где они прозябали в глуши без всякой надежды на перемены. Как ни молили жертвы о пощаде, как ни валялись в ногах, как ни кланялись просители и ходатаи, разжалобить генерала никому не удавалось. Он вообще не терпел умников и ниспровергателей, которые покушались на устои, подвергали их сомнению и насмешке, в шутках он усматривал намеки и поползновения развенчать вождя.

От насмешников исходила опасная угроза и грозила опасность. Стоило зазеваться, проморгать идейный вызов — и одолеют сомнения, насмешка прорастет, разъест идею, обескровит, источит, будто злокачественная опухоль живую ткань.

— Хирургия требуется, хирургия! — нередко повторял мой пациент и напрягал все силы, чтобы каленым железом выжечь скверну. Он люто ненавидел их — умников, гордецов, насмешливых вольнодумцев, ехидных грамотеев, возбужденно кружил на службе по кабинету, вдруг замирал на бегу, по-птичьи склонив голову набок и вперив в сослуживца острый пристальный взгляд.

— Каленым железом! — кричал он гневно, и было понятно, что умиловить его не удастся.

В подразделении икс, как сказано, генерал объявлялся после праздника революции, восьмого ноября — на Димитрия, как говорили в старину. По давнему обыкновению, на Димитрия в деревнях поминали усопших родителей, сведущие люди пророчили загодя погоду впредь: на Димитрия снег — на Пасху холод, а родительский день пожо, то и Пасха пригожа, обогреет, солнышком утешит.

Как истинный ленинец, генерал не мыслил себя без борьбы. В отсутствие борьбы и врага его клонило в сон, вязкая дрема сковывала мысли, глаз тускнел, жизнь теряла смысл. Впрочем, паузы в борьбе случались редко. Никто не сражался за Ленина так неистово и безоглядно, как он, борьба наполняла его энергией, он чувствовал прилив сил, молодец, глаз задорно горел, ясный пристальный взгляд пронзал собеседника, как стальной клинок.

Генералу иной раз мнилось, будто он в одиночку противостоит несметному врагу. Похоже, он один пекся о прочности устоев, о чистоте помыслов и верности идеалам, остальные только притворялись, только делали вид. В спорах он не знал угомо-

на, позицию отстаивал до конца, заставить его отступить или хотя бы промолчать было невозможно. Стоило ему вперить в кого-то круглые немигающие глаза, человеку становилось не по себе, без слов понятно было: добра не жди. За спиной злые языки нашептывали, будто у генерала взгляд и глаза хищной птицы. Что ж, стоило присмотреться, и любой мог удостовериться и убедиться: круглые неподвижные глаза, колкий взгляд, содержащий ледяную неукротимую вражду. Сразу понятно было: как ни старайся, приручить не удастся.

Если начистото, симпатий генерал не вызывал. Он был неуступчивым и несговорчивым, токсичной личностью, никогда не поступался мнением, иступленно и яростно отстаивал убеждения и свою правоту. Присутствовал в нем дух непримиримых библейских пророков, ярых средневековых инквизиторов и еретиков, истовых и суровых приверженцев русского раскола, за веру готовых взойти на костер. На врачебных приемах я удивлялся строению его тела, особенности анатомии бросались в глаза с первого взгляда. Что-то птичье крылось в его облике и проглядывалось явно, когда он снимал одежду: в голом виде генерал выглядел как птица без перьев. В медицине выпуклую грудную клетку, смахивающую на корпус старинного корабля — форштевень, киль, шпангоуты, округлые борта, называют куриной или птичьей грудью в отличие, к примеру, от впалой груди, которую называют грудью сапожника.

Птичья грудь могла образоваться при рождении, от увечья или сама по себе. То есть из года в год под влиянием птиц грудная клетка генерала исподволь и шаг за шагом меняла строение — мутировала, так сказать, по индукции, по причине сильных впечатлений. Генерал наблюдал птиц с близкого расстояния, его анатомия неотвратимо приобретала отчетливые птичьи особенности. Внешний вид человека, или хабитус, от случая к случаю меняется под воздействием различных обстоятельств. Так или иначе, птичья анатомия в теле пациента присутствовала явно: тонкие кости, сутулые плечи, ребра торчком, позвоночник дугой — кифоз и лордоз, костлявые лопатки, распахнутые наружу, как два крыла.

Лицом генерал смахивал на едока картофеля с картины Ван Гога. Впрочем, стоило ему заговорить, первое впечатление исчезало, неповторимое красноречие разительно его преображало. Беспородное лицо оживало и уже не казалось грубо скроенным из кусков жести. Оно становилось на редкость одухотворенным, наполнялось светом, и когда генерал держал речь, когда доказывал правоту вождя и горячо кого-то убеждал, в лице проступала скрытая красота, глаза ослепительно сияли, словно пульсирующая мысль жгла их изнутри.

Что скрывать, генерал, конечно, наделен был даром свыше — божьим даром проповедника, властителя дум. Голос его звенел и то воспарял, вырывался в крик, то падал до страстного шепота, голос пленял и завораживал, слушатели погружались в транс, в гипнотическое состояние.

В подразделении икс генерал неумоимо радел о памятнике вождю. Старательно и дотошно вникал он в привычки и пристрастия несметных птиц, в загадочные полеты стаи, кропотливо изучал их повадки в надежде уразуметь причину, по которой птицы настойчиво и неотступно посягали на стацию вождя.

Со временем птицы обвыклись, странный соглядатай внимания не привлекал. На складном стуле он неподвижно сидел в непосредственной близости от постаменты, почти рядом или даже вплотную и подолгу наблюдал, как птицы остервенело пикируют, нагло и беззастенчиво садятся, расчетливо и прицельно гадят на памятник. Они, казалось, норовят поточнее опростаться, чтобы поизмываться и поглумиться над вождем. Довольно часто они промахивались или справляли нужду на лету, и помет в обильном количестве орошал генерала. Как большой ученый, он терпеливо сносил

неудобства, лишения и все неблагоприятные проявления, точно усердный и самоотверженный исследователь, который ставит опыты на себе.

Надо отдать ему должное, генерал изучал птиц в любую погоду: в дождь и в слякоть, в погожие ясные дни, в заморозки и в снегопад. Когда в телогрейке и пролетарской кепке, поджав ноги в больших кирзовых сапогах, генерал, нахохлившись, часами наблюдал усеянный птицами памятник, он и сам напоминал большую птицу, оседлавшую стул. О да, чем дольше и подробнее вникал он в жизнь птиц, тем заметнее и сам походил на птицу. Верится с трудом, но постепенно, мало-помалу в его облик и манеры непостижимым образом проникали свойства, присущие птицам: особенности, признаки и черты. Я даже подумал, что, если изучение птиц затянется, генерал и сам однажды превратится в птицу и улетит прочь, к чертовой матери, неизвестно куда. Что распинаться, никто и никогда не узнает, где он приземлился, где свил гнездо, где его искать.

Как человек увлеченный, генерал нередко забывал о себе. Когда я назначал очередной прием и осмотр, он нередко отмахивался с досадой:

— Некогда, доктор, некогда! Мы должны, мы обязаны распознать! — он по-птичьи вертел головой и, как бес, сновал по комнате мелким приставным шагом, иногда замирал в позе Ленина, сунув пальцы под мышки, или взбрыкнет резво, прищурится и усмехнется мудро, со значением, точно его осенила гениальная догадка, недоступная, непосильная, неподвластная остальным. Надо сказать, со временем он все чаще употреблял ленинские позы, жесты, ужимки, манеру двигаться и говорить. Можно было подумать, что с мыслями и суждениями Ленина его верному приверженцу и последователю странно и необъяснимо передались характерные особенности вождя. Даже черты лица спустя время неуловимо перетекли от одного к другому, как перетекают они у супругов при длительном совместном проживании.

Итак, к чему мы пришли? Как знаток Ленина генерал чем дальше, тем больше походил на вождя. Но как исследователь птиц он смахивал на одну из них. Какой следует вывод? Наука логика утверждает, будто одно неизбежно вытекает из другого. Таким образом, напрашивается ценная мысль, что и Ленин, в свою очередь, уподоблялся птице или был ею в человеческом обличье. Я даже подумал, что птицы за какие-то его прегрешения среди птиц нынче сводят с ним счеты.

— Американцы, доктор, спят и видят, как осквернить памятник нашему вождю! — сообщил мне генерал на утреннем обходе. — Это их главная цель. Я уверен, они управляют птицами. Не знаю пока как. Надеюсь, что узнаю. Вы понимаете, доктор, что происходит?! — возбужденно поинтересовался взволнованный генерал и смотрел лукаво, с ленинским прищуром, словно приготовил мне большой сюрприз.

— Что? — тупо спросил я, не догадываясь, куда он клонит.

— Птицы, доктор, их пятая колонна! — воскликнул пациент, радуясь, что может меня просветить, открыть мне глаза.

Как известно, генерал Франко, командующий мятежниками на гражданской войне в Испании, наступал на Мадрид четырьмя колоннами, пятой колонной он называл своих агентов и сторонников в самом Мадриде.

— А знаете, доктор, сколько у нас в стране памятников Ленину?! Знаете?! — горячо, с пристрастием спросил пациент. Голый по пояс, в падающих штанах, он хромым бесом кружил по комнате, дожидаясь ответа.

— Не знаю. Думаю, что много, — ответил я стыдливо, удрученный тем, что не могу назвать точную цифру.

— Вот именно, доктор! Именно! Много! Очень много! Невероятное количество! — он подхватил штаны, застыл на бегу и спросил с задушевной простотой, как настоящий кремлевский мечтатель: — А-а, каково?! Вы понимаете, доктор, что может случиться?!

— Нет, пока не понимаю, — на меня вдруг нахлынули зловещие предчувствия, словно всем нам грозила немислимая катастрофа, гибельное бедствие, трагедия и несчастье, крушение всех надежд.

Знаменитым ленинским жестом завязанного оратора генерал неожиданно дощечкой выбросил ладонь вперед и прокричал по-ленински картаво:

— Гязная пъявокация! Гьяндионая дивегсия! Пгеступление пготив геволуции пг-летагиата! — роль вождя генерал исполнил довольно умело и убедительно, достоверно, на меня неизгладимое впечатление произвело его актерское дарование. Пациент скорбно помолчал и воскликнул в сердцах с необузданным гневом и яростным возмущением: — Американцы таким образом в стране все памятники вождю засрут! Можете себе представить?! Это ведь хуже ядерной войны!

Я представил гигантскую рать, несметные полчища статуй и памятников, которыми богата необъятная наша страна. Неужели всем им уготована та же горестная участь, что и памятнику в подразделении икс? До меня вдруг дошло, что перед птицами Ленин совсем беззащитный. Впрочем, птицы измывались над ним, как он и его соратники над мирным населением: вьются рядом, клюют в темя и на голову срут.

Однако пришло время оговориться, упомянуть вполголоса, а то и шепотом и по возможности осмотрительно, с оглядкой, чтобы не подслушал враг. Сколь ни проявлял генерал бдительность, сколь ни пекся о чистоте помыслов, сколь ни стерегся постороннего сомнительного влияния, опасных причин и чуждых проявлений, в нашей местности его таинственным образом настигла любовь.

Как часто водится, чувство вспыхнуло неожиданно-негаданно: случайная встреча, беглый взгляд, мимолетный разговор. Дивная оказия, случай ненароком сводит незнакомых людей в одном месте в один час. Зацепились, можно сказать, глазами, перекинулись двумя словами, и... — и на тебе! — ударила искра, электрический разряд, подобие молнии — короткое замыкание, мгновенный ожог!

За лесом среди холмов в укромной долине неприметно жила скромная деревня: две улицы, полсотни дворов. Летом она утопала в цветущем медовом травостое, зимой — в снегу. Я заглядывал туда иногда — на лыжах или, бегая кроссы по пересеченной местности, а то и просто гуляя по лесу, навевывался без особой надобности. Мне нравились отрешенное деревенское уединение, безмятежный покой, емкая неограниченная тишина. Генерал забрел туда в один из первых своих приездов, будучи еще молодым полковником сорока лет.

Выйдя из леса, полковник миновал луг, на который по теплу выгоняли скотину, насквозь прошел всю деревню, за околицей ухабистый проселок свернул к погосту. Уже неделя истаяла, как он приехал в подразделение икс, настала суббота, Кузьма и Демьян, исход Димитровой поминальной недели — родительская суббота, чтимая на неделе пуще прочих дней.

Открывшаяся картина напомнила полковнику детство. Она предстала давней и привычной, как было заведено спокон веку, задолго до него — другая жизнь вдали от главных дорог. Он вспомнил, как говорили в его родной деревне: Кузьминки — по осени поминки. Никто не спорит, не опровергает, он жил когда-то в деревне, похожей на эту, — давно, жизнь назад. Тогда он был ребенком — да был ли, или только мнится, только помнится то, чего не было никогда. По совести говоря, полковник относился к тем людям, которых невозможно представить детьми: на земле присутствуют кое-где отдельные личности с указанным свойством.

Знаток Ленина редко вспоминал отчий дом — родовое гнездо, оставленное когда-то. Тогда он знал дни по святцам, знал, да забыл, та жизнь ушла, отлетела, память о ней поросла бьльем. Он давно оторвался от своих корней, от земли, на которой жили

все его предки, вся фамилия, уходящая в глубь веков, в неразличимую даль времени; чужой холодный ветер сорвал его с привычного обитания и унес, как усохший осенний лист.

Над деревенским погостом в родительскую субботу тревожно граяли птицы, клубились стаи, птичий клекот разносился далеко окрест. Птицы беспокойно вспархивали, сидели на крестах, на обелисках, на могильных оградах, среди которых росли деревья и раскидистые кусты. Вокруг кружили и сновали вороны, с нервным треском туда и сюда мотались над головой сороки, оповещая белый свет, что в птичье общество затесался чужак. Сорочий донос вспугнул птичье население кладбища, но память у них коротка — вскинулись и забыли.

В кустах тонкими флейтами посвистывали ватаги снегирей — франтоватые петушки и неказистые, под стать воробьям курочки. Но паровались они всерьез — раз и навсегда, верность хранили стойко, как и положено в истинной любви. Щеглы издали выглядели неприметно, но приблизившись, оказывались писаными красавцами, полет их напоминал волнистые рыбки, словно они рыскали в воздухе из стороны в сторону, норовя что-то найти.

В густых елях по соседству с громким щебетом скакали желто-зеленые чижи, то и дело порывисто взлетали и стремительно носились вокруг, взмывая и падая, а вернувшись, с лета бесстрашно кидались на ветку, усаживались или повисали вниз головой. Рядом в елях лущили семена из шишек клесты, странная птица, которая в отличие от всех пернатых выводит птенцов, когда вздумается: в летний зной, в лютый мороз... Повсюду на погосте мелькали синицы, с бойким свистом резво обшаривали деревья и не гнушались подбирать на могилах объедки, что остались с поминок в Димитров день. Изредка на глаза пришельцу ненароком попадалась занятная птичка, серо-голубая, с рыжими подпалинами на боках, поползень, которая не столько летала, сколько шустро бегала вверх-вниз по стволам деревьев. Любители птиц знают, конечно, что проворством и цепкостью поползень отличается среди сорока видов пернатых, живущих в нашей местности и зимующих вместе с нами.

С проселка донеслись голоса деревенских жителей, идущих на погост. Шли семьями — стар и млад, несли корзины с провизией и бутылками самогона, на кладбище разбрелись по могилам — в разные стороны, кто куда. Вскоре одни прибирали могилы, сгребали сухие ветки и жухлые листья, другие кормили птиц, горстями разбрасывали зерно. Тут-то и поднялся над погостом несусветный птичий гомон.

Как ни суди, птицы, видимо, за поминальную неделю, то есть с Димитрова дня до родительской субботы, усвоили людской обычай — привыкли и людей уже не чурались. Стаи налетели тучей с шумом и гамом, окружили, облепили кормильцев, тесно вились рядом и толклись вокруг, в спешке хватили зерна на лету и второпях склевывали на земле.

Тем временем жители деревни расстелили скатерти, разложили снедь, наполнили стаканы, выпили и угощались в память усопших, как было заведено с давних пор. На многие могилы, однако, никто не пришел, видно, не осталось никого из родни — не дожили или разъехались по миру в разные края; без ухода могилы заросли травой, что, впрочем, для русской деревни привычно, хотя и разбирает печаль.

Полковник с грустью подумал, что и могилы родителей за столько лет без призора и, верно, сплошь заросли — не отыскать, пожалуй. С неожиданной ясностью он вспомнил давнее время, забытое так прочно, что казалось — навсегда. Он не вспоминал его никогда, будто однажды в юности ему с отъездом из родной деревни напроочь отшибло память. Сейчас, на погосте, то время неожиданно открылось в памяти и представало въяве, да на редкость отчетливо и подробно, словно он стоял рядом у какой-то черты, из темноты наблюдал освещенное место.

В детстве на Димитровой неделе семья, как и вся деревня, поминали усопших, потому и звалась неделя родительской или дедовой. Женщины в голос причитали громко по ушедшей родне, после устраивали на могилах застолье — поминальную тризну, как велось с незапамятных языческих времен. Не зря старики говаривали: покойники на Русь Димитрия ведут, живых блюдут.

В деревне на Димитрия поджидали зиму, но изначально знали, что зима об эту пору не утвердится: Димитров день перевоза не ждет. И не раз слышал мальчонка, будущий знаток Ленина, профессор и генерал, как переговаривались взрослые: коли отдохнут на дедовой неделе родители, что означало короткую оттепель, то и всей зиме быть с мокрыми теплинами, с теплыми мокринами. А на Димитрия снег — весна поздняя.

В дедову неделю вся деревня отправлялась на кладбище, чтобы прибраться на родных могилах, отслужить панихиды да помянуть ушедших кутьей и обильным угощением. К поминальным дням прибавлялось работы кутейникам: по старым поверьям, чем обильнее кутья и застолье, тем отраднее родной душе за гробом, тем безмятежнее ее покой. Вот и старались, из кожи вон лезли, угощались вволю, а то и сверх меры: богатые сорили деньгами, бедные пускались в долги. Воистину на Димитрия и воровей под кустом пиво варит.

Но особенно в деревне почитали родительскую субботу, Кузьму и Демьяна, субботняя тризна была всех обильней, будто назавтра Великий пост. Тогда почти не случалось беспризорных могил, разве что пришлый какой преставится на дороге, калика переходный или деревенский бобыль, переживший родню. Да и то соседи по доброте душевной нередко присмотрят за могилами и помянут, если некому.

Теперь же неухоженных могил наблюдалось изрядное множество, полковник озираясь и смекнул тотчас: не пересчитать! Острым своим умом, который, как скальпель, разнимал диалектику всего сущего и любую науку, подвластную человеку, полковник уразумел, что подобное обстоятельство есть прискорбная данность, однако причину усматривал в общем падении нравов. Об истинной причине, впрочем, он не догадывался, как не додумался до ответа на прямой вопрос: чья вина?

На самом деле ответ был прост и незамысловат: вина крылась в нем самом — ни больше ни меньше. Кто, если не он и те прочие, его единомышленники, которые разрушили налаженную жизнь и ради всеобщего счастья перекроили, переиначили ее под корень по своему разумению?

Что говорить, додуматься до своей вины он, конечно, не мог, хотя Ленина изучил насквозь и глубже. Между прочим, и Ленин, в свою очередь и со своей стороны, догадаться о собственной вине не мог, потому как не нашлось на то способности в организме.

По большому счету, кто вообще горазд додуматься до своей вины? Праведник — да, может, грешник ищет чужую вину, а для себя — оправдание. Редко, крайне редко додумается человек до своей вины, а додумавшись, можно и усомниться в правоте власти и вождя, а усомнившись, куда дойдешь, чего добьешься и достигнешь и что построишь и воздвигнешь?

Полковника кто-то окликнул, женский голос, и прежде, чем обернуться, офицер успел на мгновение удивиться. Рядом необъяснимо возникла молодая женщина, на глаз лет тридцати — чуть больше, чуть меньше, около того. Он не заметил, откуда она появилась и как приблизилась, и снова мимолетно удивился — второй раз за несколько мгновений.

— Что хоронитесь, сударь? — поинтересовалась она с легкой улыбкой, вполне приветливо и смотрела внимательно, словно изучала насквозь.

— Сударь? — от неожиданности он удивился — в третий раз сегодня. — Странное обращение.

— Исконное русское обращение. Уважительное и пристойное, — возразила она спокойно.

— Ко мне обычно все иначе обращаются: товарищ! — сказал он назидательно и с некоторым укором.

— Для товарищей вы — товарищ. Для сударыни — сударь, — объяснила она улыбочиво.

— Не привык! — ответил он неуступчиво, почти с досадой, вышел из кустов на кладбищенскую аллею, устланную палыми листьями.

— Привычка — вторая натура. Простые люди привыкают быстро. Где уж вам привыкнуть, вы — начальник, генерал, наверное, — предположила она, а он поразился ее догадке.

— Пока еще полковник, — уточнил он, недоумевая, и пытался уразуметь редкую интуицию случайной знакомой.

— Скоро будете генералом, — пообещала она уверенно, и он поразился точному предсказанию: полковник ждал повышения по службе и в звании.

— Как узнали? — спросил он хмуро, с явным недовольством по той простой причине, что эдак любой встречный-поперечный его вычислит и определит. А как же секретность, конспирация, бдительность, наконец?!

— Углядела, сударь. Глаз наметан, смотрю и вижу. Кто вы, понять легко. Начальника за версту видно, — женщина улыбнулась, но без насмешки, с приятной скорее и расположением.

— Наблюдали за мной?

— В деревне каждый человек на виду. Незнакомый — подавно. Я вас сразу заметила.

— Слежка, однако, — полковник озабоченно покачал головой. — А почему решили, что я хоронюсь?

— Сторонитесь всех. В кустах укрылись.

— Я не укрылся. Я птиц наблюдал, — полковник, слегка прихрамывая, шел по кладбищенской аллее, женщина не отставала — за хромцом всяк угонится, они шли рядом, словно пришли вместе или заранее назначили встречу. Не сказать, что незнакомка выглядела красавицей, но смотрелась довольно привлекательно, симпатичная молодая женщина, располагающая к знакомству. В отличие от местных женщин, обычно называемых в деревнях бабами, которые изо дня в день тяжело и надсадно трудятся по хозяйству и которым не до ухода за собой: нет ни времени, ни сил, она казалась вполне ухоженной, понятно было, что она следит за волосами, кожей и руками, да и вообще заботится о своей внешности, как истинная горожанка. Женщина и говорила непринужденно, и двигалась легко, узкие высокие резиновые сапожки ловко сидели на стройных ногах, вся ее ладная фигура в коротком осеннем пальтишке казалась гибкой и проворной, само собой разумелось, что незнакомка хорошо сложена.

— Вы один здесь? — поинтересовалась она.

— Один, — ответил полковник, надеясь, что вопросы иссякнут.

— Навещали кого-то? Я тут многих знаю. Вы чей будете?

— Ничей! — отрезал полковник строго, потому что не любил задушевных разговоров: бдительность, еще раз бдительность, ее следует блюсти неукоснительно, как зеницу ока, а оплошаешь, можно нарваться на провокатора или на врага.

— А-а, понятно, вы оттуда, — она показала на лесные холмы, за которыми располагалось подразделение икс, из деревни туда вел ухабистый проселок, кружил по лесу среди холмов и распадков. — Там, я знаю, воинская часть. Секретная, говорят. А к нам с чем пожаловали?

Полковник не знал ответа. На все мыслимые вопросы у него давно сложились ответы, но сейчас он не нашел, что ответить — впервые за много лет. Как марксист и политик, как ленинец и материалист он твердо верил, что в каждом поступке, в любом слове и действии присутствуют цель и причина, однако на простой вопрос случайной попутчицы найти ответ не удалось. А действительно, с чем он сюда пожаловал, какого рожна? Кликнули птицы, повела дорога, беспокойные мысли дали волю ногам.

— Я своих навестила и помянула, — сказала женщина. — Вы-то своих навещаете?

— Давно не был, — полковник омрачился, в сердце неожиданно проснулась едкая горечь.

— Там хоть остался кто? За могилами присмотрят?

Полковник неопределенно пожал плечами, раздосадованный вконец. Он не терпел разговоров, которые влияли на привычное состояние, отвлекали от серьезных раздумий о текущей политике, о классовых борьбе в странах капитала, о раскладе сил на мировой арене и ввергали в бытовые заботы, в сумятицу и рутину, в хлопоты, в суету, в обычную повседневную жизнь, которую он отсеки, отрезал и почти забыл.

— Могилы, сударь, на родине небось заросли, — сказала женщина с печальной укоризной, слова оказались созвучными его тревоге, которая нахлынула сегодня и саднящей болью тронула сердце. Помедлив, точно дав ему передышку, собеседница достала из маленького рюкзака за плечами мешочек с зерном. — Возьмите, сударь. Покормите птиц.

— Зачем? — спросил он нерешительно и не знал, то ли согласиться, то ли отказать.

— Птицы — души покойников, — сдержанно заметила женщина. Полковник вспомнил, что да, у них в деревне было такое поверье, ребенком он кормил птиц в поминальные дни. Тогда вся деревня знала и верила, что птицы — души усопших, живым для упокой родных душ надобно кормить птиц.

— Язычество, — неодобрительно пробормотал офицер.

Ему часто приходилось говорить людям «нет», он отказывал многим в их просьбах, и так установилось, что он редко с кем соглашался. Он и сейчас надумал отказать, женщина, видно, угадала его сомнения, повернула голову и взглянула ему в глаза, смотрела внимательно, сосредоточенно и не отрываясь, будто вникала в его мысли или внушала свои. Полковник вдруг понял, что его вовсе не тянет привычно возражать, перечить, спорить и опровергать.

По кладбищенской аллее они медленно шли в сторону проселочной дороги — сорокалетний мужчина, тридцатилетняя женщина. Она приноровилась к его шагу и умело сопровождала — не спешила, не отставала, заботливая спутница, надежная, как преданная жена или близкая подруга. Объявись здесь сторонний наблюдатель, наверняка решил бы, что по аллее неспешно прогуливаются старые знакомые или семейная пара — ни дать ни взять, супружеская чета.

Над погостом беспокойно роились птицы, кружили, садились, взлетали, беспрестанно сновали вокруг и, похоже, отслеживали путников, наблюдали за ними неотрывно, ждали, видно, подачку, как принято в отношениях между птицами и людьми. Немолчный птичий грай разносился далеко над окрестностями, над проселочными дорогами, над лесными холмами, и казалось, висит в поднебесье по всему белому свету. Но и то правда, дедова поминальная суббота всегда среди птичьего населения вызывает повышенную тревогу и необычайное, необъяснимое, непередаваемое волнение — кто не знал, теперь будет знать.

После бабьего лета весь октябрь и первую неделю ноября часто шли дожди, земля раскисла, рытвины наполнились водой, полковник бочаги обходил, незнакомка в своих высоких резиновых сапожках пересекала их вброд.

Если откровенно, полковник испытывал недовольство. Он корил себя, точно уступил в идейной борьбе, поступился убеждениями, пошел в своих принципах на попятную, однако по непонятной причине смиренно и кротко покорился: горстями разбросал зерно, птицы тотчас шумно налетели, в толчее и сутолоке принялись суетливо клевать. Замерев, полковник наблюдал за ними, на дне сознания остался мутный осадок: вроде бы его принудили, вроде бы он сдался и птиц кормил не по своей воле.

— Вот и славно, — одобрила женщина. — Птичкам — корм, душам — покой, нам — утешение.

— Не понимаю! — раздраженно поморщился и рассерженно отозвался полковник. — Я ведь не хотел. Даже не помышлял!

— Это я за вас сделала, — мягко призналась женщина. — Вашими руками.

— Как?! — опешил полковник.

— Я умею, сударь. Вы в тревоге весь, мысли беспокойные терзают, заботы одолевают. Вот я о вас и подумала. Если человек покормит птиц, ему легче становится.

— Вы меня заставили?! — поразился в сердцах полковник. — Против моего желания?!

— Нет, сударь, не заставила. Помогла вам.

— Я просил?

— Иной раз помочь следует без спроса. Если умеешь. Я умею, сударь.

— Вы уверены? — спросил он недоверчиво.

— Вся деревня знает.

— И откуда такие способности? — поинтересовался он небрежно и снисходительно, даже насмешливо, с некоторой спесью, высокомерно, почти чванно, как профессор, доктор философии, крупный ученый, знаток Ленина, полковник, будущий генерал.

— От мамы. От бабушки, — просто и без затей объяснила женщина, но он не поверил; все суждения о сверхъестественных явлениях и необыкновенных магических способностях полковник как марксист и убежденный ленинец неизменно отрицал, считал идейными происками, враждебными измышлениями, злонамеренной выдумкой, шарлатанскими кознями, да и вообще мракобесием.

Из ветхой покосившейся ограды старого погоста они вышли на проселочную дорогу, измочаленную дождями и автомобилями в месиво и хлябь. Некоторое время шли молча, согласиться, свикнуться, смириться и поверить в то, что услышал, полковник, естественно, не собирался, хотя в самом по себе кормлении птиц идейных просчетов и вреда не усмотрел — народная традиция, только и всего.

Тем временем за лесными холмами вспухли и надвинулись дождевые облака, темнели и тяжелели, набираясь влаги. Вскоре стал накрапывать дождь, сеял мелко, почти неприметно, рябь на лужах едва проявилась. Однако птицы умолкли и сникли в предчувствии ненастья, быстро исчезли, одни попрятались в густом ельнике по соседству, другие второпях полетели в деревню и укрылись в старых амбарах и в домах, под стрехами крыш. Позже дождь усилился, женщина выудила из рюкзака маленький складной зонтик, раскрыла его и приблизилась к спутнику с явным желанием укрыть его от дождя. Впрочем, для двоих зонт оказался слишком мал, и она молча, но решительно придвинулась вплотную, тесно прижалась к попутчику и взяла его под локоть.

Вместе и поврозь они заметили, как в пространстве сразу что-то переменялось. Переменялось, переломилось, перекроилось, переиначилось. Как водится, странным образом между ними ненароком возникло подобие электричества, полковник ощутил рядом тугое сильное женское тело, ему даже показалось, будто сквозь одежду он неправдоподобно почувствовал ее тепло — почувствовал не почувствовал, но пронзительное состояние близости и доверия ошеломило его, он едва не задохнулся, голова пошла кругом. Понятно, что отнестись к ней придиричиво, строго и предвзято,

как раньше, держать за пазухой камень он уже не мог. Какой камень, какая строгость, если, тесно прижавшись, почти в обнимку, они сообща идут под одним зонтом — бок о бок, локоть к локтю, плечо к плечу. Сказать по правде, они шли, как влюбленные, внезапно осознавшие первую искру. То, что недавно он услышал и узнал, теперь потеряло всякий смысл. Другими словами, его въедливые и взыскательные принципы, убеждения и понятия сейчас не имели значения, они неразличимо канули куда-то, он тотчас о них забыл; нынче полковником владели совсем другие чувства.

В деревне они шли по улице вдоль домов. Холодный осенний дождь шарил окрест по усадьбам, задворкам и огородам, гулял привольно на просторе среди лугов за оклицей. Возле какого-то дома женщина остановилась и заметила как бы невзначай:

— Здесь я живу, — помолчав, добавила: — Работаю тоже здесь.

Полковник глянул из-под зонта, увидел невзрачное казенное строение, на доске при входе прочитал: «Фельдшерско-акушерский пункт».

— Вы фельдшер! — сообразил он догадливо.

— Фельдшер, — подтвердила она. — Еще и акушер. Роды принимаю. В старину меня называли бы повивальной бабкой.

— Похвально! — одобрил он. — Почтенная и полезная профессия. Очень нужная! Я так понимаю, дальше я иду один?

— Нет, — сказала она с явной определенностью. — Мы сейчас зайдем ко мне. Вы обсохнете и переждете дождь, потом отправитесь к себе, — слова прозвучали твердо, как приказ, непреклонный, беспрекословный, не терпящий возражений, и полковник, офицер и военачальник, привыкший каждый день приказывать и повелевать, а кроме того, неуступчивый и несговорчивый полемист, без промедления согласился, а вернее, охотно и с готовностью подчинился, даже в мыслях не было возражать.

Жилой дом стоял за амбулаторией в глубине участка, бревенчатый сруб, пахнущий смолой. Помимо смоляного запаха ощутимо и внятно напоминали о себе пахучие травы: в углах и под деревянным потолком висели благоухающие веники багульника, чабреца, или тимьяна, и донника, пучки сухой полыни отгоняли и отваживали от дома насекомых, трава душица очищала и обеззараживала воздух.

Хозяйка и гость разулись в сенях, сняли грязные сапоги, в носках прошли в опрятную и прохладную горницу. Полковник сразу обратил внимание на полки с книгами — не очень много, но для деревни изрядно.

— Любите читать? — осведомился он с неподдельным любопытством.

— Я в нашей библиотеке почти все книги перечитала. Жаль только, в деревне библиотека маленькая, — ответила хозяйка, и он почувствовал, как проснулся в нем интерес, проклюнулся мелким уколом, стал расти, постепенно окреп.

— Какие книги предпочитаете?

— Умные. Содержательные. Хороших писателей, — отозвалась она как-то лукаво, с проницательной усмешкой, словно поняла некую игру, которая определяет уровень развития и ума. Из ответа неизбежно следовало, будто, в свою очередь, она и сама умная, содержательная и хороший читатель. Полковник сразу уразумел, что она и грамотная, и не так проста, в чем заведомо, облыжно и огульно горожане зачастую подозревают деревенских жителей.

Следом произошли неожиданные события. Хозяйка метнулась в сени за дровами, резво принесла охапку березовых поленьев, тотчас умело затопила печь, мигом накрыла на стол и поставила на огонь варево с незнакомым запахом. Не мешкая и ничуть не медля, она раздобыла в чулане пучки сухих трав, и пока закипала похлебка, быстро изрубила их в мелкое крошево, сыпанула в горшок — сильный, горьковатый, волнующий и неотразимый аромат наполнил комнату. Сидя за столом, полковник, не от-

рываясь, смотрел, как живо она поворачивается, как проворно и ловко двигается, понятно было, что любая работа в ее руках всегда кипит и спорится, и все, за что берется, делает старательно и усердно, сноровисто и легко. Как мужчина он сразу оценил, насколько хорошо она сложена и какое у нее упругое, сильное, гибкое тело — невооруженным глазом было заметно. «Кому-то достанется идеальная жена», — подумал гость, испытывая зыбкое сожаление и смутную ревность к неизвестному счастливцу.

В Москве у полковника была семья. К тому времени дети, сын и дочь, стали уже студентами и отделились как-то, служба и помыслы отца их нисколько не занимали. И жена, редактор журнала, увлеклась литературным процессом, борьбой течений, сменила круг знакомств, и со временем он почувствовал в ней отчуждение и угадал не просто безразличие, но понял, что к его службе, к военному окружению и к теме, над которой он работал, она относится довольно прохладно, если не сказать, что неодобрительно.

Они жили в помпезном сталинском доме для командного состава на Смоленской набережной рядом с метромостом. Иногда жена приводила домой, в большую и удобную квартиру с видом на реку, каких-то авторов, о каждом говорила, что он гений, муж, по обыкновению, гениальности не замечал, но почти в каждом бдительно заподозрил чуждые взгляды и скрытую враждебность — к власти, к политической системе, к вождю, к себе. При этом все они не гнушались обильно угощаться разносолами из его продуктовых служебных пайков, которые ему раз в неделю выдавали в закрытом распределителе. Впрочем, он никогда не задумывался о том, что правящая партия, в которой он давно состоял, с помощью закрытого распределения отделилась, отстранилась, отмежевалась от народа и от результатов своего правления: плоды собственной деятельности пожинать не хотела. Население годами не видело тех продуктов, которые каждую неделю за бесценок выдавали знатым партийцам и активистам в тайных распределителях, да и вкус этой еды, надо думать, народ, вероятно, забыл.

В комнате вскоре потеплело, воздух прогрелся, окна запотели, прослезились, с теплом прибавилось уюта, полковник испытывал редкое состояние покоя и умиротворения. За окнами внятно помнились холодное осеннее ненастье, слякоть и дождь, здесь же было тепло и укромно, он мнил себя в надежном укрытии, в удобном пристанище, вдали от классово-борьбы и жестокого противостояния с империализмом. В печи оживленно потрескивали березовые дрова, и привлекательная молодая женщина бойко и легко сновала по опрятному, благоухающему травами дому, готовя еду и накрывая на стол. Гость не сводил с нее глаз, проникаясь симпатией, приязнью и расположением. Из погреба она принесла соленья и маринады: грибы, черемшу, квашеную капусту, моченые яблоки, выставила разнообразные настойки: на травах, на листьях, на почках и ягодах. О таком гостеприимстве полковник даже не помышлял.

Что ж, кто бы сомневался, они поступили, как заведено спокон веку, выпили за знакомство — первый шаг, иного обычая не дано. Хозяйка звалась Таисией, полковник сдержанно представился: Антон и, поразмыслив мгновение, смущенно и нерешительно добавил: Петрович. Чуть позже он провозгласил тосты за ее теплый и гостеприимный дом и за семью — бабушку Марфу и мать Авдотью, фотографии которых стояли в рамках на комод.

Что скрывать, я знал эту семью. Все женщины рода из поколения в поколение непременно и неизменно становились знахарками, другой участи судьба им не уготовила. Бабушку Марфу и дочь ее Авдотью в деревнях мнили колдуньями, побаивались и остерегались, хотя вреда они никому не причиняли. Участиливо и бескорыстно оберегали они сельчан от сглаза, порчи, чужих оговоров, лечили хворых, пользовали убогих, толковали сны и старались помочь женщинам в сердечных делах: если, к при-

меру, муж потерял интерес, если уходил к другой женщине или пил не в меру. Знахарки избавляли пьяниц от пагубного пристрастия, унимали бессонницу, изгоняли бесов и прочую нечисть, а кроме того, останавливали в ранах кровь, заговаривали зубную боль и знали, как помочь, если корова перестала доиться. Иногда к ним за помощью обращались те, кого врасплох застигли жизненные невзгоды и трудности, и те, кто хотел узнать будущее: знахарки, по мнению деревенских жителей, обладали даром ясновидения, умели прорицать и влиять на события. Женщины слыли вещуньями и ворожеями, с их мнением считались в окрестных деревнях.

Бабушку Марфу и ее дочь Авдотью я встречал ненароком в лесу, когда они собирали ягоды и грибы, но чаще в пору лечебных сборов — весной, когда цвел ландыш, и летом, когда поспевал травостой. Дома знахарки готовили отвары, настои и мази по старинным рецептам из древних сонников, травников и рукописных тетрадей, которые женщины рода издавна передавали по наследству из рук в руки. Каждое из бесчисленных снадобий, называемых еще и зельями, применялось с определенным наговором, знахарки все их помнили наизусть. В Рижском медицинском институте, который я окончил, народную медицину, разумеется, не изучали, мне вздумалось с помощью знахарок восполнить пробел. Вдобавок, правда, из почтения к военному доктору женщины утверждали, будто им ведомы тайные секреты черной магии: как человеку летать, как слышать, видеть и проходить сквозь стену, как обернуться любым животным, как принять облик другого человека. Но об этом речь позже, время еще не пришло.

Для начала и в знак уважения к научной медицине женщины надоумили меня, как на всякий случай предохраниться и оградить себя от нечистой силы: надобно есть чеснок и при себе иметь головку, надобно вколоть в одежду иглу или булавку — верное средство, нечистый не выносит чеснока, боится железа и острых предметов. При встрече с нечистым на природе следует ножом или хотя бы ключом быстро очертить вокруг себя на земле круг, переступить черту нечистый не может. Потому-то и межа в поле для него запретное место — пашут-то железом. И кочерги он страшится по причине железа и дружбы ее с огнем, враждебной для нечистых стихией. Не случайно на Ивана Купалу молодежь прыгает через костры, а те, кто вздумал увидеть домового, овинника, амбарника, лешего или ведьм на шабаше, прятались за борону или плуг: видно, но безопасно.

От сглаза и порчи знахарки преподали мне наглядный урок, или, как нынче изъясняются — мастер-класс, в старой закопченной бане при свете огарка. Среди беззвучия Авдотья внесла в баню горящую свечу, солонку, медный поклонный крест, блюдо с водой и тлеющий уголек на ложке, добытый из печи. Бабушка Марфа тихо забормотала:

— Солнце на закате, ангел на отлете. Господи, Господи, посылай тебе нечего: ни поста, ни молитвы, ни денные, ни ночные. Запиши меня, Господи, в животную книгу свою, — бабушка Марфа сыпанула в блюдо с водой щепоть соли, бросила уголек — вода зашипела, изошла облачком пара. Старушка запальчиво тратила немощные силы, истово возгораясь сердцем на помощь ближнему. Она положила крест в воду, поставила на него горящую свечу, трижды поклонилась и зашептала над водой, как шептали ее предшественницы сто и двести лет назад:

— На солнушном усходе, солнце светлое, земля праведная, вырос столб от земли до неба. Када сине море повычерпнут, желты пески повытопчут, тридевять ключей отомкнут, златы пелены посымают, тада усе недоги подвинутца, усе отрыгнутца, усе усходятца. Чур мене, Господи! — Она дунула на воду и поплевала на все стороны. — Сохрани мене, Господи, ныне и присно!

Картина обряда выглядела довольно любопытно, можно сказать, увлекательно, но представляла, конечно, интерес для тех, кто изучает этнографию и фольклор, меня же

как врача больше интересовали снадобья, которыми знахарки пользовали больных. Скажем, подростка, тело которого покрыли многочисленные фурункулы, Авдотья неделю поила густым отваром из многих трав, наговаривая при этом:

— Не от угля, не от камня не растет отростель, не расцветает цвет, так же у отрока Павлуши не росли бы ни чирьи, ни вереды, ни лишай, никакие пупыши.

Фурункулез исчез, я проверил, отвар, видимо, действовал, а наговор, вероятно, оказывал психологическое воздействие и был формой внушения, чтобы пациент верил целителю. В маленькой подслеповатой баньке лечили от икоты, бессонницы, запоров и поносов, от головной боли и звона в ушах, от многих болезней, подлинных и мнимых, лечили и онкологию — иногда излечивали. Бабушка Марфа и Авдотья помогали женщине легко родить, умели приручить собаку и петуха, лечили домашних животных и старались помочь даже тем, кто им не верил. Всяк недужающий и скорбящий, любой горемыка и бедолага мог уповать на их участие, все, кому было плохо, вызывали у них сочувствие, сострадание, они пытались всем помочь или хотя бы облегчить существование. Знахарки, похоже, добровольно несли службу и бдительно охраняли свою и соседние деревни от невзгод, напастей и несчастия.

Чердак их дома был увешан пучками трав, связками корней, венниками листьев и сушеными ягодами. Здесь хранились березовые почки, источающие запах смолисто-го бальзама, листья вахты-травы, длинные стебли полевого хвоща, благоухали узкие листья чабреца с маленькими сине-красными цветочками, желтые ароматные метелки бессмертника, ветки череды, зелено-желтые шишки хмеля, трава горицвет, похожая на укроп, с крупными золотистыми цветами, иван-да-марья с нежным слабым запахом, ветки похожей на бруснику толокнянки, серая войлочная трава сушеница, корзинки пижмы, отгоняющие мух и комаров, длинные стебельки пастушьей сумки с желто-белыми цветами, корни дягиля и лапчатки, называемой еще талганом или вязелем, чемерица, тирлич, называемый горечавкой, Melissa, рута, мята, яснотка... — всего не перечить. Обильнее всех запасов хранился на чердаке кипрей, называемый еще солдатской травой, поскольку успешно лечит раны. Кипрей можно истолочь, измолоть в муку, испечь вкусный хлеб, в годы неурожая и войн кипрей спасал деревенское население от голода. Кроме того, кипрей называют травой иван-чай по причине душистой заварки.

Наибольшую силу, по разумению знахарок, имели травы, собранные, как должно, на Ивана Купалу между заутреней и обедней, да не молчком, а с молитвой и без одежды, в чем мать родила и в одиночестве, чтобы поблизости никого не было. Прежде чем рвать траву, следовало лечь ничком, испросить у земли согласия и обратиться к ней за благословением, иначе трава полной силы не обретет.

Для пушей верности женщины предложили мне в швы одежды зашить крапиву, чернوبельник и плакун-траву. Плакун, уверяли они, смиряет нечистую силу, как и папоротник, одолень-трава развеивает злые чары, а трава дрема наводит вещие сны. Одолень-трава к тому же помогала завоевать сердце женщины и побеждала многие хвори, как и трава девятисил, заключающая в себе девять сил земли и сорванная на рассвете до восхода солнца накануне Иванова дня.

Пока Таисия, дочь Авдотьи и внучка Марфы, росла в родном доме, она невольно многому научилась от мамы и бабушки. Под стать им она знала травы, толковала сны и умела гадать, но не на картах, как цыганки, а иначе, как учили бабушка и мать: по воску, скажем, — выливая расплавленный воск в холодную воду, рассматривала сгустки и описывала изображение. Таисия умела гадать по ниткам, по яйцу, по топору, на решетке, гадала ключом, луковицей, петухом, по зеркалу и полотенцу, по лошади и лаю собак, на гребенке, по следу и тени, по лучине и чаю, на бобах, на кофейной гуще

и даже по снегу: девушкам, желающим узнать, каким случится будущий муж, Таисия велела лечь в тулупе вечером на снег, утром рассматривала отпечаток. Если след остался гладким, муж будет смирным и ласковым, иссеченный отпечаток указывал на вздорного и строптивого. И быть бы Тае по извечной участи знахаркой, но она решила по-своему: окончила в районном центре курсы медицинских сестер, потом училище в Москве, стала фельдшером и пребывала теперь в законном праве вести прием и лечить пациентов.

К слову сказать, Таисия была замужем дважды, оба раза в Москве, оба раза неудачно. Из гордости и благородных понятий она не зарилась на имущество и квартиры мужей и перешла в общежитие, где делила комнату с другой девушкой, медицинской сестрой. Таисия работала фельдшером «Скорой помощи», на жизнь ей хватало, из деревни она привозила овощи, грибы, ягоды и фрукты, подрабатывала ночными дежурствами в больница и платными инъекциями на дому. Поднакопив денег, она со временем вступила в кооператив, купила однокомнатную квартиру в Сокольниках, рядом с парком.

Иногда Таисия навещала маму и бабушку, иногда Авдотья навещалась к дочери в Москву. Работая на «Скорой помощи», Таисия посещала множество квартир, в иных видела богатые библиотеки, постепенно к себе приохотилась к чтению. Доброжелательная и отзывчивая, она располагала к себе людей, да и врачи, с которыми она работала, ценили ее за усердие, исполнительность и умелые руки. Тая внимательно присматривалась к жизни москвичей, прислушивалась к разговорам и суждениям, которые, как и книги, рождали интерес и наводили на раздумья. С некоторыми пациентами Тая свела близкое знакомство, которое благотворно влияло на развитие личности и содержание ума. Шаг за шагом она становилась горожанкой — разумная молодая женщина, обходительная и восприимчивая, внешне — симпатичная и привлекательная, внутренне — вдумчивая, содержательная и рассудительная, с востребованной профессией, с позитивным настроением, заряженная на добро.

Несмотря на личную неудачу, она отнюдь не выглядела несчастной. Если смотреть в корень и в суть, присутствовали в ней душевная стойкость, неистребимое противостояние невзгодам. Жизнь к тому времени образовалась у нее довольно насыщенная и вполне содержательная. Чтобы после двух разводов не погрузиться в печаль, настроиться на оптимизм и переключить себя на устойчивое равновесие психики, или, говоря иначе языком научного психоанализа по Фрейдю, достичь сублимации, Таисия заделалась театралкой. Она посещала не только большие академические театры, но и маленькие экспериментальные труппы в подвалах и на чердаках, ходила на концерты в консерваторию, в музеи, в художественные галереи и на выставки, дважды в неделю посещала бассейн и спортивный зал, на конной базе в парке «Сокольники» занималась верховой ездой. Как подобает современной женщине, Таисия окончила автомобильные курсы, получила водительские права, надеялась со временем приобрести автомобиль. В общем и целом, все дни были расписаны с утра до вечера, грустить, предаваться горестным раздумьям о своей несчастной женской доле не было времени, да и вообще выкроить свободную минуту удавалось с трудом.

Однако с некоторых пор изменилось привычное течение жизни, нарушился неизменный ход событий. Можно гадать о причинах, но месяца два-три назад Таисия почувствовала, что ее тянет домой. И хотя своим домом она уже давно полагала московскую квартиру в Сокольниках, Таю ощутимо тянуло в деревню, в старую избу, где воду из уличного колодца носили ведрами на коромысле, топили баню по-черному, туалетом служил щелястый скворечник во дворе за сараем, пищу готовили в печи и обогривались дровами.

Как-то исподволь ей стали досаждают московская толчея, сутолока в метро, унылое однообразие спальных районов, автомобильный чад, мелькание бесчисленных лиц, мельтешная городская суета. Главная причина, однако, крылась, похоже, совсем в другом: мнился Тае некий молчаливый зов, который отчетливо звучал в пространстве, настойчиво и повелительно напоминал, что пора вернуться. Как будто кто-то строгий и наделенный властью незримо присутствовал рядом и безмолвно — нет, не просил, неотступно требовал вернуться в родной дом. Таисия поняла, что без бабушки Марфы не обошлось, та, видно, захотела, чтобы внучка приехала и осталась. Бабушка была убеждена, будто Таисия в городе проживает чужую жизнь, тогда как жить следовало в родном доме своей жизнью, предначертанной женщинам рода. Упорно и неотвязно Марфа в деревне вынашивала обозначенную мысль, Тае в Москве что ни день аукалось. И однажды среди ночи на относительно спокойном дежурстве в больнице Таисию неодолимо потянуло в деревню, да так остро, с таким жгучим нетерпением, будто сердце насквозь пронзила невыносимая боль — ни охнуть, ни вздохнуть. Таисия догадалась, что бабушка устала ждать, напрягла все природные силы, истово вознамерилась и послала внучке свою неотложную, неоспоримую, неуклонную волю. И не исключено, что сообщая с дочерью Авдотьей, мамой Таисии, уж слишком заметным, явным и значительным оказался сигнал.

Как бы то ни было, так или иначе, Таисия вернулась в деревню. К счастью, в соседней деревне за пять километров открыли фельдшерско-акушерский пункт, Таисия пришлось кстати, ее назначили заведовать. Московскую квартиру она выгодно сдала внаем — лишних денег не бывает, сама жила в служебном доме при амбулатории. На фельдшерском пункте вскоре образовалось маленькое хозяйство: автомобиль «нива» с повышенной проходимостью, на котором Таисия, сев за руль, ездила на вызовы, и лошадь, на которой фельдшер верхом пускалась в путь снежной зимой или слякотной осенью, когда автомобиль не мог одолеть бездорожье. По выходным Таисия отправлялась домой — летом на велосипеде, зимой на лыжах, пять километров туда, пять обратно, приличная нагрузка, фигуру обтачивает, здоровью польза, и ноги крепнут.

Нынче сняв горшок с огня, хозяйка до краев наполнила глиняные миски — гостю и себе — обжигающим варевом, да столь густым, что ложка, казалось, стоймя устоит. Гость, пробуя, бережно зачерпнул и замер, притих, сосредоточенно задумался над первой ложкой — вникал, можно сказать, в суть еды, в ее происхождение и природу.

— Вкусно, — одобрил полковник и подытожил впечатления: — Вкус, однако, незнакомый.

— Чечевичная похлебка, — улыбнулась хозяйка.

— Никогда не пробовал.

— Чечевица — еда простолюдинов. Вы, наверное, к другой пище привыкли.

Ему почудился в ее словах особый скрытый смысл и насмешка — то ли намек, то ли укор, и он промолчал: врать не хотел, упоминать разносолы из номенклатурного пайка считал неуместным.

Работая на «Скорой помощи» и обретая многие знакомства, Таисия, конечно, и без него знала о прослойке граждан, называемой партийной номенклатурой, которую товарами и продуктами тайно снабжали иначе, чем прочее население и весь народ.

— Выходит, это та самая похлебка, за которую Исав отдал первородство Иакову. Братья были близнецами, но Исав родился первым, — сказал полковник.

— Я знаю. Книга Бытия, Ветхий Завет. Сыновья Исаака, внуки Авраама. Наследство получал только старший сын, младшим ничего не доставалось, — подтвердила Таисия, и он, историк, философ, профессор, доктор наук, удивился: откуда знает?

— А что за травки в похлебке? Необычный запах, — поинтересовался гость, принохиваясь.

— Как положено, горькие травы из библейской кухни: латук, шалфей, можжевельник, корень хрена, чуть-чуть полыни. Я добавляю еще сельдерей, кориандр и черную бузину. Именно черную, красная не годится: ядовитая, — объяснила хозяйка, и полковник снова дался диву: мало кто нынче знал Библию в подробностях.

— Вы на погосте за птицами наблюдали. Увлекаетесь? — спросила хозяйка.

— Интересноюсь. — Полковник рассказал ей о памятнике вождю, который загадочным образом преследуют и оскверняют птицы, и о своем желании разгадать причину.

— Может быть, птицы мстят за что-то? — предположила Таисия.

— Мистика! Этого не может быть! — запальчиво востепенел, горячо возразил, решительно запротестовал полковник. — Какая месть, о чем вы говорите?! Месть — сознательный акт! Разумный поступок! Быть этого не может! Вообще! В принципе! У птиц нет сознания! Нет разума! Только инстинкты! Какое отношение птицы имеют к нашему вождю?! Зачем им памятник?! — возбужденно отверг высказанную мысль гость и, волнуясь, доказывал, что причина кроется в химии или физике, подходить следует исключительно с материалистических позиций.

— Успокойтесь, вы напрасно волнуетесь, — миролюбиво и дружелюбно обратилась к нему хозяйка, он тотчас осекся и подумал, что его горячность и возмущение могли нанести ей обиду. Никогда прежде он не задумывался, как его слова отзовутся и заденут ли кого-то. В идейных спорах он безжалостно давал отповедь, резкий отпор, безоглядно кидался в бой, беспощадно разил наотмашь. Верный последователь Ленина, он, как его кумир, непримиримо отстаивал мнение, никогда не соглашался, упорно стоял на своем, всегда неуступчиво шел до конца, никого не щадил. А сейчас он умолк и подумал, что после его слов они с Таисией могут больше не встретиться, она откажет ему в знакомстве. Он почувствовал горечь будущей утраты и саднящее едкое сожаление. Чтобы хоть как-то оправдаться, развеять мрачные предчувствия, гость повел речь о Ленине. Он говорил так, будто они были хорошо знакомы, часто встречались и у них не было секретов друг от друга. Полковник упомянул, какой это был замечательный человек, гениальный ученый, как тонко он понимал классовую борьбу, как точно разбирался в людях. Ведя рассказ, гость постепенно возбуждался, заметно воодушевился, глаза вспыхнули и засверкали, голос вскоре окреп, набрал звонкую силу, воспарял над столом, рвался за окно на простор, рассказчик испытывал яркое вдохновение и душевный подъем. Распаляясь, полковник забывал иногда о еде, оживленно жестикулировал и как бы самозабвенно дирижировал ложкой. Хозяйка внимательно его слушала, не возражала, не соглашалась, не перебила ни разу — звука не проронила. Обычно в состоянии вдохновения оратор завораживал слушателей, трепетно и восторженно они внимали ему, теряли над собой власть, очарованные и потрясенные, верили каждому слову. Однако сейчас в молчании хозяйки полковник угадал некую сдержанность, неуловимые, неопределенные возражения, точно она с ним не согласилась, осталась при своем мнении.

— Похоже, я вас не убедил, — сказал полковник.

В ответ она предложила ему душистый травяной чай, рассказала, как в пору цветения она с мамой и бабушкой собирают целебные травы и листья. Чай, которым она его напоила, содержал мяту и Melissa, чабрец, или тимьян, душицу, липовый цвет, листья и сушеные ягоды земляники, смородины и малины.

— Божественный напиток! — оценил полковник.

К тому времени дождь закончился, выглянуло солнце. Близился закат, парила влажная земля, блестели под солнцем мокрые крыши. Полковник глянул в окно и с некоторым огорчением, но и с кривой усмешкой, чтобы скрыть неловкость, заметил:

— Пожалуй, мне пора. — В глубине души у него, как у любого мужчины, едва теплилась слабая надежда, что ему предложат остаться, но не тут-то было: ему не предложили. Просто и естественно хозяйка с ним согласилась:

- Пора, — лаконично подтвердила она будничным голосом.
- Еще увидимся? — поинтересовался офицер с долей робости, страхась отказа.
- От вас зависит, — ответила она бесстрастно.

Он сделал пытливые лицо и округлил глаза, изобразил немой вопрос: каким, дескать, образом? И она подробно объяснила в исчерпывающей манере:

- Захотите, так и свидимся.
- Я оставлю вам свой телефон и ваш запишу, — предложил гость, но она отказалась:
- Не надо телефонов. Если захотите, я пойму, сама извещу вас.
- Как?! — Полковник опешил, ему показалось, что он ослышался.
- Я подумаю, вы поймете.
- Мысленно?!
- Да, можно и так сказать.
- Чудеса! — воскликнул полковник и не верил, не верил, не верил — не укладывалось в голове.

Хозяйка проводила его за околицу до лесной опушки, гость ушел, слегка разочарованный от неопределенности и странной неуверенности, ему не присущей. Тем не менее в подразделение икс он прибыл в приподнятом настроении, в умиротворенном состоянии, даже памятник осмотрел спокойно, без излишнего раздражения и обычной досады, хотя птицы с утренней помывки весь день вели себя крайне воинственно, вполне разнузданно и оголтело. Под вечер статую вождя украшали цветные пятна и потеки, густой слой помета, называемого гуано, сплошь покрывал гипсовую фигуру и постамент, как будто сегодня птицы особенно рьяно атаковали памятник — с неистовым рвением, с неистребимым упорством.

Наутро за моим пациентом неожиданно пришла машина, полковника срочно вызвали в Москву. Высшие партийные начальники вздумали проверить, как в дальних гарнизонах политически воспитывают личный состав, как воинские части оборудовали ленинские комнаты и уголки, как используют наглядную пропаганду и агитацию. Предстояла череда длительных командировок с инспекциями на Тихоокеанский флот, в Дальневосточный и Сибирский округа. В коротких промежутках он день и ночь писал отчеты, которые строго требовали, но никто не читал. Среди повседневной суеты и досужего суесловия на ум время от времени приходили укромный дом, наполненный запахами трав, горячая чечевичная похлебка и приветливая хозяйка, которую, безусловно, следовало вновь навестить. Впрочем, пока возможности не представилось, он лишь размышлял, вспоминает ли она его. Ему мнилось, будто в те минуты, когда его заметно тянет к ней, она думает о нем, состоялся как бы сеанс дальней немой связи. Неуверенную мысль сопровождали зыбкие сомнения: так ли это? Из текущих событий вниманию подлежит одна животрепещущая новость: за прошедшие месяцы полковника наконец произвели в генералы.

Так или иначе, на плановое обследование в подразделение икс моему пациенту удалось вернуться лишь спустя почти полгода — в апреле, если быть точным. Генерал появился, когда в нашу местность хлынуло долгожданное тепло, и весна, разгулявшись, красовалась уже в полную силу.

Приехав, генерал, как всегда, прошел неотложный первичный осмотр, исполнил срочные назначения и, освободившись, наведалься к памятнику. Шла очередная помывка, солдаты комендантского взвода, стоя на лестницах, драили и обмывали статую горячей водой, вокруг стояли редкие зеваки. Пока длилась помывка, птицы беспокойно кружили над головами, сидели по соседству на высоких деревьях, и казалось, они зорко наблюдают и пристально отслеживают текущие события.

Как только мойщики ушли, унесли лестницы, птицы с тревожным граем сыпанули вниз, тучей ринулись к статуе, облепили, тесно усеяли памятник, незамедлительно и безотлагательно принялись гнусно пакостить и глумиться.

Что ж, судя по всему, за минувшее время отношение птиц к памятнику ничуть не изменилось, и, как раньше, причину никто не знал. Убедившись в постоянстве событий и неизменной действительности, генерал, сгорая от нетерпения, поспешил в соседнюю деревню. Однако до цели добраться ему не пришлось.

Открывшаяся картина была как волшебный сон или явление свыше. Из глубины леса вдали на лесной просеке, словно из гущи воздуха и солнечного света, неожиданно появилась всадница, окутанная зыбким сиянием погожего дня, и приближалась, приближалась, размытые очертания постепенно яснили — дивное зрелище, призрачное видение, послание небес. Генерал смотрел, не отрываясь. Лошадь неспешно бежала легкой мелкой рысью, всадница, пропустив кожаные поводья сквозь пальцы, непринужденно управляла движением, они были с лошастью как одно целое, необыкновенное существо о двух головах. Наметанным глазом генерал еще издали заметил, как уверенно и свободно держится в седле наездница, как гибко и невесомо в такт бегу лошади поднимается на стремянах, спина оставалась прямой с грациозной осанкой — явная выучка, наглядная повадка, заметный навык. Было понятно, что при желании всадница беспрепятственно пустит лошадь вскачь, в безудержный галоп, так же умело, ловко и непринужденно удержится в седле.

Генерал еще издали и загодя уразумел в наезднице Таисию, фельдшер верхом на лошади возвращалась домой после вызова к больному. Заметив генерала, она натянула поводья, остановила лошадь, спешила, лошадь взяла под уздцы.

Выглядела Таисия на редкость привлекательно, любого мужчину могла очаровать и вскружить голову: белая рубаха с распахнутым воротом, серые в обтяжку лосины, заправленные в узкие, высокие, начищенные до блеска кавалерийские сапоги. Само собой разумеется, какое у нее сильное и упругое тело. Обниматься, разумеется, не стали — не те отношения, но были взаимно рады, что он, что она. Генерал, конечно, уже понимал в ней известный жизненный опыт, независимость, сдержанность в чувствах, осмотрительность в проявлении чувств, в словах и поступках.

— Вас можно поздравить, вы теперь генерал, — сказала фельдшер уверенно — ни тени сомнений.

— Спасибо. Как узнали?

— Узнала, — ответила она без объяснений — и так, мол, понятно, и он в который раз недоумевал, сраженный ее чутьем. Таисия между тем осведомилась невзначай: — Как съездили?

— Все-то вы знаете! От вас ничего не утаишь! — попенял он ей укоризненно.

— Зачем от меня таить? — улыбочиво поинтересовалась Таисия.

— Есть, между прочим, государственная тайна, военные секреты, наконец... — попытался он доходчиво объяснить, но она не согласилась, резонно возразила:

— На тайны и секреты я не зарюсь и не посягаю, мне до них дела нет. А в дальних краях побывать, как вы, хотела бы. Камчатка, Владивосток, Сибирь... Интересно!

— Я там ничего не видел, работал с утра до ночи.

— Суета сует и всяческая суета, — усмехнулась Таисия.

— Извольте царя Соломона цитировать, книгу Экклезиаст? — он глянул недоверчиво, удивился, как случалось уже, ее познаниям.

По лесной просеке вдоль стены деревьев неспешным, прогулочным шагом двигалась пара, женщина вела под уздцы оседланную верховую лошадь. Никто не спорит, наблюдалась, похоже, картина из прошлой жизни, девятнадцатый, к примеру, век, сцена из дворянской, скажем, действительности, и можно было предположить, будто встретились украдкой влюбленные на тайном свидании у границы двух соседних помещичьих имений — эпизод, всем и каждому навеянный великой русской литературой, которую проходят в средней школе.

Пронизанный солнцем лес с чересполосицей света и тени от земли до вершин деревьев наполняли голоса невидимых птиц, как до краев наполняют просторный католический собор звуки органа. Разноголосый птичий щебет выразительно и отчетливо звучал в необъятном лесном пространстве — ни тревоги, ни волнений, ни беспокойства, лишь умиротворение, покой, счастливая радость бытия.

— Странно, — заметил, прислушиваясь, генерал. — В лесу птицы ведут себя совсем иначе, чем у нас. Там они какие-то оголтелые, постоянно волнуются, памятник Ленину почему-то ужасно их раздражает. Утром его отскребут, помоют, к вечеру он весь загажен.

— Вы всех наших птиц знаете? — неожиданно спросила Таисия.

— Нет, конечно. Некоторых знаю, наблюдал.

— Послушайте... Это варакушка бормочет. Слышите? Как будто стесняется в полный голос петь. Славная птичка, скромница. А это зарянка вступила. Цик-цик, цик-цик... Слышите? Как молоточек маленький по наковальне, верно? — молча и неподвижно они внимали переливчатому лесному хору, генерал слушал, подняв лицо и обострив слух, вникал сосредоточенно в голоса птиц, надеялся запомнить, удержать в памяти. Между тем Таисия продолжала: — Вот и камышевка голос подала, слышите, как торопится? Как будто допеть спешит. Видно, с болота залетела, чтобы всему лесу песенку пропеть.

Лучи солнца, пробившись сквозь листву, яркими бликами поигрывали на стволах деревьев, наполняли лес праздничным воздушным светом. И лошадь в тишине присутствовала смирно, иногда прядала ушами, можно было подумать, будто и она прислушивается к голосам птиц.

— А это свиристель, протяжно как, слышите? Тянет, тянет, ноту держит, — обратила внимание Таисия, и вдруг из птичьего хора возник сильный звонкий голос. — Дрозд! — определила фельдшер. — Певун! Его сразу узнаешь. Чай пить зовет, слышите? «Кто скорей, кто скорей... Чай пить, чай пить... Выпьем, выпьем, выпьем...» Да, певун и веселый пересмешник, других птиц дразнит, голосам подражает.

— Как будто стихи читает, — послушав, определил генерал.

— Пожалуй, — согласилась Таисия. — Значит, еще и поэт. А сейчас он застрекотал, слышите? Волнуется. Наверное, нас заметил. Нет, причина другая. Там поблизости зяблик объявился. Сначала известил всех, что он здесь, слушателей позвал: пинь-пинь... пинь-пинь...

— Да, я слышу, — подтвердил генерал.

— А теперь запел. Ишь, как старается, на весь лес слышно. Бойкая птичка, смысленая и петь любит. Только драчлив очень. Потому-то дрозд и разволновался, потасовка у них намечалась, но обошлось. Зяблик к своему гнезду никого не подпустит. Молодец, о семье заботится, — Таисия прислушалась, жестом обозначила внимание. В густых влажных зарослях снова подала голос камышевка, маленькая птичка с оливково-бурыми перьями сверху и беловатыми снизу, с вытянутой вперед головкой и острым хвостиком клинышком. «Чер-чер, чер-чер...» — повторяла она быстро и отрывисто. Потом из зарослей донеслись легкие щелчки, мелодичный торопливый посвист, и вдруг громкая неповторимая песня разнеслась по лесу на удивление слушателям. Могло сдаться, что десяток птиц слетелся на спевку. «Тюли-тюли...» — напевал чиж. «Вэд-вэд-вэд...» — вступала славка. «Кру-цикру-цикру...» — вперевой с ними выводила большая синица, а еще среди солистов присутствовали щегол, зяблик, черноголовка, зеленушка, и только отчетливое «чек-чек» после каждого голоса указывало на одного-единственного солиста, маленькую камышевку.

После лесного концерта они пришли в дом Таисии, хозяйка потчевала гостя щавелевыми щами на травах с чесночной приправой, но ночевать тем не менее не остави-

ла, благоразумно спровадила восвосяси. Генерал, однако, не терял надежды, бурному штурму предпочел терпение и долгую осаду. Он, случалось, навещал Таисию иногда, садился в Москве за руль и ехал окольной дорогой, минуя подразделение икс. Побыв с полдня, он уезжал. На ночлег его не оставляли, даже речи не возникало, поползновенный он не проявлял. Что тут скажешь, за два с лишним года они ни разу не обнялись, два с лишним года длился странный, на мой взгляд, роман — невинные платонические отношения, сердечная привязанность, возвышенные чувства, поэзия, идеальная любовь. Хотя, сказать по правде, встретились не юные наивные создания, но взрослые, довольно искушенные люди, сполна познавшие жизнь. А потом неожиданно-негаданно грянули события, которые круто переломили ход истории, коренным образом перекроили текущую жизнь и окружающую действительность.

Роковые события обрушились на генерала с умопомрачительной силой, как гром среди ясного неба, как снегопад в летний зной. Сначала командование, осознав борьбу с птицами за памятник Ленину бесполезной, приказало статую в одночасье убрать, что и сделали тайком на рассвете, чтобы не привлекать внимания, чтобы избежать пересудов среди зевак. Статую осторожно сняли с постамента, отправили на вещевой склад, где скромно, без почестей и скопления народа уложили на деревянный настил. По учетной ведомости скульптуру приобщили к другим предметам хранения, на складе наряду с койками, матрасами и унитазами уже хранились большие и малые ленинские бюсты. Постамент на всякий случай решили не сносить, но увить плющом, сверху наметили устроить на постаменте скромный, незатейливый цветник.

Трудно представить, какое потрясение испытал генерал, когда после завтрака обнаружил пропажу. За многие годы памятник обжил территорию, прочно вписался в пейзаж, в окружающую среду, примелькался взгляду, но сейчас неестественная пустота бросилась в глаза, резко ударила наотмашь. Генерал почувствовал, как внутри что-то оборвалось, нахлынули скорбные чувства, справиться с которыми он не мог, как не мог смириться, свыкнуться, согласиться. В груди проснулась жгучая боль утраты, снос памятника мнился невыносимым личным горем, невосполнимой потерей. Страдая, он растерянно шарил взглядом вокруг, словно в надежде заметить пропавшую статую, но обнаружить ее не удалось — сгинула, исчезла, канула как в омут.

Схожим образом вели себя птицы. Взволнованно, в тревожном беспокойстве они с шумным граем кружили вокруг, нервно обозревали местность и, похоже, не знали, куда приткнуться, где сесть, как опростаться. Отсутствие привычной фигуры привело их в отчаяние, в неопишное замешательство, повергло в неменяемое состояние.

Подавленный и удрученный, весь в печали и горестных мыслях, генерал потерянно брел прочь, ноги привели его на склад. Статуя покоилась на спине, вождь еще издали выглядел на редкость жалким, неприкаянным, поникшим, не уверенным в себе, обессиленным и беззащитным. Вытянутая рука, которая раньше звала массы в бой и вела к светлому будущему, теперь нелепо торчала вверх, словно вопреки мировоззрению вождя молила небо о помощи и зывала к милосердию. Что делать, генерал пребывал в угнетенном состоянии, потерял сон, я назначил седативные препараты, хвойные ванны, легкое снотворное, электрические процедуры и провел сеанс психотерапии, убеждая, что не стоит так убиваться, дело житейское: люди поставили, люди сняли.

— Нет, доктор, — печально возразил генерал. — Ленин — дело всей моей жизни. Если убрали памятник, значит, я не нужен.

Однако памятником злой рок себя не ограничил и не исчерпал, следующий удар случился более сокрушительным. Как-то наутро в подразделение икс прибыли следователи контрразведки, учинили генералу допрос или, как они формулируют,

сняли показания. Суть в том, что один из его подчиненных оказался иностранным агентом. Раньше подозреваемый в шпионаже подполковник служил помощником военного атташе в одной из зарубежных стран, где его завербовали. Подставили, как водится, красивую женщину, которая умело его соблазнила, в разгар свидания в гостиницу нагрянула полиция. Несчастному подполковнику иностранная разведка пригрозила скандалом, разоблачением и тяжелыми последствиями. В свою очередь и со своей стороны, разведка посулила надежное прикрытие, безопасность, приличную оплату, пообещала через год сотрудничество прекратить, агента отпустить на волю. Это был обычный шантаж, кнут и пряник, расхожий способ, проверенный неоднократно. Подполковник решил, что за год его не раскроют, ничего не случится, он как будто забыл или не знал, что коготок увяз — всей птичке пропасть.

С генералом следователи держались хмуро и строго, обронили досаду на доверчивость, на потерю бдительности, на ротозейство, но в интонациях сквозили подозрение и прозрачный намек на причастность.

— Будем разбираться, — пообещали служивые на прощание. — Постарайтесь являться по первому звонку. Не явитесь по звонку, вызовем повесткой.

Если откровенно, генерал неограниченно доверял подчиненному, откровенно симпатизировал и, мало того, благоволил. Они встретились на узком закрытом совещании по вопросам идеологической борьбы, офицер делал сообщение и приглянулся генералу глубиной анализа, знанием теории, богатым практическим опытом, твердостью убеждений, непоколебимой позицией. Да и вообще, офицер производил благоприятное впечатление: умный, толковый, грамотный и говорить умеет, язык хорошо подвешен, что важно для политической работы. А кроме того, подполковник часто ссылался на Ленина, вождя цитировал подробно и уместно, чем окончательно расположил к себе генерала. И когда срок командировки офицера в атташате посольства истек, генерал добился его перевода к себе в управление, надеялся со временем сделать своим заместителем. Арест подчиненного, которого он ценил и которому безраздельно верил, потряс генерала, ошелолил и буквально сразил наповал. Небо показалось с овчинку, в глазах потемнело, ноги подкосились, он едва не рухнул на месте, насилу устоял. Генерал не брал в толк, не мог понять, как он с его политическим опытом и острым классовым чутьем так опростоволосился, попал впросак — не раскусил, не распознал, не разоблачил. Он безжалостно винил себя и казнил за ротозейство, за потерю бдительности и политическую слепоту.

Снос памятника и арест сослуживца совпали по времени. Двойного удара судьбы психика генерала не выдержала. После тяжелого потрясения он потерял интерес к жизни, погрузился в глубокую депрессию: на вопросы не отвечал, в контакт не вступал, смотрел, не отрываясь, в одну точку, моторика тела оставалась скудной, мимика отсутствовала вовсе. Я определил палатный режим, сделал назначения, однако на исходе ночи мне сообщили, что генерал из палаты исчез. Разумеется, мы сразу начали поиски, прочесали территорию, но генерала не обнаружили, он исчез бесследно, словно растворился в пространстве. В усердных поисках, когда я старательно обходил территорию подразделения, мне вдруг померещилось, будто памятник неисповедимо вернулся на привычное место. Вот и вытянутая рука, как прежде, звала массы в бой и вела к светлому будущему. В слабом призрачном свете на исходе ночи статуя, казалось, снова обосновалась на своем постаменте. Впрочем, если раньше вождь смотрелся крупным мужчиной, сильным, уверенным, шагающим от победы к победе, то сейчас он выглядел мелким, убогим, невзрачным и каким-то неубедительным.

Говоря откровенно, я не верил глазам, объяснений не находил. Лишь высокая лестница, приставленная к постаменту, доступно объяснила явление. Вот и птицы на рас-

свете вели себя беспокойно, носились вокруг с тревожными криками, но обретенный памятник не посещали, не садились, не справляли нужду, будто заподозрили подвох, углядели обман, как бывает, когда в стаю затесался чужак.

Впрочем, птицы сейчас меня не занимали, не до них было. Второпях я на всякий случай расставил вокруг памятника солдат комендантского взвода, бережно, со всей осторожностью мы сообща сняли генерала с постамента. Пациент не сопротивлялся, с кроткой застенчивой улыбкой тихо напевал:

И вновь продолжается бой,
И сердцу тревожно в груди,
И Ленин такой молодой,
И юный Октябрь впереди.

Если называть вещи своими именами, генерал спятил, свихнулся, сбрендил, тронулся умом, у него поехала крыша, ум зашел за разум. Если перейти на язык медицины, наблюдались реактивный психоз, ступор, параноидный синдром, каталепсия. Я назначил строгий постельный режим, интенсивную терапию, инъекции в крупных дозах, капельницу и приставил сиделку, чтобы он снова не умотал куда-то. Уже рассветло, и начался погожий день, когда с контрольно-пропускного пункта охрана сообщила, что меня спрашивает какая-то женщина.

Таисия ждала меня за воротами, повод лошади привязала к штакетнику. На меня вдруг повеяло сокрушительным женским обаянием, власть которого оказалась безраздельной, безоговорочной и бесспорной. Выглядела фельдшер неотразимо: белая рубашка с распахнутым воротом, серые в обтяжку лосины, заправленные в узкие, высокие, начищенные до блеска кавалерийские сапоги, светлые волосы, казалось, излучают свет.

— Доктор, что с Антоном Петровичем? — она кинулась ко мне, едва я вышел.

— Вы кем ему приходиться? — поинтересовался я в свою очередь, хотя фельдшером можно было залюбоваться.

— Никем. Просто знакомая.

— Посторонним сведений не даем, только близким родственникам.

— Ему худо, я знаю.

— Откуда?

— Чувствую. Однако хочу вам помочь.

— Чем?

— Я его вылечу.

— Мы справимся. В крайнем случае переведем в госпиталь.

— Не надо в госпиталь. Отдайте его мне, я знаю, что делать.

— Исключено! — отказал я решительно. — Даже речи быть не может!

Женщина одарила меня долгим взглядом, надеялась, видно, на неукротимое, неистребимое и неистощимое обаяние, на сверхъестественное неодолимое влияние, молча и сосредоточенно настаивала. Мы смотрели не отрываясь — глаза в глаза, и она поняла, что не все здесь в ее силах, не все желания сбываются, не все возможности ей подвластны, а чары ее здесь не действуют — нашла коса на камень.

— Ладно, посмотрим, — пообещала Таисия с некоторой угрозой, с непонятным пока значением, которое я уразумел лишь впоследствии. С явной досадой, не мешкая, она резко отошла в сторону и, ухватив повод, вставила ногу в стремя. Я отдал должное, как легко и ловко она забросила себя в седло и какое у нее упругое, сильное, гибкое тело, я бы сравнил его с тетивой боевого лука. Пришпорив лошадь, она резво ускакала

по лесной дороге в сторону деревни, стать и посадка наездницы выражали недовольство, вызов и твердую решимость, светлые волосы строптиво взлетали в такт скачки.

Между тем соматически генерал находился в норме, организм функционировал исправно, опасений не вызывал. Впрочем, пациент весь день пребывал в сумеречном состоянии с бредом и галлюцинациями, повлиять на психику в нужном направлении пока не удалось, но я надеялся. В конце дня, однако, дежурная сестра доложила, что пациент снова исчез. Сиделка на короткое время отлучилась, десятка минут генералу хватило, чтобы одеться и уйти.

На этот раз он оказался за пределами территории. Охрана на контрольно-пропускном пункте после настойчивых расспросов с трудом вспомнила, что да, генерал, кажется, прошел турникет, как проходил всегда, однако по странной причине запись в журнале отсутствовала, объяснить причину охранники не смогли.

— Наваждение, — сказал один из охранников, немолодой, знающий службу прапорщик. Его молодой напарник мучительно, с головной болью, неуверенно вспомнил, будто генерала увезла какая-то женщина на автомобиле «нива». Автомобиль сержант запомнил, поскольку такой водит его тесть, иногда дает порулить ему, своему зятю.

Паника в подразделении икс и в московском управлении стряслась нешуточная. Прочесали окрестный лес, расспрашивали местных жителей и выяснили, что дома и на службе генерал не появлялся. Контрразведка высказалась в том смысле, что генерал мог скрыться от следствия или его выкрали иностранные службы. И только я один догадывался, что произошло, куда мог деться пациент. Но я пока помалкивал, набрал в рот воды, рот держал на замке, язык, естественно, за зубами. Таисия, без сомнения, употребила природные способности, полученные от мамы, от бабушки и неведомых женщин их рода с незапамятных времен. Впрочем, заподозрить ее никому в голову не пришло. Бесплодные поиски тем временем продолжались.

Спустя неделю на выходных я наведалься в знакомую деревню, лежащую в долине среди лесных холмов. Фельдшер на машине укатила к роженице, которой приспичило рожать, несмотря на воскресный день. Генерал радушно встретил меня в бревенчатом срубе, пахнущем травами и смолой. Еще с порога я отметил хабитус пациента, в облике заметил разительную перемену: ясные глаза, живая мимика, осмысленное лицо.

— Как вы себя чувствуете? — не мудрствуя лукаво, задал я извечный вопрос врачей — мой пациент, как-никак.

— Лучше всех! — бодро и улыбочиво, я бы сказал, даже браво ответил генерал. — Здоров, как никогда, Таисия постаралась. — Он по-хозяйски, словно не в гостях, а в своем доме, выставил из холодильника на стол графинчики с настойками на травах, почках, листьях и ягодах, наполнил рюмки мне и себе и провозгласил тост: — Будем здоровы!

Мы выпили, закусили маринованными грибами, квашеной капустой, черемшой, мочеными яблоками, солеными огурцами и помидорами. Сказать по правде, генералу вздумалось устроить дегустацию, он наполнил рюмки из другого графинчика, я наблюдал нормальное поведение здорового человека. Мы снова выпили, я намеренно задал вопрос на болезную тему, чтобы удостовериться в состоянии пациента:

— Что с памятником?

— Черт его знает! — отмахнулся генерал вполне резонно. — Ума не приложу, чем он досадил птицам, почему они так люто его преследуют. А впрочем, наплевать! Больше не интересуюсь! — Мы снова выпили и нашли, что настойка превосходная, автору удалась. — Кстати сказать, доктор... Если честно, Ленин был довольно токсичной личностью, мерзким типом. Когда они с Крупской ехали куда-то, он всегда шел налегке впереди, она плелась сзади, тащила чемоданы. Ей он объяснял, что должен беречь себя для партии. Скупился на извозчика, гусь лапчатый. Скарденый был — ужасно! —

Генерал разлил по рюмкам настойку из следующего графинчика, мы выпили и отметили высокое качество жидкости. — А чего стоят его бесчисленные телеграммы во все губернии. Требовал от местных большевиков расстрелять заложников из числа буржуазии. В назидание всем прочим! А-а, каково?!

Новая настойка оказалась не хуже остальных, предложи мне кто-нибудь выбрать лучшую, я был бы в большом затруднении.

— Любопытная подробность, доктор... — сказал генерал. — Два года спустя после революции, будучи главой правительства, Ленин надумал стать еще академиком по философии. Академия наук ему отказала. Академики сочли, что он не философ.

— Интересный факт в биографии вождя, — согласился я. — Думаю, об этом мало кто знает.

Выпивка и закуска в доме фельдшера были хоть куда, выше всяких похвал, и некоторое время мы угощались молча. Однако молчать долго было трудно и неуместно, беседа продолжалась.

— Знаете, доктор... Если допустить, что птицы — души покойников, тогда понятно: мстят за какие-то грехи. Чего-чего, а грехов хватало.

— Рад за вас, вы совершенно здоровы! — искренне и откровенно заявил я пациенту. — Что теперь?

— Подаю рапорт, уйду в отставку. Хватит валять дурака. — Генерал наполнил рюмки из очередного графинчика, и мы по достоинству оценили его содержимое. — Пенсию я выслужил, двадцать пять лет оттрубил. Останусь здесь, с Таей. Между прочим, доктор... В деревне при клубе есть вакансия библиотекаря. Тая узнала, меня могут взять, — он наполнил рюмки — не знаю, в который раз, мы оба потеряли счет. — Выпьем, доктор, за мою новую работу! Хоть какую-то пользу наконец принесу.

Мы выпили с чистой совестью и без камней за пазухой, теперь я был спокоен за своего пациента, его состояние опасений не внушало. Фельдшер неделю поила его отварами и настоями, состав зелий и снадобий знали только она, ее мать Авдотья и бабушка Марфа. Когда генерал очнулся и пришел в сознание, Таисия разделась, они наконец легли вместе. С этого дня больной окончательно и быстро пошел на поправку.

Если ничего не скрывать, то, по большому счету, любовь — универсальное лекарство, панацея от любой хвори, рекомендуется всем и каждому, хоть пиши рецепт. Что и делаю охотно, с нескрываемой радостью — рекомендую и пишу: рецепемелиус аматум, что означает — возьми лучше всего любовь... Квантум сатис, что означает — сколько надобно, сколько достаточно, сколько требуется... Дентум талис дозис, что означает — дай таких доз... Сигна, что означает — обозначь... Даю и обозначаю: В НЕОГРАНИЧЕННОМ КОЛИЧЕСТВЕ.

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ. ВЕНЕЦИАНСКАЯ ЛЮБОВЬ

Поездка в Штаты случилась довольно неожиданно. Ничего не предвещало дальнюю командировку, но миром правит случай: в то время военный исследовательский центр «Подразделение икс», где я служил после призыва в армию, разрабатывал научную тему по микромоторике мышц лица и неосознанным движениям тела, чтобы определить, говорит человек правду или лжет. Суть в том, что незаметные, неконтролируемые сокращения мимических мышц и непреднамеренные жесты специалисту выдают тайные умыслы, сокровенные желания, скрытые поползновения, определяют ложь или подтверждают истинную правду. Об эту пору стало известно, что вскоре в одной из клиник университета Сан-Франциско по заявленной

теме состоится научная конференция. Меня срочно командировали в необыкновенный город Святого Франциска, привольно раскинувшийся над просторным океанским заливом, где галсами ходят яхты под цветными парусами, чалятся белоснежные океанские лайнеры, похожие на плавучие города, и вознесся ввысь знаменитый мост Золотые Ворота, который американцы называют великой арфой под небесами. Причудливый и непостижимый город необозримо лежит на обширных холмах, называемых Русскими. И если удалось там побывать и какое-то время пожить, смело можно считать, что повезло, улыбнулась нечаянно удача. К научной командировке тотчас подверсталась разведка, воспользовалась оказией в своих нуждах. Предстояло тайно повстречаться с некоторыми людьми и обследовать их как пациентов — привычная работа, только и всего. Нет смысла таиться и скрывать, в разведке служат тоже люди. Факт, конечно, интересный, но агенты, как и большинство населения, иной раз хворают, их надобно лечить. Время от времени разведка обращались к нам с вопросами или за содействием. Иногда сомнения вызывал диагноз, нам предлагали подтвердить или опровергнуть, иногда требовался прогноз на будущее, а иногда нас просили создать модель поведения конкретного пациента в тех или иных обстоятельствах. Разведку, как правило, интересовали последствия, которые могли возникнуть, а кроме того, действия, которые следовало предпринять.

Что ж, ничего не попишешь, если человек попадает в реанимацию или на операционный стол, где гарантия, что в беспомощности, в бессознательном состоянии, в бреду или под наркозом он себя не выдаст? Не заговорит, к примеру, на родном языке, не пустится в милые воспоминания детства и юности, не выболтает местной жене, с которой он прожил десяток лет, что в Мытищах под Москвой жена давно его заждалась. Рисковать, понятное дело, разведка в любом случае не могла.

Итак, мне предстояла работа в Италии. Несколько человек из европейской агентуры съезжались в легендарную Венецию на медицинский осмотр. Они работали в разных странах, но приболели, их следовало обследовать и решить, что делать с ними дальше: то ли с ущербом для работы вывозить через третьи, пятые, десятые страны домой, то ли оставить в стране пребывания. К местным врачам они, естественно, обратиться не могли по соображениям конспирации и безопасности.

Кстати сказать, прикрытием для моей поездки в Италию образовалась вполне удобная оказия — Венецианский кинофестиваль. Он открывался первого сентября, тысячи людей хлынули отовсюду в сказочный город, затеряться на многолюдном празднике не составляло труда — какие подозрения, если все мы любим кино?

Так или иначе, я летел над Атлантикой из Америки в Европу. Сидя в кресле, я настойчиво пытался вздремнуть под монотонный гул моторов, но не удавалось, не удавалось, мысли занимала работа, которая предстояла мне в ближайшие дни.

По плану разведки прилететь в аэропорт Марко Поло я должен был первого сентября, к открытию фестиваля. Взлетев в аэропорту Кеннеди, самолет час за часом летел над ночным океаном, уверенно глотал пространство. Помнится, я не раз пересекал океан в любую погоду — в штиль и в шторм, когда ходил на торговых и пассажирских судах. Пейзаж, говоря откровенно, вскоре приедается, картина изводит и томит: водная пустыня, и ни кустика, ни деревца, ни паруса, ни дыма над трубой. Бескрайняя равнина колышется мерно от горизонта до горизонта, вздымается и опадает, словно дыхание живого существа. Иногда картину оживляют тугой фонтан и горбатая спина кита, смахивающего на подводную лодку. Лишь спустя несколько суток на полпути между континентами издали покажутся Азорские острова, точно встречные суда в стороне от курса. Встречи с Венецией ждешь с волнением, считаешь дни и часы, душа предвкушает праздник, о котором мечтал всю жизнь. Город кружит голову, вну-

шает тревогу и дарит вдохновение, не случайно поэт Иосиф Бродский избрал Венецию самым желанным местом на планете, стремился туда постоянно, навещал каждую зиму на Рождество.

Раньше я Венецию не посещал, но маршрут изучил заранее. Чтобы не терять времени понапрасну, дорожную сумку при регистрации в Нью-Йорке я предусмотрительно взял в салон как ручную кладь, и когда приземлился, ждать багажа мне не пришлось, таможенный и паспортный контроль в зале прилетов на первом этаже терминала в аэропорту Марко Поло я прошел без задержки, одним из первых.

Сверяясь мысленно с маршрутом, из дверей терминала я повернул налево, за десять минут пешком добрался до причала Алилагуна, откуда удобный катер вапоретто, что означает речной трамвай, обходил венецианские острова. Мне следовало поехать на остров Лидо, где была заказана гостиница.

От причала катер тотчас круто взял лево руля, неспешно пересек открытую воду лагуны и направился в канал острова Мурано, на котором вдоль набережных с узкими тротуарами покачивались лодки, гондолы, катера, маленькие баржи, грузовые баркасы и стояли, тесно прижавшись, старинные каменные дома в два и три этажа — разноцветные, с черепичными кровлями. На Мурано с незапамятных времен жили стеклодувы, их заставил покинуть город венецианский дож из-за боязни пожаров. Дома нравились мне все вместе и каждый в отдельности, они вызывали симпатию, в каждом тянуло пожить или хотя бы зайти на минуту, глянуть мельком, чтобы потом вспоминать.

Вот уж, казалось бы, нет причин для печали — радуйся, дай себе волю, разинь рот и разуй глаза! О чем мечтать, если ненароком случилась Венеция, немыслимая реальность, сказочная действительность, неправдоподобная картина, сбывшаяся мечта. И что печалиться, в кои-то веки повезло, угораздило по службе оказаться в райском месте — служба службой, но и себя не забывай. Однако всю дорогу, пока катер деловито шлепал по лагуне и каналам, я не столько любовался прекрасным венецианским пейзажем, сколько прислушивался к сигналам времени и пространства. Как-никак, мне предстояла тайная миссия, рискованное занятие, я пытался улучшить и распознать предчувствия, уразуметь, что уготовано, что меня ждет. Вскоре после Мурано с левого борта надвинулся остров Лидо, отделяющий венецианскую лагуну от Адриатического моря. Катер вапоретто замедлил ход и, гася скорость, уткнулся в плавучий деревянный причал, обтянутый леерами из стальных тросов. Причал закачался и ответил на толчок мелкой дрожью, словно жаждал оторваться и пуститься в свободное плавание. По своей природе остров Лидо довольно узкий, всего несколько сотен метров поперек, даже плохому ходоку пересечь его не в тягость. Стоячая вода лагуны, откуда я приплыл, слегка пахивала гнилью, но стоило оказаться на берегу, в лицо повеял свежий морской ветер: до адриатического побережья было рукой подать. За несколько минут я быстрым шагом дошел до гостиницы «Капелло», скромного, но вполне удобного приюта «три звезды». Что говорить, архитектор весьма умело использовал клочок земли на берегу канала. Понятно, что задача оказалась не из легких. Канал тянулся вдоль задней стены отеля, с двух сторон вплотную подступали ограды соседних владений. Чтобы добиться максимальной выгоды и получить больше комнат, пришлось под разными углами изогнуть здание, искусно вписать его в маленький участок, ограниченный со всех сторон.

За входной дверью я обнаружил стойку рецепции, крупный телом, немолодой портье с трудом уместился за конторкой из темного дерева. Он приветствовал меня дежурной улыбкой, когда под звон дверного колокольчика я возник на пороге. С внятным стуком он выложил на стойку ключ с большим деревянным брелоком и номером комнаты.

Комната оказалась вполне пристойной, окно выходило на канал, уставленный лодками и катерами. Телевизор в номере отсутствовал, но на тумбочке возле широкой кровати стоял динамик с десятком программ — выбирай любую. Вообще, если честно, кинофестиваль грянул как нельзя кстати, не зря разведка, планируя операцию, назначила ее на первое сентября, по времени совместила с фестивалем. Пестрая фестивальная суета, многолюдная толча и общее возбуждение публики способствовали работе, ради которой из Нью-Йорка я отправился не к себе, в лесную глушь Подмосковья, а в умопомрачительную Венецию. Это ж надо, какая случилась, струсилась, сложилась удача!

Лидо, как известно, означает пляж. Широкие песчаные пляжи тянулись вдоль Адриатического моря с внешней стороны острова. Из отеля «Капелло» я переулком вышел на широкую прибрежную улицу имени писателя Д'Аннунцио и, миновав главный променад острова Гран виале Санта-Мария-Элизабетта, по набережной Маркони направился в отель «Эксельсиор палас», где из года в год размещался штаб фестиваля. Вдоль морского берега по набережной лениво фланировала праздная разноликая толпа, наслаждалась бездельем, роилась и клубилась возле баров и уличных кафе, но самым людным местом оказался кафе-бар «Лион», жизнь здесь кипела и била ключом, олицетворяя сладкое и беззаботное существование дорогого курорта.

С Адриатики дул устойчивый бриз, трепал разноцветные флаги над Дворцом кино и входом в легендарный пятизвездный отель «Ди Бейн», в котором происходило действие романа Томаса Манна «Смерть в Венеции» и где на фестивалях, как правило, живут знаменитые кинозвезды. Отель «Ди Бейн», надо признаться, выглядел довольно прозаично, застенчивый итальянский модерн времен Муссолини. Ветер гулял по широкой набережной Маркони, волновал белые полотняные шатры купальных домиков на морском берегу, кружил над просторным летним кинотеатром «Арена» и безрезультатно бился о мрачные бетонные стены казино, больше похожего на долговременный оборонительный бункер. Сказать по правде, снаружи казино смотрелось не очень привлекательно, архитектура скорее отталкивала, чем завлекала и манила, а впрочем, играть, делать ставки, испытывать судьбу и прожигать азартно жизнь я все равно не собирался.

Стоит, кстати, отметить, кое-где висели афиши скрипача Иегуди Менухина, который гастролировал тогда в городе. Седовласый пожилой музыкант в клетчатой белочерной рубашке одаривал с плаката сдержанной ироничной улыбкой. Пляжи оказались на редкость пустынными, фильмы показывали на пяти площадках с утра до глубокой ночи — какой загар, какой отдых, какие купания? А я подумал, что хорошо бы пробежать по безлюдному пляжу вдоль кромки моря свою дистанцию, привычные десять километров, я пробегал их повсюду, куда забрасывала судьба. Но сейчас даже бассейн и тренажеры я не мог себе позволить, не говоря уже о спарринге на ринге, все мысли затмила предстоящая встреча, назначенная разведкой. Прежде всего конспирация, разумность, бдительность и оглядка — как иначе, если иначе нельзя. Отель «Эксельсиор палас» еще издали привлекал внимание. Бело-розовый, с каменным декором, резными окнами и широкими куполами, какие бывают на мечетях, он напоминал средневековый восточный замок. Оно и немудрено, его построили в новом мавританском стиле для арабских шейхов, даже подобие минаретов соорудили — помпезный ковчег на узкой полосе суши между венецианской лагуной и Адриатическим морем. В просторном холле на первом этаже, где располагался пресс-центр фестиваля, былолюдно, разноязыкий гомон висел над головами, неспешно плавал вдоль и поперек емкого помещения, от стены к стене. За столами в глубине холла сидели девушки, регистрировали заезжих журналистов. Невзрачная, коротко стриженная девица, знающая рус-

ский язык, выдала мне проспекты фестиваля и расписание киносеансов в пяти залах. Если за мной и велось наблюдение, соглядатаи наверняка удивлялись и терялись в догадках: объект вел себя вполне невинно. Слежки, впрочем, за собой я не заметил, но исправно наблюдал за всеми, кто меня окружал, изучал пространство за спиной, изображал праздного зеваку, старался не привлекать внимания, усердно водил кого-то за нос, неизвестно, правда, кого.

Из отеля «Эксельсиор» по широкой белокаменной лестнице, украшенной большими розетками с яркими красными гвоздиками, я спустился на пляж, где рядами тесно стояли белые купальные кабины, похожие на кибитки степных кочевников, и погулял вдоль кромки прибоя, прошелся по деревянному, уходящему в море помосту — коротал время до назначенной встречи. Иногда я спрашивал прохожих, который час, или справлялся у купальщиков, теплая ли вода и какое здесь дно, в точности исполнял наивные рецепты конспирации, которыми меня снабдили. Для дилетанта в чужом деле лучше перебдеть, чем опростоволоситься и попасть впросак.

Первую встречу разведка назначила в ресторане «Парк-отель», маршрут я изучил заранее. С причала Санта-Мария-Элизабетта речной трамвай вапоретто до причалов Сан-Марко, Риалято и площади Рима отходил каждые тридцать минут. Пассажиров оказалось немного, опередив меня, на палубу легко вспорхнула гибкая и грациозная девушка, лица я не видел, но стройные ноги, как водится среди венецианок, росли, похоже, непосредственно из ушей. На плече у нее висела маленькая дамская сумочка с длинным ремнем. Солнце уже поднялось, с лагуны задувал теплый ветер, гнал волну, катер раскачивался, с палубы открылся просторный вид на лагуну и на Венецию, от которого захватило дух. Слежки за собой я не заметил и устроился в кресле на корме. Пока мы плыли, о внешнем наблюдении я не думал, жадно глазел, не мог насмотреться, насытиться, надышаться — озирался, пытался удержать в памяти, присвоить и увезти с собой неповторимую картину, похожую на мираж. В прозрачной дымке, словно в кисее, росли из воды дворцы, соборы, башни, купола... Старые постройки на острове Сан-Джордже-Маджоре даже издали поражали воображение, но выше всех поднялась колокольная церковь Палладио — указующий перст, направленный в небо. Вдоль причалов теснились яхты, частокол мачт возвышался над водой, поодаль маячили остров Джудекка и Стрелка таможни, рядом с которой виднелась церковь Санта Мария делла Салюте. Девушка, которую я заметил еще на Лидо, сидела впереди и читала, склонясь над книгой, густые светлые волосы упали вниз, скрыв лицо. Впереди по курсу распахнулась акватория Сан-Марко, грандиозный вид на Пьяцетту, высокую колокольную, на Дворец дождей, на колонну с крылатым львом, гербом города, на библиотеку Тициана и невероятный собор апостола Марка, покровителя Венеции, — драгоценный ларец, византийская роскошь. Десятки гондол раскачивались на привязи возле чальных свай, укрытые от дождя синими чехлами, некоторые скользили по мутной зеленой воде Большого канала. Вид был вполне узнаваемый по бесчисленным иллюстрациям и все же ошеломил и сразил, я ненасытно шарил взглядом, не мог насмотреться и поверить — неужели я здесь?! Не верилось, не верилось, что это не сон, а явь. О девушке я на время забыл, как вы понимаете, тем более что лица я так и не увидел.

Катер сбавил ход, нацелясь на причал. Мол Рива-дельи-Скьявони неуклонно приближался, я вспомнил, что пора выходить, и поднялся. Девушка читала, наклонив голову, ветер с лагуны шевелил ее волосы, время от времени она поправляла их узкой тонкой рукой с дорогим старинным перстнем. Я заглянул через ее плечо в книгу, прочитал на английском языке первую попавшуюся фразу: «Женщину теряешь так же, как теряешь свой батальон...» — фраза показалась знакомой. Катер размашисто по-

качивался с борта на борт, взгляд скользил и спотыкался, шатко ковылял по строчкам книги, осиливая качку, с трудом цеплялся за слова: «Я потерял в своей жизни три батальона и трех женщин, а теперь у меня четвертая, самая красивая из всех, и чем же, черт подери, это закончится?» Я знал эту книгу. Полковник американской пехоты Ричард Кантуэлл берет на службе короткий отпуск и едет в зимнюю Венецию, чтобы поохотиться на уток в топких болотах венецианской лагуны и навестить в городе свою последнюю любовь — девятнадцатилетнюю красавицу из богатой и знатной венецианской семьи, графиню Ренату. Утки, между прочим, как невзначай обронил автор, прилетели зимовать из России.

В книге полным-полно несравненных описаний Венеции, утиной охоты, хорошего вина и вкусной еды, прекрасных сцен любви, автор знал толк и в том, и в другом, и в третьем. Я зачитывался книгой в юности — еще бы, романтические грезы, умопомрачительная любовь, охота, бары-рестораны, настоящая мужская жизнь! Роман «За рекой в тени деревьев» Хемингуэй написал вскоре после войны, ее отголоски встречаются в романе на многих страницах.

— Across the river and into the trees, — внятно и отчетливо произнес я вслух по-английски и поспешил к выходу. Катер тем временем причалил, вахтенный матрос наматал чальный конец на кнехт и распахнул дверцу фальшьборта, а я, кровь из носа, не мог опоздать на встречу. Не будь ее, не назначь разведка заранее операцию, я, конечно, повременил бы выходить и не сошел бы, пожалуй, на причале Рива-дельи-Скьявони, плыл бы дальше — туда, по крайней мере, куда плыла незнакомка. Как говорится, хотя бы в глаза заглянуть. На молу Рива-дельи-Скьявони, куда причалил катер, посиживали и постаивали в ожидании седоков гондольеры в полосатых майках, концы цветных ленточек на плоских соломенных шляпах-канотье трепал ветер с лагуны. Их невесомые суденышки, привязанные к сваям, беспокойно раскачивала прибрежная зыбь, остроносые, круто изогнутые лодки, чьи форштевни смахивали на бивни носорогов, беспрестанно сновали вверх-вниз — искололи, изрешетили, испещрили уколами здешний воздух. На черных лаковых бортах поигрывали солнечные зайчики и водяные блики. Вездесущие туристы угощались в баре «Белла виста» и в ближайшей джелатерии, где мороженое всех цветов манило прохожих бесчисленным разнообразием. Людно было и в чистеньком уличном кафе «Понте-делла-Пие-та» с его плетеными стульями цвета свежей зелени и красными скатертями. Я пересек Соломенный мост над каналом Рио-ди-Палаццо позади Дворца дождей, пьядетта Сан-Марко встретила меня пестрой разноголосицей на всех мыслимых языках, приезжие из многих стран заволокли, запрудили сообщая с местными голубями площадь до отказа. Туристы фотографировались на каждом шагу, громко перекрикивались, голуби путались под ногами, шарахались, вспархивали и садились, а иногда тучей беспричинно срывались с места и под оглушительный треск крыльев перелетали на другой конец площади. Не хотелось, но пришлось, я окунулся в толчею, в шум и гам, в суетное мельтешение, толпа клубилась и перемещалась туда и сюда, голова шла кругом. Неожиданно — с чего вдруг? — наступила тишина, как мне показалось. Вроде бы все вокруг приумолкло, притихли, онемели, прикусили языки. И вроде бы приостановились на какое-то мгновение, прекратили двигаться и сновать, и не только люди, но и голуби по непонятной причине застыли, видно, ощутили важность момента, прислушались и прониклись. В наступившей на площади Сан-Марко тишине мне показалось, кто-то меня окликнул. Нет, звук не долетел, не достиг слуха, я почувствовал чужой взгляд, который ошутимо тронул спину, будто прикосновение руки. Я даже успел подумать: неужто слезка, неужели задержание и арест?! Вполне могло случиться, нет никаких сомнений.

Катер вапоретто, на котором я приплыл с острова Лидо, только-только отошел от причала. Девушка с книгой в руке поднялась и смотрела на берег, словно глазами встречала или провожала кого-то; на плече у нее висела маленькая дамская сумочка на длинном ремне. Наконец я увидел лицо девушки, мы встретились взглядами. Конечно, она была необыкновенно хороша собой, я затаил дыхание, влюбился с первого взгляда и даже подумал, что могу воочию представить графиню Ренату, возлюбленную полковника Кантуэллы из романа Хемингуэя «За рекой в тени деревьев»: красивое лицо, умные глаза, высокая порода, хорошая из века в век наследственность, благородная внешность. И не исключено, девушка была дочерью графини Ренаты или внучкой — те же черты, плод моей фантазии. Ах, мечтаешь, мечтаешь найти свою половину, да вот же она — безвозвратно уплывает по венецианской лагуне!

Речной трамвай напористо взял курс на Большой канал. Мы смотрели не отрываясь — глаза в глаза, катер уходил, и ей пришлось обернуться. Мы расставались навсегда, я почувствовал тоскливое сожаление, надежда на встречу улетучивалась с каждым мгновением. Катер неудержимо удалялся, она уплывала, уплывала, горькое чувство утраты саднило внутри, тягостно ныло сердце. Мне показалось, и она сожалела, в лице угадывалось разочарование. Но что делать, что делать, хочешь не хочешь, уже не встретимся никогда, судьба не стучит, как почтальон, в дверь повторно. Впору было кинуться следом, бежать сломя голову вдоль каналов, срезать мостами и перулками расстояние, чтобы поспеть вперед катера на другой причал. До моста Риальто на Большом канале и площади Рима вапоретто делал несколько остановок.

Что говорить, будь моя воля, я бы и побежал, быть может, если бы не работа: опоздать на встречу я не мог. Работа ждала меня, не отпускала, стерегла неотлучно и неотступно, караулила неотвязно, увесистыми веригами давила на плечи, сковывала по рукам и ногам. Нравится не нравится, я себе не принадлежал: служба — тяжелая ноша, веское бремя, непомерный груз. Впрочем, если бы не служба и не предстоящая работа, я бы не попал сюда вовсе, дивный город Венеция остался бы несбыточной мечтой.

Теперь следовало подумать о безопасности. Прежде чем отправиться по маршруту разведки в «Парк-отель», необходимо было осмотреться, проверить, нет ли слежки.

Я медленно побродил по набережной — туда и сюда, прошел мимо гостиницы «Лондра палас», старого здания из серого камня с резными балконами. Доска на стене указывала, что в декабре 1877 года здесь две недели жил великий русский композитор Чайковский. Гуляя, я заглянул в бар «Леони», столы под розовыми скатертями и плетеные стулья тесно стояли внутри и снаружи, под открытым небом. Я задержался возле широкой витрины, как бы изучая меню, сам в стекло наблюдал за улицей. Но все было мирно, спокойно, безмятежно, никто, похоже, за мной не следил или вел наружное наблюдение весьма умело, я, во всяком случае, ничего не заметил. Миновав бордовое четырехэтажное здание с белыми балконами гостиницы «Савойя», я вышел к причалу катеров на Мурано и пристани водных такси. Вдоль набережной длинной цепью в два ряда тянулись уличные фонари, похожие на большие канделябры по три фонаря из белого и малинового стекла на каждом. Я подумал, что хорошо бы оказаться здесь ночью, красивое, должно быть, освещение и не менее красивое его отражение в канале.

Набережная Рива-дельи-Скьявони смахивала на провинциальную ярмарку в базарный день, такого скопления людей я не ожидал. Вокруг бравурного конного памятника савойскому королю Виктору-Эммануилу, победно вскинувшему саблю, текла густая толпа, яблоку некуда было упасть. К полудню широкая набережная заполнилась до отказа — не протолкнуться, катера вапоретто причаливали один за другим, высаживали пассажиров, и казалось, еще чуть-чуть, начнется давка.

Тем не менее по правилам конспирации требовалось дотошно проверить за собой местность. Я подумал, что ведись за мной слежка, в тесноте ее трудно организовать, как и заметить — все равно что иголку в стоге сена искать. По здравому смыслу наружное наблюдение проще обнаружить на безлюдной улице, на берегу пустынного канала — любой человек на виду. Обойдя белое помпезное здание гостиницы «Даниэли», на фоне которого памятник савойскому королю смотрелся особенно выразительно, я скрылся в низкой подворотне соседнего желтого дома и вышел на узкий канал, где сразу наткнулся на участок карабинеров. Старый дом, казалось, погрузился в канал, вода плескалась у порога. Вдоль фасада тянулся дощатый причал, возле которого покачивались на привязи быстроходные служебные катера. Рослые красавцы карабинеры в щеголеватых темных мундирах с красными лампасами картинно по-стаивали на причале, словно актеры на театральных подмостках, другие выглядели не так празднично: скромная полевая форма, темные береты, на плечах автоматы. Я почувствовал беспокойство, волнение и холод в груди, да и сердце болезненно жалось: встреча с полицией и карабинерами не входила в мои планы. А вздумай разведка меня контролировать и отслеживать, вполне могла решить, будто я добровольно явился в участок, чтобы сдать. Подумать только, куда ненароком и невзначай может вывести простая случайность! На ловца и зверь бежит, как говорят в народе.

Впрочем, обошлось, карабинеры не обратили на меня внимания, моего присутствия, похоже, не заметили, обсуждали свои дела, я прошел мимо, изобразив безразличие. Рулевой катера в поисках радиочастоты лениво вращал ручку настройки, из радиации мне вслед доносились переменчивые звуки эфира: обрывки музыки, разнотонных голосов, свист, треск электрических разрядов. Мне ничего не оставалось, как вдоль узкого канала Рио-дель-Вин неспешно вернуться на многолюдную набережную, откуда я пришел. Перейдя Понте-делла-Польо, Соломенный мост над Дворцовым каналом, я побрел к площади Сан-Марко, где механические черные мавры, взобравшиеся на крышу Часовой башни, с размаха били молотами в большой колокол, отбивали полдень, двенадцать звонких ударов разносились над площадью. Что ж, работу никто не отменял, я готовился к встрече. Напустив на себя беспечный вид, я обогнул сапранпале, высокую остроконечную колокольню из красного кирпича, и обошел площадь, ограниченную со всех сторон красивыми зданиями: старой и новой прокураций, Часовой башней, кружевным собором Сан-Марко, построенном еще тогда, когда Венеция оставалась провинцией Византии, и ажурным Дворцом дождей, который напоминал драгоценный ларец, изготовленный виртуозными ювелирами. Меня, разумеется, интересовали архитектура и подробности венецианской жизни, но думать в первую очередь приходилось о безопасности. Со своей стороны разведка прежде всего настаивала на тщательной рекогносцировке местности, и я непринужденно прогуливался вдоль крытых галерей и арок, где повсюду тесно соседствовали рестораны и сувенирные лавки. Вдоль площади тянулись бесчисленные уличные кафе — сотни круглых столиков, цветные металлические стулья с плетеными сиденьями и рекламой «чинзано» на спинках. В проходах между столиками ловко скользили лощеные официанты в белых пиджаках с узкими погончиками из витых золотых шнуров. Среди заведений, укрывшихся в галерее под арками, выделялось знаменитое кафе «Флориан», роскошные залы напоминали музей. Цены были убийственные, но я пренебрег дороговизной, сел на гнутый тяжелый дубовый стул, отделанный кожей, выпил чашку ароматного чая, подышал здешним воздухом и как бы посидел за одним столом с теми, кто бывал здесь до меня — подсел к ним, можно сказать, присоседился. Странное, надо признаться, чувство испытал я в кафе «Флориан». Это было первое в Европе кафе, за две с половиной сотни лет здесь посиживали мировые знаменитости из многих

стран: Гёте, Байрон, Казанова, Диккенс, тот же Хемингуэй, когда писал роман «За рекой в тени деревьев». Что ж, посмотри по сторонам и задумайся, оцени и проникнись: каких людей выдвигали эти стены! Однако нынче я думал не о них, мне мерещилось, кто-то пристально наблюдает за мной, будто незнакомый тайный соглядатай явился в кафе «Флориан» с его роскошным буржуазным интерьером, дорогой мебелью и расписными потолками. В причудливо оформленных залах на стенах висели картины старых мастеров, по соседству, в двух-трех столиках от меня, кофейничала пожилая пара — божьи одуванчики, как принято говорить. Седые и хрупкие, они были на редкость похожи между собой — что он, что она, видно, давно жили вместе. Старики молчком слушали маленький радиоприемник, сдвинув над круглым столиком морщинистые лица, забыли о кофе, который стыл в чашках, исходя паром. В кафе «Флориан» и на площади Сан-Марко играли маленькие оркестры, ансамбли старинной музыки и одинокие солисты, томительные давние мелодии плескались под арками сумрачных галерей. Я бродил из лавки в лавку вдоль широких стеклянных витрин, разглядывал изысканные местные кружева, перчатки, соломенные шляпы гондольеров, изделия из муранского стекла, веера, бесчисленные женские украшения, от которых рябило в глазах, и карнавальные маски. Знаменитые венецианские карнавалы с давних пор слышат разгулом буйного веселья и любовной страсти.

Понятно, что инструкции и рецепты, которыми снабдила меня разведка, вполнегодились дилетанту. Я усердно следовал правилам конспирации, совершал иногда мелкие покупки, выбирал открытки с видами Венеции, не забывая, разумеется, обозревать пространство за спиной, и, как отпетый зануда, придирчиво ощупывал взглядом каждого прохожего, особенно тех, кто наводил в мою сторону фотокамеру. Ничего подозрительного, однако, я не заметил, хотя ручаться, биться об заклад, конечно, не мог: у меня другая профессия.

Выждав положенное время и обозрев местность, я отправился на встречу в «Парк-отель». За аркой в Часовой башне узкие старые улицы и переулки уходили в глубь города, я миновал потемневшие от времени дома, в них помещались итальянская и бразильская авиакомпании, перед магазином «Стекло Мурано» журчал древний круглый фонтан с истертыми мраморными ступеньками. Меня удивило количество баров, их было больше, чем прохожих. Внимание привлекла мрачная гостиница «Конкордия», грязно-желтая, с глухими коричневыми ставнями, за которыми еще издали внятно угадываются зловещие преступные заговоры, тайные сборища, загадочные исчезновения и нераскрытые убийства.

Виа Мерцерия, Галантерейная улица, насквозь пересекала излучину Большого канала. Мимо церкви Сан Зулиан я вышел к Военному каналу, Рио-Гуэрро, который под прямым углом сходил с каналом Рио-Фава. Меня вела, ни дать ни взять, сказочная дорога. Старинные желтые, серые и розовые дома, украшенные искусной резьбой по камню, живописно отражались в каналах. Их подклеты из белесых, вытравленных морской солью камней, покрытые водорослями, шербохатые мраморные ступеньки и пороги, за века истерты ногами и растрескавшиеся от времени, утопали в мутной зеленой воде, солнечные блики переливались на стенах. Каждый дом разительно отличался от соседних, имел свою индивидуальность и жил сам по себе, собственной особой жизнью. Все вместе и каждый по отдельности дома приковывали внимание, возле каждого хотелось постоять без оглядки на время. В другой раз я бы и впрямь постоял, помечтал, полюбовался, но сейчас навязчиво помнилась назначенная разведкой встреча, гвоздем сидела в голове, настойчиво вторгалась в мысли. Ориентиром на карте разведки служила церковь Святого Варфоломея, от нее было рукой подать до моста Риальто, ступенчато висящего над Большим каналом. Рынок

Риальто, сырные и галантерейные лавки, расположенные по обе стороны моста, радовали, конечно, взгляд, глаза разбежались, но я мужественно прошел мимо, не задерживаясь, будто сквозь строй — понятно, какой стоило выдержки и каких усилий. За мостом Риальто дорога, ломаясь, шла короткими отрезками вдоль каналов — от церкви к церкви, от моста к мосту. Сначала я миновал церковь Святого Сильвестра, потом Сан Поло, следующей оказалась готическая базилика Фрари из красного кирпича, за ней торжественная, в стиле высокого Ренессанса церковь Сан Рокко, украшенная многочисленными скульптурами. Чуть позже за каналом Менегетти я отыскал церковь Святого Николая, монументальную и довольно внушительную постройку в позднероманском стиле, поблизости от которой на другом берегу канала Рио-Толентини открылась наконец долгожданная гостиница «Парк-отель».

Не секрет, заметить умелую слежку на улице отнюдь не просто. Мне, во всяком случае, пока не удалось. Может, ее и не было вовсе, но она мерещилась повсюду — у страха глаза велики. И то правда, чем ближе я подходил к месту встречи, тем сильнее меня одолевали сомнения, в каждом прохожем мнил я тайный наблюдатель — пуганая ворона куста боится.

Площадь Толентини перед собором Сан Николо деи Мендикколи довольно просторная по венецианским меркам, со стороны колокольни она граничит с узким каналом Святой Терезы, уставленным моторными лодками. Редкие туристы, заезжие паломники и местные прихожане неторопливо прогуливались вокруг церкви, и прежде чем направиться в «Парк-отель», я решил осмотреться напоследок — не дай бог, приведу кого-нибудь за собой. Для разведки встреча представляла особую ценность, лишняя предосторожность не повредит.

Обстановка на площади перед церковью наблюдалась вполне сонливая, но дремать не приходилось, я сосредоточенно изучал окрестности. Курчавый уличный художник цветными мелками рисовал по памяти виды Венеции. Две молодые веселые монахини в огромных белоснежных капорах второпях, улыбочиво и почти игриво скользили мимо, как яхты под парусами. Они скрылись за тяжелыми дверьми собора, откуда донесся переливчатый звук органа. Я подумал, что и мне не грех заглянуть туда: в некоторых фильмах о шпионах католическую церковь нередко используют для тайных встреч и скрытных наблюдений. Внутри церковь Сан Николо производила неизгладимое впечатление. Ее построили в глубокой древности, когда район Толентини славился бедностью, почти поголовной нищетой. Тогда здесь во множестве жили попрошайки, неизменно пробавлявшиеся исключительно подаванием на церковной паперти. С тех пор церковь много раз перестраивали, и теперь центральный неф поражал богатым внутренним убранством, дорогой резьбой, золотистыми арками и колоннами, росписью на стенах и потолке, выразительными статуями над алтарем. Правда, нищих на паперти, просящих милостыню, я не заметил, хотя церковь по-прежнему называлась деи Мендикколи, церковью попрошаек — куда они подевались, хотелось бы знать?

В церкви было пустынно, дневной свет лился из широких верхних окон под толчком и вкрадчиво проникал из боковых галерей. Зайдя внутрь, веселые монахини посерьезнели и преклонили колени перед алтарем. Невидимый органист репетировал хорал Баха, готовился к мессе, звук органа до краев наполнял емкое помещение, размашисто плескался под высокими сводами. Массивные скамьи из темного дерева приглашали сесть, забыть о спешке, отрешиться от суеты и призадуматься, поразмыслить о превратностях существования. Я присел в последнем ряду, музыка уместно сопровождала течение мысли.

Время от времени музыкант брал паузу, в тишине сипло вздыхали органные трубы, инструмент переводил дыхание, наполнял легкие воздухом. Пока я сидел, в цер-

кви никто не появился, явно за мной никто не следил. В глубине души, однако, я понимал чужое присутствие, словно кто-то скрытно наблюдал со стороны. Мне казалось, прошло много времени, часы показали несколько минут.

Между прочим, снаружи ничего не изменилось. Как раньше, на площади перед церковью фотографировались редкие туристы, постаивали и прогуливались заезжие паломники и местные прихожане. В любом случае ничего подозрительного я не заметил.

К слову сказать, лучшего места для обзора и наблюдения, чем горбатый мостик над каналом, трудно сыскать. Вроде бы с высокой точки любуешься архитектурой как впечатлительный турист, глазеешь в свое удовольствие, возвышенно мечтаешь с поэтическим настроением в мимике, не можешь наглядеться на венецианскую бирюзовую воду, а сам внимательным образом беспрепятственно контролируешь местность. С гребня моста, вздыбившегося над каналом Рио-Толентини, распахнулись окрестности: площадь перед церковью Сан Николо деи Мендиколи, узкие набережные и канал в обе стороны от моста. Изогнувшись, канал Толентини под прямым углом сворачивал к лагуне, а здесь, на мысу, высился «Парк-отель», современное здание о семи этажах, редкое явление в заповедном городе. Одинокая гондола, застыв, смиренно покоилась в неподвижной воде перед входом, упрятанным под навес. Название гостиницы вполне оправдывал зеленый остров внутри квартала с высокими деревьями, стриженными кустами, густыми зарослями, газонами, клумбами и лужайками. Тенистый парк позади отеля выходил на Большой канал.

Из воды в гостиницу вела скромная лестница в бордовых тонах, на стене висел желтый фонарь, возле входа я никого не заметил, полное безлюдье, неподвижная, стойкая, непоколебимая тишина. Казалось, заблаговременно объявили тревогу, всех предусмотрительно сдуло — ни души в поле зрения, ни одного человека.

Пустынно было и в холле, словно все попрятались кто куда, только уютный ресторан, отделанный диким камнем, наглядно доказывал, что на планете теплится жизнь. Редкие посетители тихо обедали, не привлекая внимания, из интерьера в зале мне приглянулись сплетенные корни, сухие и сучковатые, они противоестественным образом тянулись из земли вверх, где вечнозеленый плющ сплошь оплел и надежно укрыл помещение. Задняя стена оказалась стеклянной, к ней вплотную подступали сумрачные заросли парка, отсюда, из ресторана, они напоминали джунгли. Обозревая зал, я замедлил на пороге шаги, ошупал взглядом редких посетителей. Нельзя сказать, что я испытывал страх, но волнение, которое с утра тлело в груди, неожиданно проснулось и коснулось сердца. По большому счету, наступил момент истины — что угодно могло сейчас произойти, если кто-то из нас ошибся, сплеховал, попал впросак.

Тот, с кем предстояла встреча, уже сидел за столом, я заметил его по фотографиям, которые изучил в подразделении икс. Мы обменялись условными фразами, и я сел напротив. Агент мало напоминал соотечественника, что и немудрено: он давно жил в чужих краях. Говоря откровенно, я ничего о нем не знал — кто он, откуда прибыл, где и кем работает — меня не посвящали из соображений безопасности, естественно, а интересоваться, допытываться мне и в голову не пришло. Даже страну пребывания я не знал, но и то правда: меньше знаешь — крепче спишь. По моим догадкам, разведка неограниченно дорожила агентом. Его долго и тщательно готовили, засылали через промежуточные страны, годами кропотливо внедряли, подстилали солому, чтобы ни сучка ни задоринки, комар носа не подточил. И сладилось, в конце концов разведка своего добилась, он попал, куда намечали, и делал карьеру, успешно продвигался по службе. Теперь его ждало повышение, желанная для разведки должность, которая сулила ценную информацию. Но вот загвоздка: обязательным условием предполагалась дотошная проверка на полиграфе, без нее доступа не получить. Такое правило за-

вели в секретном ведомстве, где нынче служил агент, что с определенного уровня весь руководящий состав подвергался контрольным проверкам — ни отказать, ни уклониться, ни избежать. И мало того, отказ мог вызвать законное подозрение, вся работа пошла бы насмарку, годы скрупулезного труда. Не говоря уже о серьезной опасности — провал, арест, тюрьма... Когда-то, в годы учебы, он прошел длительную подготовку, знал, как преодолеть детектор, но это было давно, с тех пор и приборы усовершенствовались, и методику изменили. Так или иначе, агент срочно нуждался в консультации, специально прилетел, чтобы встретиться со мной. Круглый стол под кремовой скатертью был сервирован на четверых: наборы разнообразных вилок, ножей, бокалов и рюмок. Да и посуда радовала глаз — тонкий дорогой фарфор с эмблемой ресторана «Парк-отель». Впрочем, свободных столов в зале осталось довольно много, мы надеялись, к нам никого не подсадят: гнутые венские стулья с желтыми плетеными сиденьями пустовали по всему залу.

— Съедите что-нибудь? — спросил агент по-английски и предложил венецианскую кухню, сказал, что угощает. Разумеется, я не ломался, согласился сразу — когда еще повезет? Тем более что в гостиницу «Капелло» на острове Лидо, где меня ждали паста, то есть макароны, и комплексный обед, я уже не поспевал. Нам, командировочным из провинции, нет возможности ходить по дорогим ресторанам, а тем более — платить. И что тут скажешь, цены в зарубежной действительности сводили нашу бухгалтерию с ума, валюта подлежала строгой экономии и отчету. Впрочем, цены в меню, похоже, не заботили агента вовсе. Роберт, так он представился, заказал на закуску *verdure fritt*, ассорти из жареных овощей, и *polpette di granchio*, котлетки из крабов. На первое вместо привычного супа нам подали *riziebizi*, ризотто с зеленым горошком, жареной грудинкой, луком и петрушкой, обильно посыпанной тертым пармезаном. Вторым блюдом оказалась *baccala alla vicentina*, вяленая треска, тушенная с помидорами, каперсами и луком. Мы поговорили о том о сем, больше о кинофестивале, обсудили последние фильмы, актеров и режиссеров и, что греха таить, для постороннего наблюдателя вполне сошли бы за киноманов, для которых фестиваль — манна небесная. Говорить за столом о делах, которые привели нас сюда, мы не стали из соображений безопасности, стол мог прослушиваться, а наблюдай кто-нибудь со стороны, тему и содержание разговора легко определить по артикуляции. Правда, мы и вина не заказали, обошлись минеральной водой, к вящему удивлению официанта, ведь подлинная венецианская кухня предполагает определенные вина провинции Венето. Но официант не знал, какая ясность мысли нам требуется, какие усилия, концентрация внимания и сосредоточенная вдумчивая работа нам предстоят, а кроме того, незамутненное трезвое сознание — мы не могли рисковать. Время от времени мы выходили в сад, непринужденно прогуливались среди зарослей и, убедившись, что дорожки не просматриваются, обсуждали задачу, которую нам следовало решить. Когда-то Роберт прошел основательную подготовку, учился преодолевать детектор лжи. Создавая легенду, разведка планомерно учила агента лицедейству, вводили в образ персонажа, которым предстояло стать. Профессиональные актеры и режиссеры преподавали сценичное мастерство, натаскивали на максимальное перевоплощение. Не секрет, хороший актер умеет слиться с персонажем, которого изображает. Пока артист на сцене, он себя забывает, себе не принадлежит, для него нет разницы между собой и личностью героя. Да, умелый актер искренне верит, что он тот, кого играет, его поведение соответствует роли — по системе Станиславского, естественно, в предлагаемых обстоятельствах. Специалисты знают, что актеры и люди с явными сценическими задатками, умеющие вживаться в образ, привыкшие существовать в чужом обличье и способные выдать смех и слезы по надобности или на заказ, могут уверенно

обвести полиграф вокруг пальца. Если испытуемый склонен к перевоплощению, физиологические показатели организма — пульс, дыхание, потоотделение, даже КГР, (кожно-гальваническая реакция), показывающая электрический потенциал кожи, — будут соответствовать показателям изображаемого персонажа. Аппарат не различает достоверную иллюзию и реальность, для него между придуманным образом и конкретной личностью дистанции нет, характерных изменений он не обнаружит. Не случайно проверка на детекторе психопатов, у которых нет адекватного восприятия действительности, и патологических лжецов, которые сами верят в свою ложь, бессмысленна и бесполезна. Для прибора их грезы и выдумки оборачиваются правдой, он даже ухом не ведет, глазом не моргнет. А пациентов с маниакальным психозом или шизофренией, не замечающих разницы между иллюзией и реальностью, на полиграфе вообще не исследуют — пустая затея, бездарная трата времени. На десерт официант принес нам bussola, торт, пропитанный вином марсала, мы решили, что десерт нам не повредит, вина в нем кот наплакал, а хороший кофе обострит восприятие. И что лукавить, кофе с тортом буссола повышает настроение, улучшает самочувствие, гонит кровь по жилам и внушает оптимизм. Как говорится, то, что доктор прописал — надо ли спорить, стоит ли возражать? Переговариваясь, мы прогуливались в парке, иногда возвращались к столу, демонстративно и горячо беседовали о кино и снова гуляли, вполголоса обсуждали насущную проблему.

— Если хотите, я пойду вместо вас, — предложил я агенту, и он ухмыльнулся, оценил шутку.

— Я бы с радостью, но боюсь, фирма будет возражать, — ответил Роберт и сказал, что в свое время его вдумчиво и усердно натаскивали, чтобы нейро-гуморальная регуляция организма в любых ситуациях проявляла устойчивость и оставалась стабильной даже в условиях стресса. Что ж, выучка пришлось кстати, метаболизм, или, говоря проще, обмен веществ, сохранял равновесие при дотошных проверках на полиграфе, а следовательно, и физиологические реакции практически не менялись. Дрессура оказалась удачной, на зачетных проверках агент показал хорошие результаты, водил полиграф за нос, и все годы Роберт занимался аутотренингом, преуспел в медитации и самовнушении, а кроме того, настойчиво отрешался, отстранялся, отдалялся от подробностей и опыта прошлой жизни. Нынче, однако, спустя годы, агент опасался проверки. Мне предстояло вывести его из сомнений, укрепить веру в себя, ведь полиграф не любит победителей: на быстрые и уверенные ответы в приборе начинаются разброд и шатания, показатели и выводы идут вкривь и вкось. Прежде всего, как водится, следовало разрушить мнение о точности и непогрешимости детектора, развеять и развенчать миф о его проницательности и непогрешимости. Миф придумали заинтересованные фирмы и операторы, которые бьются за кусок хлеба. На самом деле достоверность полиграфа в практическом смысле довольно мала, расчет делается на мистический страх, который он внушает обычному человеку — с улицы, как принято выражаться. Дескать, ничего не скроешь, не утаишь, не спрячешь, даже не пытайся. Лабораторные и полевые испытания в подразделении икс показали, что осмысленно использовать полиграф удастся лишь в половине случаев, да и то без гарантированного результата. С подготовкой, которую прошел Роберт, точность показаний вообще значительно падает. Так или иначе, свои выводы я изложил собеседнику, он заметно повеселел, и, похоже, у него отлегло от сердца. Для убедительности я вспомнил исследования Северо-Западного университета, расположенного в пригороде Чикаго Эванстоне, штат Илинойс, которые показали, что если испытуемый убежден в своем превосходстве, отвечает быстро, легко и уверенно, то аппарат начинает буксовать, теряет калибровку, настройка сбивается, прибор считывает лишь приблизительную информацию и не делает различий между правдой и ложью.

— В американском университете считают, что полиграф почти всегда врет, но мы к слову «почти» отнесемся серьезно, — сказал я агенту. — Шапками забрасывать не будем.

— Я готов, доктор, командуйте. Помогите мне, в долгу не останусь.

Теперь следовало поразмыслить, что предпринять. Я поинтересовался, есть ли у него хронические заболевания, он пожаловался на вегетативно-сосудистую дистонию, которая проявлялась иногда в скачках артериального давления, потливости и периодической аллергии на ультрафиолет, то есть в солнечных дерматитах.

— Прекрасно! — непроизвольно обрадовался я. — Очень хороший диагноз!

— В каком смысле? — удивился Роберт, и я объяснил ему, что заболевание вполне уместное, можно воспользоваться фармакологическими средствами, они введут детектор в заблуждение, умело его одурачат. Скажем, гипотензивными препаратами, которые снижают артериальное давление, и бета-блокаторами, они препятствуют выработке адреналина. Мы сосредоточенно переговаривались, гуляя по ухоженному парку, шаг за шагом я вникал в особенности чужого организма. Свежий ветер с лагуны пробегал иногда по верхушкам деревьев, рождая в парке шелест листьев, но слабел и сникал в густых зарослях. Роберт подозвал официанта, расплатился, оставил чаевые, и мы поднялись в номер, чтобы продолжить занятия. Первым делом он включил маленький прибор, замаскированный под фотоаппарат, который показал, что скрытых камер и микрофонов в номере нет, съемку и запись никто не ведет. Убедившись в безопасности, мы продолжили работу.

— А если зададут вопрос, принимал ли я что-нибудь? — поинтересовался агент, снимая одежду.

— Вы честно, не моргнув глазом, ответите: «Да, принимал», это соответствует действительности, что и зафиксирует аппарат. Ваш диагноз оправдывает применение фармакологии. Понятно, что вы принимаете лекарства.

Надо ли говорить, я обследовал его самым внимательным образом, проверил рефлексы и двенадцать пар черепно-мозговых нервов, сенсорные анализаторы и реакцию кожи, изучил эндокринную систему, дотошно прослушал сердце и легкие.

— Жить буду? — полюбопытствовал Роберт с усмешкой.

— Еще как! — бодро успокоил я агента. — Лучше всех!

— Ладони мокнут, — огорченно посетовал он, предъявив руки.

У него на самом деле пошаливала вегетативная система, которая независимо от сознания днем и ночью автоматически регулирует процессы жизнедеятельности. Функцию коры головного мозга, то есть деятельность центральной нервной системы, пациент умело и старательно контролировал, как его научили, но длительное подавление инстинктов и желаний, а кроме того, невозможность расслабиться, по обыкновению, аукнулись на подсознательном уровне, сублимация разладила функцию вагуса, то есть парасимпатику, которая сознанию не подвластна. Если честно, я против искусственных средств и способов борьбы с полиграфом. Обычно поверхностные знатоки рекомендуют покусывать на сеансе кончик языка или как можно сильнее прижать язык к нёбу, напрячь икроножные мышцы, вдавить пальцы ног в пол и свести глаза к носу, что якобы помогает отвлечься от полиграфа, сосредоточиться на внутренних ощущениях. Когда-то некоторые умники даже советовали подкладывать в обувь канцелярские кнопки, чтобы боль путала детектору карты. Выделение пота, по мнению знатоков, следует подавить антиперспирантами. Однако любой из способов легко обнаружить, механический — с помощью дополнительных датчиков, химию — по запаху и цвету. В любом случае толковый и наблюдательный оператор заподозрит умысел и обман. Нет, я предпочитал натуральные способы, которые всегда можно объяснить и обосновать естественной причиной. В подразделении икс применяли

способ «якорь»: человека тренировали, чтобы сократить латентное время, другими словами, ускорить реакцию, и обучали, как сразу переключить себя в требуемое психофизиологическое состояние. Впрочем, существуют и другие способы. Для притупления сенсорной чувствительности кое-кто использует недосып и физическую усталость. Если мало спать, но много бегать, плавать, рубить дрова, активно посещать тренажерный зал, а накануне проверки выпить приличную дозу крепкого алкоголя, то на фоне усталости и похмелья образуется вялая реакция, показания сглаживаются, полиграмма с трудом поддается расшифровке. Нелишним будет за час до проверки выпить литр воды, чтобы жгучая мечта о туалете затмила все мысли — отвлекает почище острой кнопки в ботинке.

Как бы то ни было, мы обсудили каждый способ, оценили с разных сторон, и незаметно для агента я постепенно внушил ему уверенность, сомнения улетучились, тревога развеялась. Вдобавок я предложил ему навестить меня в гостинице «Капелло» на острове Лидо, чтобы в спокойной обстановке провести еще один сеанс, закрепить достигнутое. Долго ли, коротко ли, мы условились о встрече на Лидо, я собрался уходить, когда Роберт озабоченно заметил:

— Доктор, с верхним и нижним дыханием я справлюсь, а что делать с руками? Дезодорант не годится. Как правило, любой полиграф фиксирует верхнее и нижнее дыхание, датчики крепятся на груди и на животе, датчики на пальцах определяют выделение пота и электрическую проводимость кожи рук.

— Не в моих правилах, но воспользуемся проверенным средством. Часа за два до проверки надо втереть в кожу обычную салицилово-цинковую мазь. Купите в любой аптеке. Некоторое время кожно-гальваническая реакция будет постоянной, датчики не отметят изменений.

— А если мне предложат помыть руки?

— Правильно, почти всегда предлагают. Прежде чем втирать мазь, распарьте как следует руки в кипятке, потом несколько минут тщательно втирайте мазь, чтобы она глубже проникла в эпидермис. Перед сеансом протрите руки спиртом, он подсушит кожу, закупорит поры. Можете смело мыть руки водой.

— Ах, доктор, как с вами легко и просто! — воскликнул Роберт с явным воодушевлением. — Я бы охотно взял вас с собой!

— Не положено, — ответил я скромно, как блюститель порядка из нижних чинов.

— Вам, наверное, любой детектор по зубам? — предположил он с явным почтением и в одобрительной манере.

— Служба, — сказал я будничным тоном и даже со скукой в голосе, чтобы никто из нас не заносился, не задира нос, не надувался спесью и не смотрел на мир свысока.

По совести говоря, мой скепсис по отношению к полиграфу основан на веских причинах. В разведках многих стран нередко случались казусы, когда агенты, с успехом пройдя детектор, впоследствии проявляли тайный умысел, становились перебежчиками или исчезали бесследно, оставив разведку с носом. А ведь полиграф их не заподозрил, тревогу не поднимал, в колокола не бил. С другой стороны, я знаю немало случаев, когда хорошие верные агенты годами и десятилетиями плодотворно трудились на невидимом фронте, а потом вдруг их решили проверить на полиграфе, и они его не прошли. Между прочим, у них и в мыслях не было куда-то переметнуться, совершить измену, прибиться к чужому берегу. Тем не менее электрический стукач с проводами торжествовал победу, людям перестали доверять. Я вообще не очень жалею электрическую бытовую технику — чайник, к примеру, или, скажем, электрические щипцы для завивки волос, не говоря уже о полиграфе, который неоправданно и опрометчиво называют детектором лжи, черт бы его побрал!

Назад я отправился другой дорогой, чтобы поближе узнать Венецию. За мостом Толентини я свернул налево, к улице Делла-Амаи, которая вела к мосту через канал Менегетти. На удивление пустынными оказались старинные улицы — ни души. Вымерли и каналы, вдоль узких набережных на воде неподвижно стояли разнообразные посудины без экипажей — гребные и моторные лодки, грузовые баркасы, катера, но хотя бы один человек показался на глаза — ни одного! Причудливый город, казалось, обезлюдел в одночасье, население и приезжие странным образом запропастились куда-то, испарились и улетучились бесследно, исчезли напрочь. Все, похоже, сгнули, точно Венецию, как случалось не раз, посетила эпидемия чумы. Другими словами, разразился повальный мор, извел всех под корень. Подумать только, что за странное явление застигло меня в приходе Толентини. Еще отчетливо помнилась шумная сутолока набережной Скьявони, память еще прочно удерживала многоликую толчею и пестрое мельтешение на площадях Сан-Марко и Виктора-Эммануила, еще не забылось оживленное движение судов на Большом канале, а здесь противоестественно и необъяснимо царило безмолвие, в поисках людей взгляд беспомощно шарил по необитаемому пространству.

Неограниченная тишина висела над щербатыми плитами улиц, над каналами, обрамленными в камень, над узкими набережными, над чудесными старыми домами, подклеты которых за века изъела, источила, искрошила морская соль. В тишине я одиноко брел по улице Амаи в квартале Санта-Кроче. Впереди показался широкий мост через канал Менегетти. Однако по-прежнему было пустынно, как на угасшей и вымершей планете. Могло сдаться, люди покинули местную среду обитания, и жизнь постепенно исчезла, следы ее затерялись. Похоже, я один случайно выжил — один на всю Венецию, только и оставалось, что потерянно озираться в надежде углядеть кого-то. Но не было никого, не было — поблизости и вдали, за все время, пока я шел, никто не появился, взгляд никого не обнаружил. Неожиданно за мостом в утвердившейся тишине послышались шаги — беззаботный перестук каблуков, легкая поступь. На другом берегу канала Менегетти со стороны набережной Сечери и соседних с ней улиц Кампаззо и Чиовери кто-то неспешно приближался, видно, к счастью, выжил, как и я, в зачумленной местности Толентини. Разумеется, это была она, таинственная незнакомка, загадочная дама, мечта поэта. Для нас — для нее и для меня — не было другого пути, кроме моста над каналом. Медленно и как бы задумчиво она поднялась на покатый мост и шла навстречу — неотвратимо приближалась. Пустынно было вокруг, пустынно и тихо, мы оказались единственными обитателями, неисповедимо оставшимися на планете, тишину нарушали лишь звонкие женские каблуки. Естественно и неизбежно мы встретились взглядами и, пока сходились, глаз не отводили.

Ее лицо показалось мне знакомым. Я вдруг понял, что давно знаю эту женщину, встречал когда-то — но где, когда?! Мучительно и надсадно я напрягал память, гадал, пытался вспомнить. Что сомневаться, за минувшее время она не потеряла привлекательности, хотя первая молодость прошла. Глаза, однако, сохранили юную живость, тело — гибкость, лицо — былую красоту, а ноги — длину и стройность. Мы поравнялись на середине моста, она улыбнулась — мне, конечно, кому ж еще? — я почувствовал себя окрыленным, хотя вспомнить ее не мог. Несмотря на усилия, памяти не хватило мочи. Поравнявшись, мы разошлись и продолжали расходиться — как в море корабли, если быть точным. Спустя несколько шагов я обернулся, но и она обернулась, глянула улыбочиво и лукаво. Так мы шли, оборачиваясь и обмениваясь улыбками, пока не кончился мост. А потом вдруг, уже за мостом, я неожиданно понял, кто она: по прихоти случая мне повстречалась на мосту актриса Моника Витти, обворожительная, непод-

властная времени. Вершина ее славы давно прошла, но лет двадцать назад она была мировой звездой, играла красивых, умных и разочарованных аристократок, сводила с ума мужское население планеты. А сейчас, видно, она сбежала от фестивальной суеты, чтобы насладиться одиночеством среди старинных улиц, каналов и мостов. А я подумал: какие широкие возможности открывает перед мужчиной Венеция, где на улице можно встретить мировую звезду экрана. Однако неожиданная встреча на мосту оказалась предтечей другой встречи — предвестием, как принято говорить.

К тому времени в городе полыхал закат. С причала Риальто катер вапоретто бодро отправился по Большому каналу в сторону лагуны. Едва речной трамвай отошел от пристани, я увидел ее — девушку, с которой утром плыл с острова Лидо и которая читала роман Хемингуэя «За рекой в тени деревьев». Быстро и легко, почти невесомо, как будто не касаясь старинных плит, она бежала по набережной к причалу в надежде успеть на катер, однако не успела на мгновение, катер отошел. На ее лице промелькнуло мимолетное огорчение, что и понятно: люди, опоздав, всегда испытывают досаду и недовольство. Впрочем, она тотчас чутко насторожилась, сосредоточенно глянула по сторонам, как будто кто-то ее окликнул, намеренно привлек внимание. Она озабоченно и недоверчиво озиралась, видимо, почувствовала сторонний взгляд. С палубы катера я, не отрываясь, смотрел на нее, она угадала направление, и мы встретились глазами. Не знаю, была ли она моей суженой, но глядя на нее, думаю, что была. Нет, не зазной, не увлечением, а, без сомнения, именно суженой — на всю оставшуюся жизнь. Новая встреча мнилась мне неизбежной и неотвратимой, случай, казалось, подарил новую возможность. Да, судьба иногда, изредка снисходит, проявляет милость, стучит, как почтальон, в дверь, снова, второй раз. Мы смотрели друг на друга, как утром, не сводя глаз, с той лишь разницей, что сейчас уплывал я, она стояла на причале с маленькой дамской сумочкой на плече.

Медное солнце неподвижно пылало за венецианскими соборами и дворцами, ярко отражалось в стеклах венецианских окон, бесчисленные костры из солнечных отражений тлели в зеленой воде канала. Освещенная закатным солнцем, с той же книгой в руке, девушка задумчиво стояла на причале. Я прислушался к себе, вник в ход мысли, в послание сердца — нет, я не ошибся утром, не обманулся, мнение осталось прежним, за день усилилось и окрепло, и сейчас волнение снова проникло в кровь.

Девушка была само очарование. Нахлынуло редкое непередаваемое чувство, причал Риальто манил неодолимо, хоть бросайся в воду, плыви назад. Думаю, моя суженая оценила бы по достоинству, кинься я безрассудно в стоячую воду канала, но я помнил, зачем я здесь, и по здравому смыслу не мог рисковать. Даже просто обратиться на себя внимание не имел права. Тем более что временами по набережной парами медленно прохаживались карабинеры, по каналу скользили быстроходные полицейские катера.

Речной трамвай постепенно удалялся от причала, в лице девушки я прочитал некоторое смятение. Не знаю, что ее удручало, предположить можно любую причину. Однако я надеялся, что огорчилась она — хотелось бы верить — по причине нашей разлуки. Случай вновь нас обнадежил, второй раз за день свел в одно время в одном месте, хотя большинству людей на свете вообще не удастся повстречаться с уготованной небом любовью. Вероятно, обстоятельства и на этот раз сложились неблагоприятно, мы снова разминувшись. Только и оставалось, что уповать на новый случай.

Если откровенно, я был пленником своей работы, не мог ни отвлечься, ни рискнуть, ни пренебречь. Личные прихоти и пристрастия военная служба в расчет не берет и не учитывает, любовь же вообще мыслится незначительной категорией — лишней, вполне никчемной. Тем не менее я решил дожидаться свою избранницу на причале

острова Лидо, откуда утром мы плыли в город вместе. По моему предположению, на Лидо она могла приплыть следующим катером, я надеялся встретить ее на причале Санта-Мария-Элизабетта. До острова Лидо катер ходко шел по широкой солнечной дороге, закатное солнце воспламенило, казалось, просторную воду лагуны. На закате величественная панорама соборов, неповторимых средневековых зданий и дворцов ошеломила сильнее, чем утром в туманной дымке. Венецианский закат кружил голову, я подумал, что не случись у разведки служебной нужды, мне бы и не попасть сюда вовсе, умопомрачительная Венеция навсегда осталась бы несбыточной мечтой. Как бы то ни было, но по большому счету, и электрическое устройство полиграф вполне мне пригодилось, внесло свой неоценимый вклад в скромную жизнь провинциального офицера.

Следующий катер я ждал на причале Санта-Мария-Элизабетта, девушки, однако, на нем не оказалось. Я подумал, что по какой-то причине она пропустила катер, отлучилась, допустим, за покупками на соседний рынок моста Риальто. Однако ее не было и на следующем катере. Я ждал ее на причале довольно долго, катера прибывали один за другим, девушка не появилась. Она могла воспользоваться быстроходным водным такси, которые, глиссируя, носились по всей лагуне, но у такси на Лидо был другой причал. Кроме того, не исключено, что она осталась на ночь в городе и на Лидо отправится утром. Так или иначе, встретиться нам не удалось, надежда истаяла и улетучилась, даже следов не осталось.

С причала я ушел вечером. Кто бы сомневался, уповать, что случай еще раз улыбнется, одарит третьей встречей, было, конечно, глупо и нелепо, судьба исчерпала, конечно, возможности сполна. По людной Гран виале Санта-Мария-Элизабетта, где в обе стороны, туда и сюда фланировала густая толпа, я дошел до набережной Маркони. Адриатическое море встретило меня вечерним бризом, перед входом в отель «Ди Бейн» кучковались любители автографов, терпеливо поджидали очередную жертву. Морской ветер лениво полоскал на высоких мачтах флаги стран, участвующих в кинофестивале. На открытой террасе клуба «Пагода», которая нависала над безлюдным пляжем отеля «Ди Бейн», играла музыка, было шумно и весело, оживленно расхаживали и постаивали многочисленные гости с бокалами в руках, легко было догадаться, что некая съемочная группа из неведомой страны устроила прием по случаю премьеры. Лишь одинокая пара, закутавшись в белые купальные халаты, романтическим образом и в кинематографической манере посиживала на песке у края воды, подчеркивая тем самым пустоту и безлюдье вечернего пляжа. Но не о том речь, не о том, разумеется.

Я почувствовал чужой взгляд, словно кто-то со стороны пристально меня изучал, и, как уже случалось, пришла мысль о слежке. Помня законы конспирации, я заглянул в отель «Ди Бейн», где среди мировых кинозвезд жил Джанни Буттафата, обозреватель журнала «Эспрессо» из Милана. Мы познакомились полгода назад, в зимней Москве, на мальчишнике в доме поэта Евгения Рейна, моего давнего, со времен юности приятеля. На вечеринке мы с Джанни поговорили о том о сем, и он тогда сказал: «Будешь в Италии, заходи». И теперь я решил навестить его: пригласили — уважь! — знакомство оказалось кстати. Если кто и следил за мной, пусть теряется в догадках, ломает голову, движется по кругу, по ложному следу. Я даже нарочито громко и обстоятельно справился на рецепции, в каком номере остановился синьор Буттафата, журналист из Милана. Широкие холлы и коридоры отеля производили благоприятное впечатление: просторно, большие окна, белизна стен и высоких потолков, дорогие картины и антикварная мебель, старомодная роскошь начала века. К моему удивлению, весельчак Джанни, тучный, добродушный и вполне домашний, неожиданно оказался в номере, сидел в подтяжках за столом, писал статью для журнала. А ведь

фильмы шли в пяти залах, и ему, кинокритику, полагалось сидеть в каждом из них или во всех сразу: военные корреспонденты обязаны посещать окопы на линии фронта.

Как бы не так! Ничуть не удивившись неожиданному гостю, Джанни охотно и с готовностью отложил перо, словно искал повод отлынить от работы, незамедлительно и безотлагательно повел меня в бар, где заказал нам по крепкому коктейлю с бурбоном. Через день в урочный час я встречал на причале Санта-Мария-Элизабетта моего пациента Роберта. Как уговорились, нам предстояло отправиться в гостиницу «Капелло», где нас ждала изнурительная работа — легче землю копать и тесать камни. Впрочем, землекопа и каменотеса можно заменить, мою работу за меня никто не сделает.

Утром на плавучем деревянном причале, который зыбко покачивался на воде, теснилась изрядная толпа, пассажиры ждали катер на Венецию. Как случилось уже, внезапно я почувствовал чужой взгляд — тронул ощутимо, будто прикосновение руки. Хотите — верьте, хотите — нет, но естественную от природы способность я успешно развил в подразделении икс, мы разработали методику и рекомендации для разведки. И сейчас я внятно ощутил взгляд со стороны, тотчас возникла тревога: кто-то в толпе проявил интерес, скрытно воззрившись и внимательно за мной наблюдал, едва я появился на причале. Разумеется, я не подал вида, изобразил равнодушие, сделал вид, что ничего не происходит. Следовало незаметно осмотреться, понять направление, определить источник и причину: то ли чье-то досужее любопытство, то ли слежка, наружное наблюдение. Я отошел к перилам, ограждающим причал, облокотился и принялся читать газету «Нью-Йорк таймс», которую стюардесса предложила мне в самолете, сам тем временем дотошно, но с полным безразличием в лице изучал пассажиров, ожидающих катер.

Бог ты мой, я увидел ее в толпе! Моя суженая, предназначенная мне свыше, неисповедимо присутствовала среди пассажиров на другой стороне причала. Судьба, видно, предоставила еще один, может быть, последний шанс. Девушку окружали многие люди, но она от всех отличалась и выглядела так, что казалось, будто стоит одна — отдельно от всех.

Я впервые видел ее так близко. Она и с короткого расстояния смотрелась ослепительно, и как уже случилось дважды, она и на третий раз сразила меня наповал.

Что говорить, с первого взгляда она производила неизгладимое впечатление. В ней угадывались неисчислимы достоинства: высокая порода, благородное происхождение, редкое обаяние, сокрушительная привлекательность и невероятное, неограниченное, непостижимое очарование, перед которым невозможно было устоять. Стало понятно, откуда исходил взгляд, который, зайдя на причал, я вдруг отчетливо почувствовал.

Сказать по правде, я замер, ошеломленный до потери пульса. Она пылливо смотрела в мою сторону, в глазах я уразумел ожидание. Казалось бы, чего проще: десяток-другой шагов — обратись, заговори, сведи знакомство... А там уж как угодно небу: то ли вместе, то ли врозь. Понятно, что другой возможности не представится, не предвидится, никто не предложит, судьба и без того оказалась щедрой, отнеслась благосклонно, неслыханно и неправдоподобно пошла навстречу. Поспешай, служивый, оцени удачу и лови момент, счастье благоволит, не упusti!

Ее взгляд побуждал меня к действию. В ту секунду, однако, я услышал пронзительный остерегающий сигнал: над лагуной резко и внезапно прозвучала сирена. К берегу приближался речной трамвай вапоретто, предусмотрительно оповестил всех о своем прибытии. Роберта я увидел еще издали, он стоял на палубе возле фальшборта, чтобы поскорее выйти на причал.

Мог ли я что-то изменить, как-то повлиять на события? Сказать, например, пациенту, погуляй тут, повремени, пока я определюсь с любовью. Или пренебречь конспи-

рацией, обратиться к суженой, дождись, мол, пока я освобожусь. Выхода я не видел, ничего не поделаешь, военная служба — тяжкое бремя.

Приблизившись, катер бортом коснулся причала, тот взволнованно ожил, качнулся, заходил ходуном. Роберт надел темные очки, подал условный знак, что он меня заметил, готов сопровождать. Как водится, разведка в своих планах любовь не предусмотрела.

С причала я направился в сторону набережной. Девушка уже стояла на палубе катера и смотрела мне вслед. Затылком и спиной я внятно ощутил прощальный взгляд, было понятно, само собой разумелось, больше нам уже никогда не встретиться, все случайности и оказии состоялись, продолжения не будет. И если не обманываться напоследок, не заблуждаться, не лукавить, в глазах девушки я усмотрел сожаление и упрек. Надо признаться, в ту минуту меня посетило горькое чувство потери. С отчетливой ясностью я осознал, что свою долгожданную любовь я нынче потерял навсегда. Следом накатилося гнетущее чувство вины, будто я кого-то обнадежил и ввел в заблуждение, пообещал и не исполнил, обманул.

Врозь, как требовала конспирация, на противоположных сторонах улицы мы с Робертом прошли по оживленной Гран виале Санта-Мария-Элизабетта. Прежде чем отправиться в гостиницу, следовало проверить, нет ли слежки. Мы усердно исполнили все предписания разведки, свернули в тихие безлюдные улочки вдоль узких каналов, где любой соглядатай, появившись он здесь, окажется на виду. Каждый из нас старательно отследил и проверил окрестное пространство, боковые улицы и набережные каналов. Понаблюдав, мы никого не заметили, слежку не обнаружили и сошлись перед дверью гостиницы «Капелло».

К нашему общему с Робертом удивлению, с утра гостиница «Капелло» оказалась на редкость безлюдной. Постояльцы отеля, соседи по коридору уже сидели в кинозалах, отбывали повинность на фестивале, мы беспрепятственно могли работать.

Готовя Роберта к полиграфу, следовало закрыть, заблокировать память о прошлом, стереть и удалить воспоминания, запечатать определенным тайным кодом. Агенту предстояло забыть на время, кем он был когда-то и всякую связь с разведкой, чтобы полиграф его не раскусил, не распознал, не разоблачил.

Кто бы сомневался, амнезия на прежние события поможет Роберту утвердиться в его нынешней личине. Если оператор полиграфа спросит, не агент ли он, и поинтересуется давним прошлым, в том сегменте памяти, который я закрою, обнаружится провал, черная дыра. С интервалом в несколько часов пришлось тщательно провести два сеанса — поверхностный и глубокий. Что ж, я сделал свою работу, надеюсь, что хорошо. После сеансов Роберт напрочь забыл отдаленное прошлое: детство, учебу, подготовку в школе разведки и себя, того, давнего, из минувшего времени — до определенной черты, с которой началась его жизнь в новом обличье. Диссоциированная амнезия по заданной программе накрыла обширное поле долговременной памяти и закрепилась в коре головного мозга как стойкий очаг. Из памяти Роберта стерлись давние события, люди и факты его личной жизни, но сохранились все приобретенные знания, навыки и способности — ювелирная работа, надо признать, кропотливый труд.

Теперь не было повода тревожиться и опасаться за безопасность и состояние агента. Позже, спустя время, амнезия, конечно, размоется, развеется, постепенно ослабевает, в ней появятся светлые пятна, прорехи, промоины, ее плотность убавится. Следом агент вспомнит отдельные эпизоды и случаи из прошлого, и память мало-помалу восстановится — естественным образом, сама собой. В крайнем случае я смогу ее разблокировать в подразделении икс. Закончив работу, мы пили чай с печеньем. Как правский командировочный я возил с собой кипятивник и заварку, пользовался от случая к случаю, несмотря на пожарные правила и строгий запрет гостиниц. Угоще-

ние, надо признаться, не соответствовало праведным законам гостеприимства и обоюдной взаимности. В «Парк-отеле» Роберт угостил меня венецианской кухней, я же в гостинице «Капелло» на острове Лидо потчевал его стаканом чая — пусть меня осудят и заклеят.

Впрочем, что за неуместные суждения и досужие выдумки?! Из гостиницы «Капелло» к причалу Санта-Мария-Элизабетта Роберт шел по широкой улице Д'Аннунцио бодрым шагом и веселой поступью, беззаботный, вполне удовлетворенный существованием. Отныне его не мучили сомнения, не терзали лишние заботы, исчезли тревоги, страхи и опасения, судьба впредь сулила удачу и успех. Теперь он представлял свою жизнь безоблачной и незамутненной и знал лишь ту правду, которую требовал полиграф. Взамен агент оставил мне свое прошлое, я взялся бережно его хранить — верну, если захочет, если понадобится, если будет нужда или необходимость. Говоря откровенно, по гамбургскому счету, он сейчас во мне не нуждался, врач для него уже ничего не значил — лишняя обуза, избыток внимания.

Радостный и счастливый, как победитель и чемпион, Роберт торопился к себе в «Парк-отель». Безоглядно и нетерпеливо, словно школьный выпускник из провинции, который пустился в дорогу, чтобы покорить столицу, он рвался улететь ближайшим рейсом — к себе, в страну пребывания, за новым высоким назначением. Со своей стороны я как врач не мог отпустить пациента без надзора: после двух сеансов час-другой за ним следовало понаблюдать: нет ли осложнений, побочных явлений и нежелательных последствий. Под вечер с причала Санта-Мария-Элизабетта мы с Робертом на катере вапоретто плыли в прекрасную Венецию. Закат уже отгорел, но было еще светло, вода в лагуне отражала небо. Сейчас старинные здания на острове Сан-Джордже-Маджоре выглядели как театральные декорации, особенно колокольня церкви Палладио. Как обычно, возле причалов теснились парусные яхты, густой лес мачт высился над водой. На лагуну постепенно спускались ранние сумерки, но остров Джудекка, Стрелка таможи и церковь Санта Мария делла Салюте были отчетливо видны на фоне светлого неба. В акватории Сан-Марко кое-где уже зажгли огни, отразились в темной воде лагуны. От Большого канала шел встречный катер на Лидо, по непонятной причине мне вдруг подумалось, что на нем непременно плывет моя суженая.

Прислонясь к рубке, она стояла на палубе вапоретто, обозревала завораживающую картину соседних островов с их грандиозными старыми постройками. Речные трамваи быстро сближались, девушка неожиданно встрепенулась, вскинула голову, бросила недоверчивый взгляд на наш катер, словно кто-то внезапно нашептал, надоумил, безмолвно подсказал. Катера на мгновение поравнялись и с близкого расстояния быстро разминулись, мы едва успели переглянуться — короткая встреча, мимолетное свидание. У меня снова, как случалось уже, сжалось и печально заныло сердце, наступило беспомощное состояние, когда мечтаешь, стремишься, рвешься, но ничего изменить нельзя, от тебя ничего не зависит. Неправдоподобная, можно сказать, невероятная командировка длилась еще неделю. Я встречался с пациентами из разных стран, у каждого была своя программа и своя проблема, каждому я старался помочь, надеюсь, что удалось. Посещать их приходилось в гостиницах, где они остановились, в монастыре на острове Сан-Лазар, который тоже давал приют некоторым постояльцам, или они приплывали ко мне на Лидо, где кипел венецианский кинофестиваль. Несметные толпы клубились возле Дворца кино и большого открытого кинотеатра «Арена», где фильмы показывали, когда стемнеет — вечером и ночью. Перед входом в отели «Эксельсиор палас» и «Ди Бейн», в которых жили знаменитые кинозвезды, кучковались охотники за автографами, людно было в местных кафе, барах и ресторанах, повсюду наблюдались горячее возбуждение, азартная лихорадка, жгучий оз-

ноб и ажиотаж. Царящая повсеместно обстановка помогала моим пациентам и мне затеряться, стать одними из многих — людьми толпы, как принято говорить. Любый приезжий в дни фестиваля был на Лидо, словно иголка в стоге сена, раствориться в многолюдной толчее среди бесчисленных зрителей и гостей, стать незаметным не составляло труда.

От случая к случаю в те дни мне везло, удавалось повидать свою любовь. Мы делились на встречных катерах вапоретто, идущих в противоположных направлениях — один на Лидо, другой на Венецию, едва успевали встретиться глазами. Речные трамваи второпях расходились, нам только и оставалось, что с грустью провожать вапоретто глазами.

В последний день кинофестиваля я с острова Лидо отправился на встречу с пациентом в центре Венеции. От дворца Гримани на Большом канале по набережной канала Рио-ди-Санта-Лука я шел в сторону театра Россини. Плавно изгибаясь, канал прорезает территорию между церквами Святого Луки и Святой Бернеттты. Помпезные, невыносимо прекрасные здания в роскошном старовенецианском стиле настраивают человека на высокий и торжественный лад, как волшебная средневековая музыка в исполнении органа, клавиесина, оркестра старинных инструментов: воспаряешь, возносишься мыслями в небеса. Я медленно брел по набережной вдоль канала Рио-ди-Санта-Лука и рассеянно думал о том, что третий после Марка и Матфея евангелист апостол Лука был писателем, врачом и странником — как и я, думалось мне нескромно. Среди покоя, безмятежного настроения, отрешенного созерцания я вдруг почувствовал в окружающем пространстве, необъяснимо угадал, непостижимо уловил чужое присутствие. Ощущение было настолько явным, что я сразу заподозрил слежку. Срочно, то есть без промедления, следовало проверить свои подозрения и убедиться, удостовериться, чтобы, не дай бог, не засветить агента, не привести к нему «хвост». Я тотчас шагнул к чугунной, взятой в гранит решетке, ограждающей набережную. Пронизанный солнцем канал отдавал бирюзой, вдоль уреза воды каменную стену канала выстилала изумрудные водоросли. Наведя объектив, я сделал несколько снимков и увидел ее, мою милую, идущую следом. В полусотне шагов позади она шла за мной по набережной вдоль канала Рио-ди-Санта-Лука. Как же она была хороша — глаз не отвести, неотразимая буквально! Грациозно покачиваясь на высоких каблуках и как бы слегка танцуя, она шла сейчас в короткой юбке, которая убедительно подчеркивала длину великолепных ног, свойственных венецианкам. Светлые волосы она собрала и подколола кверху, стройная и тонкая фигура мнилась невесомой, легкая походка завораживала — неземное создание, ангел во плоти. При ходьбе она непринужденно и даже игриво помахивала в такт шагам маленькой дамской сумочкой на длинном ремне. Слов нет, потеряв дар речи, я не сводил с моей суженой восхищенных глаз, она, казалось, излучает сияние, тут поневоле онемеешь, потеряешь дар речи. Своим присутствием она как будто осеняла живописный канал, старинную набережную с ее причудливыми домами и всю необыкновенную, неопишемую, непостижимую Венецию. Моя суженая шла ко мне и приближалась, приближалась... Ни одна, казалось, причина уже не помешает нашей встрече.

К счастью, встреча наконец предстояла сейчас неизбежно и неотвратимо как назначенная свыше. Все запреты и сомнения, все препятствия исчезли, растаяли, улетучились, случай вновь улыбнулся, подарил реальную возможность свидания. Теперь следовало дождаться мою суженую — нет, поспешить, побежать, помчаться навстречу и, не раздумывая, без промедления и задержки признаться в любви. Никакие возражения, помехи и препоны, никакие причины не могли меня остановить. Что ж, я так и поступил бы, если бы не пациент. Он ждал меня в урочном месте в урочное время, опоздать я никак не мог. Любовь плохо согласуется, сочетается, соотносится и сообра-

зуются с воинской присягой, пора бы знать. Испытывая стыд и чувствуя себя презренным дезертиром, я позорно бежал с поля боя. Глубокое разочарование и обида беззвучно летели мне вслед, я внятно ощутил их спиной и затылком. Под укоризненным взглядом девушки я свернул на улицу Фриццели в том месте, где канал Рио-ди-Санта-Лука, сужаясь, переходит в канал Рио-ди-Баркарол — и скрылся в лабиринте соседних улочек, в сплетении узких переулков и каналов. Не зря говорят: с глаз долой — из сердца вон!

Наутро я улетал домой. В аэропорт Марко Поло на улице Галилео Галилея в городке Тессера я приехал с острова Лидо заблаговременно, катер вапоретто исправно доставил меня к причалу аэропорта на северо-востоке лагуны. Маршрут предстоял мне окольный, с пересадками в разных странах по законам конспирации: сначала я летел на Канары, с острова Тенерифе в Барселону, оттуда в Амстердам, потом в Киев и на поезде в Москву. Я уже прошел регистрацию, таможенный досмотр и паспортный контроль в зоне вылета на втором этаже терминала. Дорожную сумку я, по обыновению, взял на борт как ручную кладь и ждал, когда объявят посадку. В такие минуты испытываешь некоторое опустошение, погружаешься в ожидание, как в стоячую воду. Прислушиваясь к объявлениям, я безучастно прогуливался по залу среди бесчисленных лавок и магазинов, размышлял, какая долгая в угоду конспирации мне предстоит дорога.

Господи, твоя воля, ангелы небесные и святые угодники! Я увидел вдруг ее, мою суженую, в первое мгновение не поверил глазам. Она спешила, видно, на другой рейс, за собой везла чемодан на колесах, маленькая дамская сумочка на длинном ремне висела на плече. Вокруг царил суета, беспокойно жил аэропорт, покупатели оживленно роились возле магазина дьюти-фри, динамики гулко транслировали объявления, но окружающих я не замечал, трансляцию не слышал, видел только ее, не спускал с нее глаз. Она и сейчас выглядела дивно, мне показалось, что краше, чем раньше, хотя в лице присутствовала озабоченность, и спешила она без оглядки, быстро стригла зал ожидания длинными стройными ногами на высоких каблуках.

Я неотрывно следил за ней и, говоря по совести, не знал, что делать, как поступить. Опрометью броситься следом, спросить телефон, адрес или хотя бы фамилию, город и страну, чтобы написать «до востребования»? В свою очередь и со своей стороны оставить ей мой адрес или телефон я не мог, не имел права, режим секретности в подразделении икс бдел неуклонно, неустанно, неотступно, днем и ночью, круглые сутки, не смыкая глаз.

Внезапно она резко остановилась, словно возникла преграда, и замерла, стала ози-раться. Через мгновение она поняла, откуда исходит внимание, мы встретились глазами. Девушка стояла среди неумоимо снующих людей, которые торопились улететь во все концы планеты, встречные потоки огибали ее слева и справа. В зале шумно плескался разноязыкий гомон, оглушительно вещали динамики, и пассажиры без усталости кружили вокруг, мы безмолвно и неподвижно стояли, окаменев, точно пораженные громом. В ее взгляде я отчетливо прочитал вопрос: что дальше? — и усмотрел ожидание. Надо было без промедления, без задержки и ожидания что-то предпринять: сказать, что она моя суженая, предназначенная только мне, не откладывая и не надеясь на другой случай. С пронзительной ясностью было понятно, само собой разумелось, что счастливая возможность больше никогда не представится, даже ненароком удача не повторится: все случайности себя исчерпали, вновь испытать судьбу не удастся.

Не знаю, сколько длилось оцепенение — вечность или мгновение. Внезапно ожили динамики, диктор объявила рейс на Канарские острова. Я растерянно присутство-

вал, как нелепый истукан, в зале ожидания аэропорта Марка Поло, тупо размышлял и не двигался с места. Ожидание и надежда в лице моей ненаглядной сменились укором, упреком, разочарованием и обидой. Я не мог ничего изменить, потерянно и стыдливо побрел на посадку. Кто знает, встретил ли я в прекрасной Венеции необыкновенную любовь, единственную и неповторимую, которая случается раз в жизни, — встретил нечаянно и упустил, утерял, утратил? Или то была чья-то изысканная, тонкая, изобретательная слезка? Ответа нет, никогда не будет. В глубине души едва слышно шевелится и тихо скребется робкая мысль, зыбкое предположение: может быть, наша разведка находчиво приложила руку, предусмотрительно назначила умелое и, я бы сказал, обворожительное сопровождение, — на всякий, как водится, случай, для наблюдения и контроля. Случись что-то не так, она знала, что делать, как поступить. В России обычно говорят: подстелить соломку. Если я прав, пусть она встретит меня на Киевском вокзале в Москве, я тоже знаю, что делать и как поступить.

Впрочем, не исключено, ей дали и другое задание. При определенных непредвиденных обстоятельствах ей, может быть, поручили обрубить концы. Другими словами, устранить объект наблюдения или, говоря проще, ликвидировать. Кто знает, что моя любовь хранила в маленькой дамской сумочке на длинном ремне. Чудная, сказочная Венеция издавна славится весельем буйных карнавалов, кипящей страстью любовных приключений, однако и редким изощренным коварством.